

10.333
1959

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

2

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЦА

1959

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания третий

62.308

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ. Абхазский дождь. Стихи.	3
КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА. Цветение лозы. Роман (Продолжение)	4
СУЛЕЙМАН РУСТАМ. Желание. Стихи.	31
ГЕОРГИЙ ГУЛИА. Негры в Брюсселе. Рассказ.	33
ЛЕОНИД ВЫШЕСЛАВСКИЙ. Свети-Цховели. Стихи.	37
СЕМЕН СТАЦЕНКО. На древней земле. Стихи.	38
АКАКИЙ БЕЛИАШВИЛИ. Рустави. Роман (Продолжение).	40
ГЕОРГИЙ КРЕЙТАН. У моря. Стихи	62

ИНОСТРАННЫЙ РАССКАЗ

ЯРОСЛАВ ГАШЕК. Кража людей.	63
-----------------------------	----

ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ

В. АСАТИАНИ. Большая химия нашей республики.	68
--	----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Грузинская советская литература перед новыми задачами.	78
--	----

Предсъездовская трибуна

ЛАВРОСИЙ КАЛАНДАДЗЕ. О национальной форме литературы.	88
---	----

СРЕДИ КНИГ

Уш. ОБОЛАДЗЕ. Монография о Н. Николадзе.	
Л. РАЗМАДЗЕ. Правдивая летопись героических будней.	92—94
Коротко об авторах	95—96

2
ФЕВРАЛЬ
1959

Редактор К. ЛОРКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора),
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ**

АБХАЗСКИЙ ДОЖДЬ

Перевод с грузинского А. Патарая

Знаешь почему,
Страна родная,
Дождь абхазский
Полюбился мне?
Голосом поэта обладая,
Он поет чарующей весне,
И звеня зеленой лирой мая,
Сыплет он серебряную рожь,
И по нивам волны пробегают,
Как по лире радостная дрожь.
Ливнем льет
На лавры и на туи
Дождь свои серебряные струи,
Тучей льнет к земле, напоминая
Сердцу о далеком милом крае,
О забытой солнечной любви.
Звоном, плеском
Огласил кудесник
Всю семью чудесных
Тихих рощ.
За веселый шум,
За звонкость песни
Полюбился мне
Абхазский дождь!
Так шумит
И плещется в амфору
Молодое
Сладкое вино:
Ведь бродить
В младенческую пору
На земле всему и всем дано.
Звоном, плеском
Огласил кудесник
Всю семью чудесных
Тихих рощ.
За веселый шум,
За звонкость песни
Полюбился мне
Абхазский дождь!

ЦВЕТЕНИЕ ЛОЗЫ

РОМАН

(Продолжение)

Авторизованный перевод с грузинского С. Трегуба

★ ★ ★

Как всадник прощается со своим любимым конем, так попрощались со своими старыми тракторами Ника Уджираули и Коля Соколов.

Свой новый трактор Ника подвел к тому участку, который местные жители прозвали участком Мамуки. Никто из них не знал, кем был этот самый Мамука, когда он проживал в этой местности. Из рассказов деда Микелы и Абриа-злозязычного было известно лишь, что когда-то архиепископ Кахетии проклял эти земли, и с тех пор никто не решался на них поселиться. Здесь сохранились только остатки разрушенных древних часовен и крепостей да ростки дикой лозы.

Трактор медленно двигался по склону оврага. За ним волочилось тяжелое приспособление, похожее на рака,—риппер. Женщины из рода Уджираули крестились: они боялись, как бы гусеницы не оторвались от земли, и трактор вместе с Никой не свалился на дно оврага. Но трактор прочно держался на склоне. Резцы риппера бороздили почву и выгребали на поверхность камни.

— Ура! Ура! — кричали люди, которых еще совсем недавно одолевали сомнения и страх.

Ника словно прирос к сиденью. Вот трактор пополз уже вверх. Риппер грыз каменистую землю, выворачивал камни, обугленные корни дубов, ольхи и карагача. Рядом с ними валялись глиняные останки винных кувшинов, ручных мельниц. Обнажился какой-то каменный фундамент.

— Это, должно быть, остатки жилья Мамуки, — говорили старики.

Неподалеку обнаружили развалины часовни. Старики, отойдя в сторонку, незаметно крестились и тихо молили святого Георгия, прозванного «Квакаца», не наказывать молодежь за содеянное ею кощунство.

Когда Коля Соколов поднялся на бульдозер, комсомольцы крикнули ему:

— А ну-ка, покажи себя!

Коля Соколов был воспитанником детдома. Потом он несколько лет служил в армии. Все знали его трудолюбие, исполнительность, скромность. И за это любили его в Бермухе.

Сейчас Коля очень волновался. Он, разумеется, не верил в проклятье архиепископа. Но он помнил, как подвел его в прошлый раз полуразвалившийся старый трактор.

Юноша родился и вырос в Грузии, прекрасно говорил по-грузински. И он знал: кое-кто из бермуховцев был бы, конечно, рад, если бы вся эта затея — освоение плоскогорья Девяти дубов — потерпела неудачу.

Коля решительно взялся рукой за рычаг и повел свою машину. Он подъехал к первому участку, обработанному уже экскаватором Ваню Хелашвили. Бульдозер стал двигаться назад и вперед, разглаживая неровную поверхность земли. «Ура!» — кричали комсомольцы вслед Соколову...

Вечером, когда Годердзи, Нуну, Коля и Ника возвращались домой, они обратили внимание на одиноко стоящего человека, без шапки, одетого в пастушью кожанку.

Годердзи приблизился к нему. Это был дед Абриа.

— Теперь ты видишь, какие это черти — наши механизмы? — обратился к нему Годердзи.

— Хвастаться еще рано, парень, — зло отрезал Абриа. — С корнями дубов вы совладели. Но погодите, вы еще увидите, как вас накажет святой Квакаца.

— Не беспокойся, с твоим Квакаца мы как-нибудь справимся, — ответил Годердзи.

IV

Ранним утром Коринтели вышел на балкон, чтобы еще раз насладиться наступающей весной.

На высохшем грушевом дереве свистели скворцы. словно черные четки, выделялись они на ветвях. Коринтели прислушивался к их нестройной перекличке. Птицы, казалось, вели между собой деловой разговор. Сидя друг против друга, они так разговаривали на своем птичьем языке, будто обсуждали текущие птичьи дела. Время от времени скворцы взвивались в небо, делали несколько кругов и возвращались обратно, радостно оповещая остальных: «И мы пришли, и мы здесь». Они радовались тому, что над ними необозримое синее небо, а вокруг цветут алыча и миндаль.

У ног хозяина лежал черный доберман-пинчер. Сквозь резные перила балкона он следил за телянком, щипавшим среди двора траву.

Послышался гудок автомобиля. Собака залаяла и, наострив уши, бросилась к лестнице, ведущей на балкон. По ней поднимался Годердзи.

Коринтели испугался, как бы собака не бросилась на гостя, и устремился вслед за ней.

— Ахилл, ложись! — приказал он.

Пес повиновался: улегся у лестницы, вытянул перед собой лапы и положил на них голову. Умным, настороженным взглядом следил он за поднимающимся по лестнице гостем.

Годердзи шел медленно, с удивлением разглядывая собаку, ее лоснящуюся, подобно шкуре тюленя, шерсть. Над глазами и на передних ее лапах выделялись коричневые пятна. словно окаменевшая, она походила на черную скульптуру, высеченную из базальта и установленную для украшения лестницы.

Коринтели предупреждающе цыкнул на Ахилла и спустился на несколько ступенек навстречу гостю.

Годердзи почтительно приветствовал профессора.

— Секретарь райкома просил вас, если сможете, придти на участок.

— Хорошо, что ты явился, Годердзи. Но я и сам собирался туда. Где Цихистави?

— Проводит совещание в колхозной конторе. Вы можете прийти и через час. Я сейчас вернусь туда и, если хотите, приду потом за вами.

— Подожди меня немного. Я должен переодеться. И давай позавтракаем вместе.

— Спасибо, я уже завтракал.

Коринтели взял юношу под руку и повел его к себе.

Ахилл шествовал впереди.

Они миновали прихожую, в которой беспорядочной грудой высились кожаные чемоданы. Годердзи обратил внимание на цветные наклейки заграничных отелей.

Многое слышал Годердзи о красоте Медеи Вачнадзе. Сейчас он увидел ее—бледную женщину в черном платье, у которой кое-где в волосах уже пробивалась седина и обозначились морщинки вокруг глаз. Она любезно протянула гостю руку.

Юноша несколько растерялся и робко окинул взглядом зал. Посредине стоял массивный стол орехового дерева, вокруг него — стулья с высокими спинками. Над столом висела старинная, с бронзовым канделябром люстра. Ее изрядно засидели мухи. В одном углу комнаты — старая фисгармония, в другом — сервант. Некогда со всех этих стен на вас глядело множество портретов бородатых генералов. Их давно убрали. Сохранились лишь портреты Григола Орбелиани и Александра Чавчавадзе; поэты были изображены в мундирах, с эполетами и при всех орденах. Между ними несколько необычно выглядела большая фотография В. И. Ленина. В углу висели стенные часы. Длинный грушевидный маятник ритмично качался под разбитым стеклом. У одной стены стоял огромный буфет, похожий скорее на балдахин, нежели на буфет. На коврах, покрывавших другие стены, висели туры рога и азарпешы¹. Камин был облицован черным базальтом.

Медея, улыбнувшись, обратилась к гостю:

— Вахтанг рассказывал мне о вас. Отец мой очень любил вашего деда Микелу. Он все еще слеп, несчастный?

— Да, — ответил Годердзи и осторожно присел на край стула.

Юноша отказался от завтрака и, пробормотав «будьте здоровы», едва пригубил стакан с вином.

Желая помочь гостю преодолеть смущение, Коринтели заговорил о другом.

— До твоего прихода, Годердзи, я наблюдал за скворцами, слушал их пересвист. Они, должно быть, о чем-то совещались.

Медея рассмеялась.

Но Коринтели продолжал совершенно серьезно.

— Поверьте, они так же понимают друг друга, как и мы. В природе все устроено целесообразно и разумно. Все звуки, даже малейшие, что-нибудь да означают. Люди ведь тоже передают свои мысли и чувства при помощи звуков.

Годердзи с интересом слушал. Он придвинулся к столу и облокотился. Робость первых минут прошла. Коринтели это заметил.

— Скворцы напомнили мне один случай, — говорил он. — Как-то я охотился на тетеревов. Пробираюсь меж кустами и слышу вдруг невероятный писк. Запищит и умолкнет, снова запищит и умолкнет. Я

¹ А з а р п е ш а — серебряный ковш, из которого пьют вино.

пошел на голос и увидел птенца тетерева; похож он был на причудливый цветок, выросший на голой земле. Голова и шейка у него были еще голенькие, только крылья покрылись легким пушком. Он сидел на земле и пищал. Но чувствовалось, что пищит он не от страха и не от голода. Он пищал монотонно и тихо, словно давая кому-то знать, что он, мол, здесь и нечего о нем беспокоиться. Птенец по-детски доверчиво посмотрел на меня своими пшеничными глазками, как бы знакомясь со мной, и спрашивая «кто ты?» Мне часто приходилось охотиться, но я никогда не трогал маленьких — не только птенцов, но даже и волчат, медвежат, не говоря уже о лисятах. Я и не думал, конечно, сделать что-либо дурное птенцу. Интересно было лишь узнать, как он поведет себя, если я прикоснусь к нему рукой.

Старуха Майя, домашняя работница Коринтели, подала на стол новое блюдо. «Ешь, сынок», — тихо сказала она Годердзи. Но тот так был увлечен рассказом, что решительно отказался от еды: «Благодарю, уже завтракал».

— Я нежно погладил птенца по голой головке, — продолжал Коринтели. — Тогда он инстинктивно вытянул шейку, чуть-чуть приподнялся и с любопытством стал меня оглядывать. Я приласкал его. Но как только я попытался поднять птенца и положить его на ладонь, он запищал так испуганно, словно почувствовал какую-то страшную опасность. Я отступил. Но мне было любопытно, как он поведет себя дальше.

Я снова осторожно погладил его по голенькой головке. И он по-прежнему доверчиво поглядел на меня и запищал спокойно, умиротворенно. Потом я осторожно взял его за крылышки, приподнял и положил себе на ладонь. Но как только птенец почувствовал, что его отрывают от земли, он поднял пронзительный писк, еще более тревожный, чем прежде.

Немедленно прилетела мать птенца. Стремительно и яростно ворвалась она в кустарник. Мне почудилось, будто на меня напал орел. Я опустил птенца на землю и отошел в сторонку, продолжая вслушиваться в их голоса. Явственно был слышен боязливый, жалобный писк птенца и ласковый, успокаивающий голос его матери: не бойся, мол, я с тобой, опасность миновала.

Коринтели внимательно посмотрел на Годердзи.

— У всего живого есть свой язык. Его нужно понимать. По-разному ведут себя птенцы на земле и в воздухе. Сколько, например, оттенков хотя бы в карканье ворона? Сидит он осенью на дереве у Алазани, ветер колышет ветвь, и в грустном карканье как бы слышишь тоску по прошедшему сытому лету и страх перед наступающей голодной зимой... По-грузински животное называется «пируткви» — существо не немое, а нечто иное — не обладающее даром речи, не говорящее ртом. Когда я смотрю на моего Ахилла, то мне порой кажется, что он вот-вот заговорит по-человечьи, до того умны его глаза. Когда он со мной, я не чувствую одиночества. Я разговариваю с ним, и он меня понимает.

Годердзи посмотрел на Ахилла, лежавшего у ног профессора, и сказал:

— Да, я еще никогда не видел такой собаки.

— Ахилла подарил моей тете Ефимии префект Парижа, — заметила Медея. — У этой собаки три золотых медали. Она чистых кровей — ее предки тоже не раз были награждены медалями.

— Какой она породы? — заинтересовался Годердзи.

— Доберман-пинчер.

— Ахилл умеет охотиться? — спросил Годердзи.

— Нет, — сказала Медея. — Это ищейка. В свое время она помогла раскрыть много преступлений.

Годердзи снова посмотрел на Ахилла, не спускавшего с него своих черных, холодно поблескивающих, словно змеиных, глаз. Морда у него была длинная и заостренная, как у ящерицы.

— Каких огромных успехов достигла наука! — воскликнул Коринтели. — Как далеко она шагнула! Взять хотя бы радио, атомную энергию. Но немало потребуется еще лет на то, чтобы познать все тайны природы.

— Вахтанг, ты увлекся разговорами и забываешь угощать гостя, — прервала его Медея.

— Ох, извини пожалуйста; угощайся, Годердзи, прошу тебя. Выпей хотя бы вина.

— Беседа с вами приятнее любого вина, — смущенно произнес Годердзи. Но Коринтели заставил его опорожнить бокал.

— В молодости я часто странствовал, много охотился и изучал жизнь животных и птиц, — продолжал Коринтели. — А в годы зрелости особенно увлекался жизнью растений и много лет посвятил этому делу. Ты знаешь, Годердзи, когда я вижу запущенный сад или виноградник, у меня портится настроение. Часто во время поездок я останавливаю машину, вызываю хозяина и распекаю его. Недавно один из них спросил меня: «Скажи, пожалуйста, кто ты такой? Должно быть, государственный человек. Загляни ко мне домой, отдохни, выпей вина». Я ответил, что все мы государственные люди, и, попросив его запомнить это, уехал.

Мы проникаем в другие миры и недостаточно внимательны к окружающей нас природе, — заключил Коринтели, — к близкой нам повседневности. А ведь в ней еще много неразгаданных тайн. Взять хотя бы крик петуха. Разве не удивительно, как чувствует эта птица, отнюдь не слышущая умной, смену дня и ночи, а такое примитивное животное, как овца, угадывает приближение непогоды или землетрясения? Разве не поражаешься тому, что подсолнух всегда обращен головкой к солнцу, и все бобовые, все лозы выются вокруг подпорок справа налево. Ты сам, наверное, замечал, Годердзи, что когда в селе режут корову, то быки приходят на то место, где была пролита кровь, обнюхивают землю и поднимают душераздирающий рев.

— Это я, действительно, не раз наблюдал, — подтвердил Годердзи. Часы пробили десять.

Коринтели встал. Ахилл тоже было приподнялся, но хозяин приказал ему: «лежи!» — и тот остался на месте.

— Садись в машину, — сказал юноше Коринтели. — Я переоденусь и скоро приду.

Когда Годердзи вышел, Майя заметила:

— Хороший юноша, но только не везет ему...

— Что с ним? — спросила Медея.

— Влюблен в Натию Таралашвили, — пояснила Майя, — и та отвечает ему взаимностью, но родители не разрешают ей выйти за него замуж.

— Чем же он плох? — спросила Медея.

— Не то, чтобы плох, нет. Но кто ему, несчастному, отдаст девушку? Ведь дома у него слепой дед и сумасшедшая тетка.

— Ну и что?

— Эх, разве вы сами не знаете, что лучше иметь в доме покойника, чем сумасшедшего, — вздохнула Майя.

Коринтели переоделся. Медея забеспокоилась — не простудится ли

он—и уже на лестнице сунула ему в руки пальто. Ахилл подстерегал хозяина, извивался у его ног, как бы упрашивая взять с собой. И был явно огорчен, когда услышал:

— Ахилл, ты остаешься дома.

Машина медленно двигалась по размытой дождями дороге. Коринтели внимательно разглядывал старые домики с полуразвалившимися стенами каменной кладки, заброшенные сады и огороды, облезлую, непородистую скотину, бредущую к водопою. Обернувшись к Годердзи, он сказал:

— Этот край мне очень хорошо знаком. И должен тебе сказать откровенно, что такого бедного колхоза я еще нигде не видел. Чем это объяснить? В наше время бедность чаще всего рождена бездельем, ленью. На что похоже хотя бы вот это: в таком большом селении всего лишь один родник. Неужели нельзя было привезти из Тбилиси две тысячи метров труб? Вот я скоро поеду и привезу эти трубы, тогда мы проведем сюда воду. Я разговаривал с Цихистави и о том, чтобы построить ГЭС на Гвелети. Село будет обеспечено водой и светом.

— О, вы сделаете для нас большое дело, товарищ профессор, — откликнулся Годердзи. — Моя бригада готова вам помочь, но вы ведь заняты другими, более важными делами.

— Знаешь, Годердзи, — ответил Коринтели, — ваши бермуховские дела и есть дела важные, государственные. Разве государство не заинтересовано в том, чтобы народ всюду хорошо жил?

— Это-то верно, — согласился Годердзи, — но ведь вы, товарищ профессор, живете далеко от нас и настолько заняты своей работой, что только изредка сможете сюда заглядывать.

— Почему ты так думаешь, Годердзи, — не согласился с ним Коринтели. — Отсюда до Тбилиси три часа езды, а я скоро, наверное, получу машину. Я очень люблю Бермуху... Ведь здесь прошли самые счастливые годы моей юности. Еще студентом мечтал я о том, чтобы поселиться в этих местах. Эх, устал я, мой Годердзи, слоняться по чужим странам, жить в чужих городах. Всю мою жизнь я мечтал о том, чтобы жить в таком доме, где надо мною не было бы ни одного этажа, где вместо грохота и лязга трамваев и гудков автомобилей раздавался бы петушиный крик и собачий лай.

— Если так, — обрадовался Годердзи, — то поселитесь обязательно в нашей Бермухе.

Непосредственность юноши пришлась Коринтели по душе. Он выглянул из машины и, указав на возвышенность, сказал с улыбкой:

— А ты знаешь, как называется то плоскогорье?

— Гвелетское плоскогорье, — ответил Годердзи.

— Вон то, на котором виднеются развалины старой башни?

— Да, Гвелетское.

— Ну вот, если я когда-нибудь найду время и возможность, то поставлю себе там небольшой домик, разобью садик, высажу около сотни лоз и буду приезжать сюда, хотя бы на каникулы, ухаживать за садом и виноградником, охотиться на берегах Алазани; а когда постарею, окончательно переселюсь сюда, на родную землю.

Некоторое время они молчали. Потом Коринтели спросил:

— Ты любишь охотиться?

— Раньше я много охотился, — ответил Годердзи, — но с тех пор, как меня сделали бригадиром, времени не хватает: наш колхоз, как вы сами видите, очень отстающий. Ну, и... — он замаялся. — Но я с удоволь-

ствием пойду с вами. И места у меня есть хорошие на примете... Между прочим, я и столяр, мог бы помочь вам в строительстве дома.

— Спасибо, Годердзи, но я и сам немного знаком с этим ремеслом.

Юноша удивился, откуда профессор знает столярное дело.

— В Париже, когда я был еще студентом,—объяснил Коринтели, — мне пришлось работать в столярном цеху на автомобильном заводе Ситроэна. Вот там я и научился столярничать.

— Как? На заводе, простым рабочим?

Коринтели засмеялся.

— А ты думал директором? Эх, Годердзи. Я ведь учился не в нынешнее время. Я рано лишился отца и остался без всяких средств к существованию. Много лет скитался по чужим краям. Вот и приходилось работать: то столярничал, то слесарничал, то работал по ночам корректором. Бедность и голод были моими постоянными спутниками. Жена вот упросила меня сейчас взять с собой пальто. А тогда мое пальто постоянно лежало в ломбарде.

Годердзи пристально посмотрел на Коринтели и только сейчас, кажется, впервые заметил его поседевшие виски, резкие складки у рта и мешки под глазами.

— Не легко вам там жилось, — вырвалось у него.

— Поэтому и возненавидел я буржуазный Запад, — сказал Коринтели. — Когда наше правительство в последний раз посылало меня туда, мне не хотелось ехать. Но нужно было выполнить поручение. Только родная земля, ее чудодейственная красота и сила смогут омолодить мою душу. Я хочу насладиться тишиной наших лесов, шумом наших водопадов, цветением наших лоз...

Коринтели опять посмотрел в сторону Гвелетского плоскогорья. Долго разглядывал он озаренную солнцем пирамидообразную возвышенность. И от этого светло стало у него на душе.

— Жизнь прекрасна, Годердзи, — произнес, наконец, Коринтели. — И человек обязан научиться жить как можно лучше. Величайшее счастье, дарованное человеку, — это умение трудиться.

Когда они добрались до плоскогорья Девяти дубов, их уже ждали здесь Тедо Таралашвили и Цихистави.

Трудно передать радость человека, увидавшего весеннюю землю, распаханную, подготовленную к посевам или посадкам. Земля словно ждет — она лежит, затаив дыхание, под живительными лучами солнца, готовая принять в себя зерно будущей жизни. Недолго дремать ему в ней. Пройдет немного времени, и потянутся кверху бесчисленные зеленые ростки, взойдут они на счастье людям, вложившим в эту землю свой тяжелый труд.

— Аммонал доставили? — спросил Цихистави.

— Доставили, — ответил Тедо.

— Мы правильно сделали, что не отложили этого дела на будущий год,—сказал секретарь райкома. — Меня очень тревожили наши первые неудачи.

— Еще бы! Не говоря уже о деле, была задета и наша честь, — заметил Тедо. — Старики засмеяли бы нас: коммунисты не сумели, мол, справиться с плоскогорьем Девяти дубов!

Цихистави сказал:

— Это только начало. В нашем районе еще много неосвоенной земли. Если взяться за дело энергично, по-хозяйски, то можно превратить эту местность в рай. В ближайшую пятилетку нам надо освоить не только плоскогорье Девяти дубов, но и Гвелетское плоскогорье.

Плоскогорье Девяти дубов было разбито на несколько участков. Всю площадь предварительно обработали тракторами. Все три бригады приступили к закладке аммонала.

— Скажите, профессор, для чего закладывают аммонал? — спросил Годердзи.

— Он окончательно расчистит почву от гниющих корней — обиталища паразитов, — ответил Коринтели.

Годердзи разделил свою бригаду на две части. Мужчин он отправил на ту сторону «Лисьего оврага», где надо было закончить расчистку земли от выкорчеванных и обгорелых корней и веток деревьев. Сам же возглавил женскую половину бригады, в которой находились Нуно и Натия.

Годердзи объяснил товарищам, как пользоваться взрывчаткой и как вести себя при взрыве. Он первым поджег бикфордов шнур...

— Кто из вас не боится сделать то же? — обратился он к девушкам и посмотрел на Натю.

Та смутилась, покраснела. У нее задрожала верхняя губа.

— Да не бойся, Натия, — подбадривал ее Годердзи. — Действуй смело. Вот тебе шнур.

Но девушка растерялась и не могла двинуться с места.

— Так никто из вас и не отважится? — спросил он с укором.

— Почему никто? — раздался спокойный голос Нуно. — В этом нет ничего страшного.

Она подошла к ямке, в которую был заложен аммонал, подожгла шнур, быстро отбежала и припала к земле.

Раздался взрыв.

Пример Нуно окрылил ее подруг. Преодолела страх и Натия.

Взрывы следовали один за другим. Им вторило мощное эхо.

У всех было праздничное настроение. Только у всех ли? Абриазлоязычный сказал мачехе Нуно — Кетуа:

— Не девичье это дело возиться со взрывчаткой. Если женщина будет взрывать, стрелять, то того и гляди — она может убить собственного мужа.

— Раньше Нуно на муравья боялась ступить ногой, — отвечала Кетуа. — А теперь — словно с ума свели ее. Поскорее бы выдать ее замуж, а там пусть хоть бомбы швыряет в своего мужа.

Цихистави и Коринтели стояли на пригорке и прислушивались к нарастающему грохоту.

К полудню подоспели трактористы — Ника Уджираули и Коля Сокотов. Прицепив к своим тракторам бороны, они принялись выравнивать участок.

Когда работа была закончена, Коринтели позвал к себе бригадиров и звеньевых, взял в руки колышек и воткнул его у края первого участка.

— Дайте веревку, — попросил он.

Годердзи протянул ему веревку.

Коринтели вынул из кармана рулетку, сложил веревку вдвое и измерил ее. Затем он сделал петлю и надел ее на колышек. Один конец веревки Коринтели передал Годердзи: «Иди на восток и укрепи его». Другой конец достался Нуно; он велел ей идти по прямой линии на север и укрепить свой конец на краю оврага. Когда все это было сделано, Коринтели взял мотыгу и очертил на земле недостающую сторону треугольника.

Бригадиры и звеньевые смотрели на него; они не могли понять, для чего понадобилось профессору очерчивать треугольник.

— Семиклассное образование у вас есть? — спросил он обступивших его молодых людей. Все, кроме Нуну Уджираули, молча кивнули головой.

— Если так, то вы должны быть немного знакомы с геометрией, а значит, и этот треугольник знаете. Теперь слушайте внимательно. На этом участке нужно разбить виноградник с таким расчетом, чтобы виноградные лозы шли параллельными рядами и имели точное направление с запада на восток.

— Почему с запада на восток? — спросила Нуну.

— Это необходимо, во-первых, потому, что ветры с Восточной Грузии дуют обычно в этом направлении. Волны ветра пройдут между рядами и не причинят вреда винограднику. Есть и вторая причина: солнечные лучи свободнее проникнут к наиболее разросшимся лозам. Теперь я отвечу на вопрос: для чего нужен нам прямоугольный треугольник? А ну-ка, вспомните известную теорему о прямоугольном треугольнике. Она принадлежит древнегреческому математику Пифагору. Я покажу вам сейчас, в чем именно может нам помочь знание этой теоремы.

Раньше крестьянин сажал ряды лоз, прикинув лишь на глаз расстояние между ними. Мера была неточной, и расстояния между рядами были, конечно, не одинаковыми. Такое ведение хозяйства, при нашей механизации, совершенно неприемлемо. Нам необходимо, чтобы расстояние между лозами было равно одному метру и десяти сантиметрам, ни больше и ни меньше. Если нарушится эта точность, то мы не сможем использовать ту технику, которой располагаем.

Посмотрите на наш треугольник: веревка, протянутая на восток, имеет длину шесть метров, на юг — восемь метров. Эти две стороны называются катетами. А ну-ка, Годердзи, протяни между этими двумя катетами десятиметровую веревку, укрепи ее колышками и проведи линии по земле, согласно этим веревкам.

Когда Годердзи возвратился, профессор сказал:

— Таким образом, Годердзи провел гипотенузу между двумя катетами. Теперь я вам напомним теорему Пифагора: квадрат гипотенузы равен сумме квадратов двух катетов. Какова длина первого катета? — спросил Коринтели руководителя третьей бригады Иону Грдзелишвили.

— Шесть метров.

— Квадрат означает, что надо умножить эту цифру на самое себя. Умножь-ка, Иона.

— Тридцать шесть.

— Хорошо. Теперь ответьте мне, — какова длина другого катета? — обратился Коринтели к Нуну Уджираули.

— Восемь.

— Умножь на восемь и скажи, сколько будет.

— Шестьдесят четыре.

— Прибавь к этому тридцать шесть.

— Сто.

— Какова длина гипотенузы, Годердзи?

— Десять метров.

— Помножьте десять на десять.

— Получим сто метров.

— Теперь вы видите, что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы. И значит — точка пересечения катетов и гипотенузы будет тем

местом, где мы посадим первый ряд виноградных лоз. Сделаем ^{новые} расчеты, и у нас получатся точно отдаленные друг от друга параллельные ряды. Понятно?

— Понятно, понятно, — раздались голоса.

Одна Нуну молчала.

— Вам непонятно, девушка? — спросил ее Коринтели.

Нуну опустила голову и покраснела.

— Как видите, колхозное хозяйство требует, чтобы все владели знаниями. Иначе нам с ним не справиться, и оно будет не передовым, а отсталым.

Коринтели собрался еще раз специально для Нуну объяснить теорему Пифагора, но к нему подошли Цихистави, Мелитаури, Тедо. Цихистави взял Коринтели под руку и сказал:

— Поднимемся наверх, к крепости Мамуки, осмотрим верховье «Лисьего ущелья» — надо выяснить, понадобятся ли водоосушительные дренажи.

Районный агроном Мелитаури пошел впереди, указывая путь. Целый час карабкались они на гору по склону «Лисьего ущелья» и, наконец, достигли верховья.

Построенная из гладкого речного камня крепость возвышалась на отвесной скале. Она была окружена большими раскидистыми деревьями.

— Это и есть крепость Мамуки? — спросил Коринтели.

— Да, — ответил Тедо. — Это крепость Мамуки.

У подножья крепости, из углубления в скале пробивался родник. Кто-то ловко прикрепил к камню кору дерева и теперь по этому желобку лилась прозрачная, холодная, как лед, струя.

Коринтели обрадовался этому тенистому месту и роднику; он подставил ладони, освежил холодной водой лицо, а затем жадно припал к ней губами.

Стекающая с желоба вода образовала под скалой небольшое озеро, в нем шныряли головастики. Посреди этого озера на камне сидела лягушка и таращила глаза на вновь пришедших.

Утолив жажду, Коринтели поднялся на огромную каменную глыбу и оттуда оглядел ущелье, которое постепенно снижалось к плоскогорью. Ему очень не понравилось то, что ущелье имело резкий уклон. Он сделал знак рукой и попросил Цихистави, Мелитаури и Таралашвили следовать за собой. Некоторое время Коринтели вел их, не говоря ни слова, и лишь когда они достигли того места, где уклон выравнивался, сказал:

— Разумный человек всегда должен смотреть в будущее. Во время весеннего паводка это ущелье может причинить нашим виноградникам много бед. Давайте вот здесь, в этом самом месте, поставим дамбу. Расстояние небольшое — метров сто. Дамба задержит весенние потоки, и они будут не так страшны нам. Потом здесь можно построить и небольшую электростанцию. А?

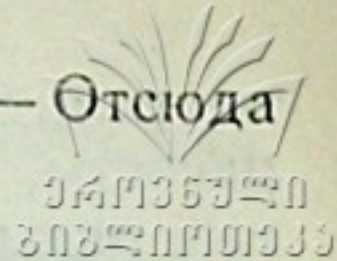
Мелитаури и Тедо не разделяли опасений профессора. «Уже больше двадцати лет, — говорили они, — мы наблюдаем за ущельем и ни разу оно нас не подводило».

Цихистави был обычно очень осторожен в своих суждениях. Он уклонился от прямого ответа, сославшись на то, что вопрос этот нужно еще изучить. Потом он посмотрел на часы.

— В Кварели совещание, и я должен уехать.

Он предложил Коринтели место в машине. Но тот, окинув еще раз взглядом раскинувшуюся внизу панораму, отказался:

— Я хочу спуститься по этим тропинкам, — сказал он. — Отсюда не так уж далеко до гостиницы. Пойду пешком.

V

Коринтели приятно было идти по лесу. Неторопливым шагом начал он спускаться вниз по тропинке. Где-то самозабвенно заливались малиновки. Под ногами сновали ящерицы. Возвышенность террасообразно снижалась и постепенно выравнивалась в сторону Алазанской долины.

Небо над пробуждающейся землей было бирюзового цвета, без единого облачка. В воздухе пахло цветами, перегноем и влажной от дождя землей.

Из гуши фиалок, растущих под одним из кустов, выползла небольшая змея. Лучи солнца отразились в ее холодно мерцавших глазах. Не обращая внимания на путника, змея скользнула по траве и, плавно извиваясь, пересекла тропинку.

Высоко над ним летели журавли. Сначала они виднелись еле заметным многоточием. Затем точки постепенно увеличились, и можно было уже различить птиц.

Вдруг журавли резко изменили свой курс и стали снижаться к сверкающей на солнце, словно клинок кинжала, Алазани.

Прошло несколько минут, и шум крыльев снова отвлек внимание Коринтели. Теперь над ним летели дикие утки. Совсем низко, почти над самой головой, раздалось «фрр, фрр» — тот приятный для слуха свистящий звук, который обычно сопровождает взмахи крыльев диких уток.

Не отрываясь, смотрел Коринтели на летевших к Алазани птиц и думал: «Как важно человеку видеть цветение земли, слышать голоса жизни, чувствовать ее немеркнущую красоту. Как это обогащает его душу».

Он вышел на равнину и увидел покрытое дранкой строение. Несколько лошадей паслись на лужайке.

— Это, вероятно, колхозная конюшня, — решил он.

Стоявшая у края дороги лошадь подняла голову и заржала. Коринтели обернулся. По дороге ехало несколько всадников. У одного из них — седого, широкоплечего — он заметил на груди орден Ленина. Вслед за всадниками, не отставая, брели, высунув языки, рослые кавказские овчарки. За ними двигались две арбы, а за арбами — нескончаемая отара овец.

Коринтели приветствовал всадников, расспросил их, кто они и откуда. У развилки дорог он остановился. Одна дорога вела в село, другая — к Алазани. «Пойду-ка домой и поработаю еще немного», — решил было Коринтели. Но в это время внимание его привлек раздавшийся прямо у него над головой непонятный шум. И тотчас неподалеку на зеленый луг, возле самой дороги, опустилась стая диких индеек. Птицы жадно накинулись на поросли молодой пшеницы.

Когда он приблизился к птицам, некоторые из них подняли головы, насторожились, но потом, словно признав в нем безопасного для себя человека, опять принялись за свое дело.

«Птицы губят посевы. Где же полевой сторож?» — возмутился Коринтели. Он нагнулся, поднял камень, огляделся по сторонам, словно стесняясь своей мальчишеской выходки, и швырнул камень в птиц.

Индеек взлетели и тут же опустились вновь.

Коринтели шел по проселочной дороге и время от времени пугал птиц камнями.

До его слуха донесся шум мельничного колеса. Потом он увидел

небольшую мельницу, построенную из речного камня и извести. Внеш-
не она скорее походила на маленькую крепость, чем на мельницу.

Коринтели вспомнил свое детство и то, как часто приходил он сюда
ловить рыбу...

Двери мельницы открылись, и оттуда вышел лысый человек без
шапки. Он прикрыл глаза ладонью от солнца и посмотрел на путника.

— Добро пожаловать, батано, добро пожаловать на мою мельни-
цу, — сказал он, радушно улыбаясь.

Улыбка этого человека сразу же воскресила в памяти Коринтели
белокурого некогда юношу, которого в доме Реваза Вачнадзе называли
«Соло»; Соло тогда возил воду на осликах, и Вахтанг с Медеей очень
любили кататься на них...

— Как поживаешь, Соломон?

Лысый человек засмеялся.

— Чему ты смеешься? — спросил Коринтели.

— Я отвык от своего имени, батано¹.

— Как это отвык?

— Облысел я, вот и прозвали меня «Ниортава».

— Ты узнал меня? — спросил Коринтели.

— Как же, батано. Как можно вас не узнать. Меня удивляет лишь,
как это вы меня узнали?

— А что?

— Да ведь запомнить такого незаметного человечка, как я, нелегко.
Мельник справился о Медее. Коринтели попросил воды.

— Пожалуйста в дом, батано.

— Ничего. Побудем здесь.

— У меня, правда, нет своего дома. Но пока, кажется, никто
не собирается выселять меня. Вот и живу тут, на мельнице.

На столе у мельника Коринтели увидел раскрытую книгу.

— Что за книга? — спросил он.

— «Витязь в тигровой шкуре». Уже в который раз перечитываю.

Напившись, Коринтели спросил:

— Тебе не обидно, когда тебя называют Ниортава?

— Нет, батано. И вас прошу: называйте меня Ниортава. Имя
большого человека ко многому обязывает того, кто его носит. Нет ни-
чего хорошего в том, что человек, прикрывшись великим именем, гово-
рит глупости. Имя мудреца Соломона — слишком уж большая честь
для меня.

— Нет, Соломон, ты неправ, — возразил Коринтели. — Имя Соло-
мона носили, вероятно, многие глупцы до него. Но вот пришел умный
человек и словно передал частицу своей мудрости имени. Мы живем в
такое время, когда дань уважения приносится не имени и фамилии че-
ловека, а его деснице. Сейчас вот, по дороге к тебе, мне встретился пас-
тух, грудь которого украшена орденом Ленина.

Хозяин засуетился, открыл дверь и вышел.

Коринтели оглядел помещение.

Вертелись жернова. Вокруг очага сновали кошки и собаки. С закоп-
ченных балок потолка свисали нити паутины.

Мельник принес сухие ветки и, присев у очага, принялся ломать
их о колени и подкладывать в огонь.

— Зачем беспокоишься, Соломон. Для чего тебе огонь?

— Что вы, какое там беспокойство! Ведь на мельнице сыро, и вы
можете простудиться. Я давно узнал о вашем приезде, хотел попросить

¹ Б а т а н о — в прошлом обозначало господин, сейчас употребляется в смысле
уважаемый.

Майю передать вам и Медико, чтобы вы как-нибудь заглянули ко мне, проведали того малого, который когда-то катал вас на осликах, но...

— Мы бы с удовольствием навестили тебя, Соломон. Разве ты сомневаешься в этом?

— Нет, но такой горемыка, как я...

Мельник не закончил. Он схватил кувшин и принес воду, ругая шнырявших по комнате кошек и собак.

Коринтели собрался было уходить, но мельник преградил ему дорогу и решительно заявил, что без хлеба-соли никуда его не отпустит.

— Что ты, Соломон, — отказывался Коринтели. — Я ведь и забрел сюда сегодня случайно. Я спешу — у меня работа.

— Дай бог здоровья индейкам, — ответил хозяин. — Они очень хорошо сделали, что привели вас сюда. Было бы при вас ружье, вы бы счастливо поохотились.

— Они выводят сейчас птенцов и охота на них запрещена.

— Э, кто с этим считается!

— Да ведь это браконьерство.

— Да, конечно, — поспешно согласился мельник. — Я и сам никогда не стреляю дичь в это время. Но мои друзья обычно ни у кого не спрашивают разрешения на охоту.

И Ниортава положил перед гостем трех убитых индеек. На большом деревянном блюде лежала еще одна индейка, уже ошипанная, лоснящаяся от жира, желтая, словно тесто, замешанное из кукурузной муки.

— Кто подстрелил их, Соломон?

— Канкре, Лалбаца и Гагрия подстрелили вчера ночью. Что может сравниться по вкусу с мясом дикой индейки, а? Сейчас я угощу вас, батоно.

— Нет, Соломон, дома ждут меня к обеду. Я не могу остаться. Да и Медико будет волноваться.

Залаяли собаки. Ниортава открыл дверь. К мельнице верхом на коне подъехал мальчик. Он привез мешок зерна на помол.

Ниортава обрадованно сказал Коринтели:

— Я сейчас же велю передать Медико, что вы в гостях у меня. И пусть она не ждет вас к обеду.

Ниортава сунул мальчику в руки небольшой бурдючок и о чем-то пошептался.

Коринтели проклинал в душе злополучных индеек, заманивших его на мельницу, но уйти сейчас — значило обидеть хозяина — и он остался.

Вскоре на взмыленном коне вернулся мальчик. Ниортава отдал ему мешок с мукой, взял бурдючок и положил перед гостем.

— У меня есть и другое вино, — сказал он, — но киндзмараули — самое лучшее. Не так ли?!

Коринтели засмеялся.

— Зря старался, Соломон. Вот уже третий год, как я почти уже не пью вина — врачи запретили.

— Э, если слушать врачей, они скоро нам и кушать запретят. В прошлом году в Бермуху пожаловал один такой врач, пройдоха. Обещал всем нам сделать такую прививку, от которой ума прибавится.

— Ну и как, сделали кому-нибудь такую прививку?

— Мои приятели Канкре, Лалбаца и Гагрия сделали себе по разу. Чуть было и меня не заставили, черти окаянные!

Коринтели не мог разобрать: шутит Ниортава или говорит всерьез. А тот бросил тесто на угли, засыпал его горячей золой и продолжал:

— Я вам правду говорю. По этому делу даже следствие велось. Сам прокурор приезжал. Выяснилось, что этот пройдоха впрыскивал доверчивым людям не мозги, а сок от вываренной петрушки.

Изжарилась индейка. Хозяин разрезал ее и разложил на блюде. Запах жареного мяса возбуждал аппетит.

Коринтели с удовольствием отпил вино — дома ему это не разрешалось.

Ниортава вытащил откуда-то довольно объемистую посудину, служившую ему, очевидно, мерой зерна, наполнил ее вином, встал и произнес тост за здоровье профессора.

Коринтели с аппетитом ел индейку и горячий хлеб, пил вино. Он чувствовал себя превосходно, если бы только не собаки и кошки, окружившие столик и настойчиво требовавшие пищи.

Мельник явно повеселел. Он произносил все новые и новые тосты, но Коринтели не поддавался соблазну: он пил все меньше и меньше и, наконец, совсем отказался от вина.

Ниортава вышел во двор и остановил мельницу.

Стало тихо. До слуха Коринтели донеслось кряканье уток и что-то похожее на шум Алазани. Хозяин тем временем вернулся, выгнал из комнаты собак и кошек и запер дверь.

— Зачем ты держишь столько животных? — спросил Коринтели.

— Что делать, батоно! — ответил захмелевший мельник. — Каждый беспризорный пес так и льнет ко мне — тоже беспризорному. Если бы не было на этой мельнице кошек, то меня давно бы съели крысы. Да это что — вы бы посмотрели, сколько ласточкиных гнезд на стенах мельницы.

На улице залаяли собаки, и хозяин вышел из комнаты, оставив дверь открытой. Коринтели выглянул наружу и увидел приближающихся к мельнице девушку в платке и мальчика без шапки, погоняющего навьюченного мешками осла. Ниортава поздоровался с девушкой и помог снять поклажу.

Потом все они — Ниортава, девушка и мальчик — вошли в комнату.

— Мачеха просила помолоть эту кукурузу, не смешивая ее с пшеницей, — бойко начала девушка и осеклась, заметив Коринтели.

— Чего ты оробела, Нуно, подсаживайся к столу и угощайся, — подбодрил ее Ниортава и снова вышел.

Мельница заработала.

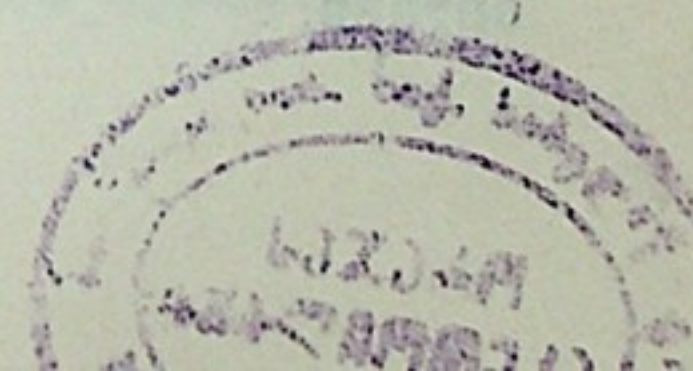
Ниортава вернулся с большой закопченной керосиновой лампой.

Коринтели узнал Нуно Уджираули. Рядом с ней, уцепившись за ее рукав, стоял мальчик.

Медного цвета лицо девушки и ее большие темно-синие глаза на фоне красного платка создавали чудесную гармонию красок. На шее у нее висели дешевые бусы.

Глядя на Нуно, Коринтели вспомнил «Женщину с железным ожерельем» Леонардо да Винчи.

Потом он перевел взгляд на стоящего рядом с девушкой мальчика и содрогнулся: у мальчика была заостренная кверху, почти треугольная, непропорционально большая голова, неестественно широкий лоб, приплюснутый нос, очень маленький подбородок, большие желтые уши и лимонного цвета лицо.

Красоту Нуну подчеркивало уродство этого подростка. Коринтели вспомнил слова мудреца: «Когда красота и уродство оказываются рядом, оба они начинают звучать сильнее».

— Присядь, чего ты стоишь! — повторил Ниортава.

Коринтели догадался, что девушка стесняется его, и, в свою очередь, попросил ее сесть. Он уступил ей свой расшатанный стул и пересел на большое суковатое полено, поближе к огню.

Мельник отыскал, наконец, шербату тарелку и, положив на нее несколько кусков индюшатины, поставил перед гостьей.

— Слушай, Малхаз, как твои дела? Сколько индеек ты убил по дороге сюда, а? — обратился Ниортава к мальчику.

Тот болезненно поморщился и что-то отрывисто и тихо ответил.

Коринтели не расслышал слов мальчика. Он тронул хозяина за локоть и спросил:

— Что сказал мальчик?

— У этого несчастного язык заплетается, и он не выговаривает буквы «р». Он сказал, что убил змею по дороге.

Нуну не пожелала ничего есть, Малхаз же, ухватившись за ножку индейки, энергично грыз ее.

Коринтели спросил девушку:

— Чей это мальчик?

— Мой брат.

— Родной?

— Нет. У нас с ним один отец, — ответила она, опустив голову.

Коринтели предложил Нуну вина. Но мальчик ухватился за чашу, вырвал ее из рук сестры и мгновенно осушил до дна. Нуну это опечалило.

— Вы, что, не разрешаете ему пить? — спросил Коринтели.

— Да, если ему не препятствовать, он может сильно напиться. Очень любит вино. До трехлетнего возраста все землю ел, а теперь к вину его потянуло. Убьет меня мачеха, если я приведу его домой пьяным.

— Сколько тебе лет, Малхаз?

Мальчик нахмурился.

— Тринадцать, — ответила за него Нуну.

Мальчик потянулся к блюду и снова взял кусок мяса. Но тут неожиданно очутившаяся рядом кошка вырвала мясо у него из рук.

Раздался дикий крик, крупные слезы потекли по щекам мальчика.

— Проклятые кошки, — ругался Ниортава. — Осрамили меня перед гостями. — Он схватился за метлу. Кошки кинулись к лестнице, приставленной к чердаку. Мельник устремился за ними...

С потолка посыпалась целая туча пыли, смешанной с сажей. Она летела на людей, на блюдо с мясом, на габардиновое пальто профессора.

Наконец, кошки были с позором изгнаны, и все снова уселись за стол.

Теперь Ниортава произнес тост за Нуну: он хвалил ее трудолюбие, скромность, доброту.

Коринтели тоже взял в руки чашу и пожелал девушке здоровья, счастья.

— Вы семилетку закончили? — обратился он к ней.

Нуну покраснела и опустила голову.

— Ей не дала учиться эта сумасбродная женщина, — сказал Ниортава.

— Кто? — переспросил Коринтели.

— Ее мачеха, Кетуа, — ответил мельник.

— Очевидно поэтому ты и не поняла теорему Пифагора, — сказал Коринтели.

— Кое-что я поняла, — смущенно проговорила Нуну. — Но я не представляла себе, для чего нужен прямоугольный треугольник при планировке виноградника.

Коринтели взял сухую ветку, разгреб ею золу, выровнял небольшую площадку, начертил на ней прямоугольный треугольник и начал снова объяснять. Лицо девушки засияло: теперь она поняла все.

Ниортава заметно хмелел. Он продолжал провозглашать тосты и все упрашивал Коринтели выпить вместе с ним.

Трудно было не поддаться соблазну.

Приятно потрескивали сучья в очаге. Монотонно вращались жернова. Напротив него сидела миловидная девушка, так похожая на его любимую картину «Женщина с железным ожерельем». В чашах искрилось киндзмараули. Это вино напоминало Коринтели то далекое время, когда он и его друзья отмечали в Телави окончание гимназии, напоминало ушедшую молодость.

Ниортава все не мог уговориться. Он то и дело вскакивал из-за стола и приносил то чурчхелы, то сушеные фрукты. Хозяин настаивал, чтобы гости пили. А Коринтели уже подошел к тому пределу, когда хорошее вино, будто незаметно подкрававшаяся собака, бросается на человека и хватает его своими цепкими зубами за икры.

«Хватит, больше пить не буду», — приказал себе Вахтанг, когда мельник поставил перед ним заново наполненную чашу.

Хозяин на этот раз не настаивал. Он втайне решил, что само киндзмараули сумеет заманить гостя в свои сети.

— Мельница моя — настоящий клуб, — бахвалился Ниортава, — клуб охотников. Часто им бывает лень ехать в Кварели или в гостинице нет мест, тогда они останавливаются у меня. Этой зимой ко мне заявили три тбилисских агронома. Они здесь неподалеку охотились. Всю ночь напролет пили вино. Один из них работал помощником профессора. Как это называется, батоно?

— Ассистентом.

— Да, кажется, так. Он утверждал, что греки и какие-то другие народы, я не запомнил, как их звать, отсюда, из нашей страны вывезли виноградную лозу. Правда ли это, батоно?

— Что же, некоторые, действительно, так считают, — заметил Коринтели. Он обратился к Нуну:

— Вы учили историю?

— Учила немного.

— Так вы, вероятно, знаете, что, примерно, в девятом веке до нашей эры греческий поэт Гомер написал поэму «Одиссея», герой которой Одиссей приезжает в Колхиду или «Страну Аиа» в гости к Кирке — сестре царя колхов Эета.

Ниортава несколько раз пробормотал: «Кирке, Кирке, Кирке».

— Какое странное имя, а? — сказал он.

И тогда Коринтели начал свой неторопливый и длинный рассказ о том, как пришел в древнюю Колхиду или страну «Аиа» Одиссей — царь Итаки.

Известно, что огонь, женщина, вино разжигают в мужчине страсть к разговорам. Коринтели не являлся исключением из этого правила. Он

увлеченно рассказывал о похождениях Одиссея, его воинских подвигах, о том, как, посетив Колхиду, греки пили знаменитое «искрящееся вино».

Но тут кто-то со страшной силой толкнул дверь мельницы.

Коринтели оборвал рассказ. В комнату ввалились три человека с ружьями.

— Ниортава, где ты, черт тебя подери?!—заорал один из них, тот, на поясе которого висели убитые зайцы.

— Не дури, Канкре! — крикнул мельник, указывая взглядом на Коринтели.

Канкре опешил и, как ошпаренный, выскочил из комнаты. За ним — его приятели.

— Кто они такие? — спросил Коринтели.

Ниортава сделал вид, что не расслышал, ухватился за кувшин и принялся, как ни в чем не бывало, наполнять вином чаши.

Тогда Коринтели поднялся из-за стола:

— Теперь я скажу тост—и он будет последним. Почти весь мир объездил я, мой Соломон, но нигде не встречал такой мельницы, как у тебя. Я приглядывался к ней, пока сидел тут. Помещение это раньше было, очевидно, не только мельницей, но и крепостью. Нашему народу даже зерно молоть приходилось за стенами крепости. С кем только не приходилось нам воевать. Мы воевали и с римлянами, и с греками, и с монголами, и с сельджуками. Спасло нас жизнелюбие и мужество. Предлагаю тост за наш жизнелюбивый и мужественный народ!

Коринтели отпил немного и передал чашу Ниортава.

Мельник упрашивал посидеть еще немного. Но Коринтели и так уж засиделся.

Ниортава закрыл мельницу и пошел проводить гостей.

Малхаз погонял осла. Мальчик пел, как это ни странно, необычайно красивым тенором. Слушая его, Коринтели думал о несуразности природы, вместившей в уродливое тело такой прекрасный голос.

Рядом шла Нуну. Он рассказывал ей о жизни растений, о биохимических процессах, происходящих в земных недрах, и втайне мечтал о том, чтобы никогда не кончалась дорога, ведущая от колхозной мельницы к Бермухе.

VI

— А ну-ка, взгляни, Малхаз, не идет ли Нуну? — крикнула Кетуа своему сыну, швырнула лепешку на горячую жаровню и стала яростно месить тесто. Мальчик вернулся в комнату, присел у огня и проворчал:

— Нуну нигде не видно, а сюда идет дедушка Абриа.

Только Малхаз сказал это, как возле двери появилась могучая фигура старика. Дверь была низкой, узкой, и Абриа вынужден был нагнуться, чтобы пройти в комнату.

Он поздоровался с хозяйкой и спросил:

— Зачем я тебе понадобился?

Кетуа подняла вверх выпачканные в тесте руки.

— У меня нет мужа и обо мне некому заботиться. Ты старейший из рода Уджираули, и я должна сообщить тебе радостную весть.

Кетуа была явно чем-то возбуждена. Лицо ее пылало. Густо накрашенные губы нервно вздрагивали. Она остановила строгий взгляд на сыне и приказала:

— Выйди во двор, Малхаз.

— Что мне там делать? — возразил мальчик.

— Посмотри, нет ли телят в огороде?

— Не хочу во двор! — истерически завопил он и затопал ногами.

— Убирайся сейчас же, кому я говорю! — крикнула разъяренная Жетуа.

Мальчик вцепился обеими руками в табурет, думая, что тот удержит его в комнате. Но Кетуа вытолкала сына вместе с табуретом.

Захлопнув дверь, она вернулась к жаровне и, намочив ладонь, ловко принялась за изготовление хачапури¹.

— Мужа нет у меня и некому обо мне позаботиться, Абриа, — заторопила она. — Так к кому же обращаться мне за советом и помощью, как не к тебе? Ты дедушка Нуно, ее единственный наставник. Нет ведь у нее ни отца ни матери... И вот теперь я говорю тебе — счастье постучалось в наш дом, настоящее счастье.

— Какое счастье, что ты плетешь, женщина?

— Приехал из города Коберидзе с богатыми подарками.

— Какой Коберидзе?

— Коберидзе, друг моего несчастного мужа.

— Ты хотела сказать — враг твоего мужа?

— Какой враг, что ты говоришь, дед Абриа? Мой муж сам погубил себя, несчастный.

— В глаза я не видел этого Коберидзе, — сказал Абриа. — Но слышал, что это он, Коберидзе, заманил твоего мужа в город, спойл его там, разорил и свел с ума. А потом несчастный Гоброн пришел домой нищим и уже не смог оправиться, прийти в себя.

Кетуа подошла поближе к Абриа.

— Так ли было это или иначе, неважно, — сказала она. — Надо поскорее выдать замуж нашу замарашку. Не то, знай, принесет она в подоле детеныша, и тогда мы будем рвать на себе волосы. Недолго до греха: ведь нынешние девушки день и ночь вместе с парнями, в лесу, в поле, на собрании, в кино — всюду они вместе. Как бы тебе потом жалеть не пришлось. Еще раз повторяю: выдай ее замуж. Или развяжи мне руки — и тогда я сама с ней справлюсь.

Абриа молча смотрел в огонь, а Кетуа продолжала:

— Счастье стучится в наш дом. Щедрые подарки привез Коберидзе. Богатый он человек, словно сыр в масле катается...

— Не зарься на его богатство, баба, — пытался остудить ее Абриа. — Не знаешь ведь, откуда оно у него. Может быть, ворованное.

Но не так-то легко было унять Кетуа.

— Меня не интересует, ворованное оно или полученное по наследству, — еще больше распалаясь она. — Я знаю одно — живет он по-царски. Это может подтвердить и соседка Маруа. Ее сестра живет в городе, так она говорит, что у Коберидзе в доме и прекрасная шифоньерка, и никелированные кровати, и ковры, и пианино.

— Не зарься на это, — спокойно твердил Абриа. — Придет время, и все у него отберут. Вот увидишь.

— Так или иначе, а ты знай, что если не сегодня, то завтра я продам свой дом и уеду в город, — выкрикнула Кетуа. Не зная, чем еще пронять старика, она выпалила: — Мне осталось жить еще очень немного — так я хочу прожить оставшиеся дни спокойно. Я ведь очень больна, Абриа, у меня воспаление мочевого пузыря; да, да, не смейся.

Абриа словно холодной водой ее окатил. Он сказал:

¹ Хачапури — пирог с начинкой из сыра.

— Если ты у меня спрашиваешь совета, баба, то изволь выслушать. Для чего тебе этот Коберидзе? Кто его знает? Откуда он взялся? Что он за человек?.. У меня и брата моего Лео совсем другое на уме. Мы думаем выдать Нуну за Канкре. Он и шофер и человек неплохой. Недавно мы встретили его, он был слегка подвыпивши и сам признался, что для того только и приехал сюда из города, чтобы жениться на Нуну. Канкре свой человек.

Кетуа взбесилась:

— Канкре? Опомнись, Абриа! Ведь вы, тушины, женитесь только на девушках другой фамилии? Где же слыхано, чтобы Уджираули давали замуж за Уджираули?!

Но и здесь Абриа обрезал ее:

— Напрасно ты думаешь, что Канкре из наших Уджираули. Он сирота, сын бодбийского дьякона Кобешавидзе. Его усыновил мой племянник. Давно это было, в Шираки. Никто не знает об этом, и пусть это останется между нами.

Кетуа была ошеломлена.

— Что я слышу, Абриа!.. Теперь мне понятно, почему зачастил к нам Канкре; то приходит дров нарубить, то поросенка зарезать... Недавно он поносил Нуну последними словами и грозил убить, потому что встретил ее с Годердзи у склада саженцев.

Кетуа метнулась к очагу, зашлепала ладонью по лепешке и, несколько утихомирившись, сказала:

— Если вы, Уджираули, считаете меня хозяйкой этого дома, то должны посчитаться хотя бы с тем, что я не хочу выдавать Нуну замуж в нашем селе. Женится на ней Канкре и захочет поселиться у нас, а меня это не устраивает. Я хочу выдать Нуну за городского человека, потом продать дом и участок, отдать ей ее долю денег—пусть подавится—и уехать в город.

— Насчет дома — поступай, как знаешь, но участок... Вряд ли ты сумеешь его продать. Тедо Таралашвили задаст тебе. Кончилось то время, когда можно было продавать землю.

— Еще как продам... — начала было Кетуа, но тут открылась дверь, и на пороге появился Канкре. Ни с кем не здороваясь, даже не сняв кепку, он молча подошел к очагу и, вытянув из огня горящий уголек, прикурил папиросу.

— Что с тобой, Канкре, никак плакать собрался, а? — спросила Кетуа, продолжая возиться с тестом.

— Ничего особенного, тетушка; плакать мне не о чем, а вот тебе есть о чем поплакать, горемычная.

— Что ты мелешь?

— Не мелю, а правду говорю, тетушка, правду.

— О чем же, по-твоему, мне плакать?

— Слышал я, Нуну выдаете замуж. Только что соседка Маруа сообщила мне эту новость. И жених, оказывается, уже приехал, городской лоботряс Коберидзе. Только ничего хорошего не выйдет, сами увидите. Заберет ваш Коберидзе месяца на два Нуну в город, потом возвратит ее вам, может быть, вместе с ребеночком... Не впервой ему.. Трем женам алименты выплачивает.

— Потихе говори, парень, — прикрикнула на него Кетуа.

Тут появилась соседка Маруа.

— Поздравляю вас, вот и Нуну счастье выпало, — радостно сказала она.

— Эх, далеко еще до счастья, милая Маро, посмотрим, что скажет Нуну, — печально ответила Кетуа.

— А разве не все равно, что она скажет? Разве нас спрашивали, когда выдавали замуж? — Маруа выразительно посмотрела на Абриа и Канкре.

Канкре промолчал, а Абриа ответил:

— Эх, пожалуй, ты права, Маруа. В наше время девушку столько же спрашивали, сколько лошадь, которую собирались седлать. Такого правила придерживались наши деды и отцы. И мы, Уджираули, не знали другого закона. Но теперь...

— Что теперь? — спросила Маруа.

— А то, что нынешние девушки стали другими, милая Маруа, — сказал Абриа, кладя в свою трубку горящий уголек.

— Надо было ее за волосы оттащить, дедушка Абриа, — ответила Маруа. — Ты ведь у нас старейшина рода Уджираули.

— Все это верно, но только Коберидзе не годится в зятя Уджираули, — не выдержал Канкре.

— Не ори, парень! — остановила его Кетуа и указала на дверь соседней комнаты.

— Пусть слышит, сукин сын, наплевать мне на него, — прорычал Канкре.

— Тише, как тебе не стыдно, обалдел, что ли? — забросала его словами Кетуа.

— Я правду говорю.

— Скажите пожалуйста! — возмутилась Кетуа. — А откуда ты знаешь Коберидзе?

— Как же не знать его! Кто не знает в городе спекулянта Коберидзе! Знают и то, как он возит в Тбилиси вина из Кахетии и торгует ими, разбавляя водой и сахаринном.

— А тебе что? Какое тебе до этого дело? — вспылила Кетуа.

— Мне-то ничего. Вот на тебя посмотрю, когда посадят в кутузку этого твоего зятя.

— Помолчи, парень. Он все-таки гость в этом доме, — вмешался Абриа.

Тут пришел Лео Уджираули, а за ним и маленький Малхаз.

Абриа поднялся, взял за руки Лео и Канкре и повел их за собой в соседнюю комнату. У очага осталась лишь Маруа, с любопытством наблюдавшая за тем, как Кетуа и Малхаз уносили за ними хачапури, жареных цыплят и влажные снаружи кувшины с вином.

Сквозь дверную щель Маруа время от времени видела Коберидзе — краснощекого здоровяка с тяжелым подбородком, жадно пьющего вино из большой чаши. Коберидзе хмурился, прислушиваясь к вялому разговору своих сотрапезников.

На голове у него была отливающая серебром, высокая новенькая конусообразная каракулевая папаха, от которой Кетуа не могла оторвать своего восхищенного взгляда. Края папахи упирались в жирные, красные, оттопыренные уши Коберидзе.

Малхаз поминутно сновал из одной комнаты в другую. Он таскал кувшинчики, прикладываясь к каждому из них, прежде чем поставить на стол.

— Что они там делают, а? — поинтересовалась Маруа.

— Пьют.

Гость и хозяйка, действительно, молча пили и ели — словно на поминках.

Маруа не могла, конечно, усидеть на своем месте. Она нетерпеливо ждала той минуты, когда вино одолеет гостей, и она сможет прошмыгнуть к ним. Из соседней комнаты донесся грозный крик Канкре: «Пей, не воруй вино!»¹ Скрипнула дверь, Кетуа и Малхаз с трудом вынесли тяжелый чемодан и, поставив его возле очага, открыли, торопясь рассмотреть содержимое.

Чего только в нем не было! Какие чудесные подарки привез Коберидзе! У Кетуа и Маруа разгорелись глаза.

Тут были белое креп-жоржетовое подвенечное и черное платье, кашемировые блузки, шелковые ночные рубашки и лакированные туфельки, капроновые чулки и фетровые шляпки, платки, бусы... В отдельной коробке лежали золотые часы, браслет, несколько колец и среди них — два обручальных.

Кетуа схватила особенно понравившуюся ей коричневую шляпу из фетра, к которой было пришито зеленое перо.

— Примерь сначала платье, — посоветовала Маруа.

Женщина отложила шляпу и натянула на себя черное шерстяное платье. Потом она нацепила на голову шляпу, надела часы, браслет и, сбросив с ног пропитанные потом тапочки, сунула ноги в лакированные туфли.

— Иф, иф, какая красавица! Сразу на десять лет помолодела, — верещала Маруа, вертясь вокруг Кетуа, словно та была на выданье.

— Эх, Маруа, не для меня приготовлено все это, — простонала Кетуа. Но тут же она восторженно закружилась, словно эти вещи возвратили ей молодость, начала вспоминать свою счастливую девичью пору.

И должно было случиться так, чтобы именно в это, самое неподходящее для Кетуа время явилась Нуну. Сначала она приняла было свою мачеху за какую-то городскую гостью. Маруа, заметив это, решила подшутить над девушкой:

— А у вас гостья, Нуну.

Кетуа прикрыла лицо шелковым платком и замерла. Нуну приветливо сказала:

— Присаживайтесь, батано, моя мачеха сейчас придет.

Тогда Кетуа не выдержала и прыснула.

— Ты что, не узнала ее? — воскликнула Маруа.

Нуну удивленно посмотрела на мачеху. Да, это была она.

— Откуда взялось все это? — спросила Нуну. — Кто тебе принес?

Кетуа игриво захихикала.

— Я ведь говорила тебе, девушка, что если ты не поспешишь замуж, то я опережу тебя. Посмотри, какие богатства привез мне из города мой жених, — указала она на раскрытый чемодан. — Завтра мы распишемся в загсе и уедем вместе с мужем и сыном в город.

Нуну приняла все это всерьез и от души обрадовалась скорой возможности избавиться от мачехи. Но она не высказала вслух своей радости. Ничего не сказав, девушка подошла к стенному шкафу, достала оттуда краюху хлеба и принялась есть.

Малхаз, услышав слова матери, поверил им и заскулил.

— Не хочу в город. Я никуда не уеду.

Кетуа и Маруа затараторили о чем-то своем.

Нуну сказала:

¹ «Не воруй» — имеет, в данном случае, несколько необычный смысл — т. е. не хитри, не обманывай, пей вместе со всеми, не воруй вино у себя. (Прим. переводчика).

— Сегодня мне придется работать допоздна, поем немного и пойду. Меня ждут.

Кетуа притворилась огорченной:

— Что ты, доченька. Ты не хочешь присутствовать на моем обручении?

Малхаз капризно топал ногами и продолжал скулить:

— Никуда не уеду отсюда.

Нуну стояла растерянная, она почувствовала, что здесь что-то не так. Из соседней комнаты донесся голос Канкре:

— Коберидзе, не хитри, пей, черт тебя возьми!

Девушка насторожилась, встревожилась. Заметив ее волнение, Кетуа решила прекратить игру.

— Не ко мне, а к тебе приехал жених, Нуну. И эти подарки он привез не мне, а тебе. Поздравляю тебя, это большое счастье, — сказала Кетуа и потянулась, чтобы поцеловать девушку. Но та резко отстранилась.

— Чего ты мелешь? Какой жених? Какие подарки? Нет у меня никакого жениха.

— До сих пор не было, а теперь будет, — хихикнула Маруа.

— Хватит тебе месяцами носить одно и то же платье. Довольно с тебя, сироты, нищеты! — крикнула Кетуа.

Нуну опустила голову:

— Я еще никому не жаловалась на свою бедность.

— Ты не жаловалась. Но бог оценил твое терпение; он послал тебе счастье, — сказала Маруа.

— Не верю я ни в какого бога и не ищу никаких женихов, тебя Маруа, — отрезала Нуну.

— Сядь, я тебе кое-что скажу, — многозначительно произнесла Кетуа и потянула девушку к стулу, у очага.

— Некогда мне сидеть, — ответила Нуну. — У нас соревнование с мукузанским колхозом, за неделю мы должны высадить несколько тысяч виноградных лоз.

— Это и без тебя сумеют сделать, — увещевала ее Кетуа. — А вот помолвка без тебя не обойдется. Приехал Коберидзе. Не сегодня так завтра я устрою тебе помолвку.

— Коберидзе? Какое он имеет ко мне отношение?

— Как, неужели ты не знаешь Коберидзе, друга твоего отца? Разве ты не помнишь мужчину в каракулевой папахе, который пригласил нас в кино, когда мы возили Малхаза к врачу в город? Я тебе тогда даже говорила, что папаха Коберидзе очень пригодилась бы мне на воротник для пальто? Ну так вот, этот Коберидзе с тех пор только о тебе и думает.

Нуну вспомнила человека в высокой, конусообразной каракулевой папахе.

— Богатейший человек этот Коберидзе, — заключила Кетуа.

— Но я ничего общего не хочу иметь со спекулянтами и богачами!

— А с кем же ты хочешь быть, с такими же бедняками, как сама?

— Я не собираюсь выходить замуж. Этот Коберидзе больше годится тебе в женихи, чем мне. И его платье тебе к лицу...

— А что ты думаешь?! Я с удовольствием пошла бы за него замуж, но, к сожалению, ему не нужны такие, как я.

Нуну прекратила разговор и направилась к двери.

Кетуа бросилась за ней:

— Куда ты, постой, покажись хоть гостю, не будь такой невоспитанной.

— Я сказала уже, мне некогда.

— Ну и черт с тобой,—бросила ей вслед Кетуа.

Из соседней комнаты доносились громкие голоса мужчин.

— Коберидзе, не жульничай, пей, черт тебя побери! — орал Канкре.

Кетуа переделалась в свое старое, выгоревшее на солнце платье, сунула ноги в свои тапочки и побежала наполнить вином порожние кувшины. От усталости и мрачных предчувствий у нее уже кружилась голова.

Она шепнула Маруа:

— Боюсь, как бы этой ночью не стряслась беда в нашем доме.

— Какая беда, что ты?

— Эх, ведь знаешь, какой отчаянный Канкре. Он все грызется с этим Коберидзе. Знает, зачем тот сюда приехал. Они могут сцепиться.

— За Коберидзе не бойся, он не останется в долгу.

— Да, но только не в моем доме. Пусть бы они убрались отсюда, а там хоть головы друг другу проламывают.

— Но куда же среди ночи пойдет Коберидзе? — спросила Маруа.

— Туда, где остановился,—в дом свинопаса Попола; он же его родственник.

А шум в соседней комнате все усиливался. Оттуда доносились пьяные выкрики и хохот. Женщины прильнули к замочной скважине.

Во главе стола сидел Коберидзе. Лицо его побагровело от вина, и по лбу стекали струйки пота.

Напротив него стоял Канкре. Ворот его рубахи был расстегнут. Он нервно вертел в руках кувшинчик с вином и приговаривал:

— Коберидзе, хриstopродавец, пей, не воруй вина, не то...

Коберидзе вскочил, вытаращил свои бычьи глаза и ударил кулаком по столу. Зазвенели тарелки, и дрожь пробежала по телу Кетуа: как бы разбушевавшиеся гости не побили последнюю посуду.

Лео Уджираули подошел к Канкре и отнял у него кувшинчик.

— Выйдем во двор, если ты не баба, — грозил Канкре, снова хватаясь за кувшинчик.

— Ты похуже бабы! — крикнул Коберидзе.

И тогда у самого его виска пролетел и грохнулся о стену кувшинчик. Второй летел уже в сторону Канкре.

Пришлось вмешаться старейшине рода Уджираули—Абриа. Он крепко выругался, дал подзатыльник Канкре, затем потащил его за собой, обвел вокруг стола и, подойдя к Коберидзе, приказал:

— Поцелуй гостя!

В комнате водворился было мир. Но пьяный Канкре не выдержал:

— Коберидзе, хриstopродавец, не зоруй вина, пей! — снова завопил он.

Вслед за этим полетели не только кувшинчики, но и стулья. И опять старейшине рода Уджираули пришлось восстанавливать порядок. Абриа увел Канкре, Лео поволок за собой Коберидзе. Когда женщины выскочили вслед за ними из дома, они увидели четыре удаляющиеся фигуры...

Кетуа сказала Маруа:

— Что ни говори, а Коберидзе все-таки наш гость, пойдем за ними, посмотрим...

Они видели, как у колхозного двора Абриа снова мирил Канкре и

Коберидзе, как они целовались. Но старикам, видно, надоело возиться с пьяными, и они отстали от них.

Из белых, точно мел, облаков выплыла луна и осветила спящие домики. Цветущие персиковые деревья, посаженные вдоль виноградников, казались занесенными снегом. Вокруг стояла тишина, изредка нарушаемая тявканьем собак.

Двигающиеся на расстоянии друг от друга Канкре и Коберидзе то и дело останавливались, ругались. У лавки райпотребсоюза уже началась драка. До слуха женщин то и дело доносилось имя Нуну.

— Почему ты, сукин сын, воровал за столом вино? — не отставал Канкре. — Мало тебе того, что в городе жульничаешь?

В ответ Коберидзе так стукнул Канкре по лицу, что тот пошатнулся. Но он тут же ударил своего противника кулаком в челюсть. Оглушенный этим ударом, Коберидзе завертелся и взвыл, словно бык, которого режут. Затем, выпрямившись, он с такой силой рванулся в атаку, что заставил вздрогнуть спрятавшихся в придорожных кустах женщин.

Канкре ответил ударом на удар. С головы Коберидзе слетела каракулевая папаха и, подобно мячу, отлетела в растущий возле дороги кустарник. Это еще больше разъярило Коберидзе.

На сей раз Кетуа опять подумала о том, как украсил бы ее пальто воротник, сделанный из каракулевой папахи Коберидзе. Но она ничего не сказала Маруа.

Маруа забеспокоилась. Ведь она же привела Коберидзе в дом к Нуну. Об этом знали все соседи. И Маруа с ужасом подумала об ответственности, которая ляжет на нее, если этой ночью стряется какая-нибудь беда. Поэтому она стала просить Кетуа пойти в МТС и позвать людей.

Женщины так и сделали. Но ворота МТС оказались закрытыми. Они заглянули во двор: не видно ни души.

Но вот на их зов из кабины грузовика вылезли Вано Хелашвили и Нико Уджираули.

Нико сказал:

— Я вижу—делать вам нечего. Мы целый день сегодня работали, а эти бездельники пьянствовали. Пусть околеют оба.

Кетуа и Маруа возвратились. А бой уже разгорался.

Коберидзе, убедившись, что ему не справиться с Канкре с помощью кулаков и подножек, выхватил «финку». В руке Канкре тоже сверкнул нож, изогнутый, как кабаньей клык.

В это самое время на дороге оказалась милицейская машина, идущая из Кварели в Телави. Яркий свет фар ослепил пьяных. Шофер резко затормозил. Но задержать никого не удалось: Канкре и Коберидзе словно растворились во тьме.

Когда машина ушла, из придорожных кустов вылезли женщины. Они спустились в канаву и долго искали там, среди крапивы и колючек, каракулевую папаху. Маруа уговаривала отказаться от этой затеи, уверяя, что сразу же после того, как уехали милиционеры, она своими глазами видела человеческую фигуру с конусообразной папахой на голове, которая вылезла из оврага и скрылась в направлении плоскогорья Девяти дубов.

Кетуа не верила ей.

— Не может этого быть. Коберидзе побежал бы в другую сторону, туда, где живет его родственник Попола.

Женщины задержались у края оврага.

— А ну-ка посмотри хорошенько, — сказала вдруг Маруа. — Ничего не видишь?

И Кетуа при свете луны увидела человека в высокой остроконечной папахе. Маруа была права.

VII

В ту самую субботу, когда произошли события, описанные в предыдущей главе, бермухский колхоз, наиболее отстающий из всех колхозов, расположенных за Алазанию, вызвал на социалистическое соревнование колхоз села Мукузани, считающийся одним из передовых во всей Кахетии.

Тот же день ознаменовался еще одним немаловажным событием: закончили строительство большого сарая—склада для саженцев. Крестьяне украсили здание лозунгами и цветами и собрались здесь утром на митинг.

За столом в президиуме — Цихистави, секретарь райкома комсомола Алавидзе, профессор Коринтели, Тедо Таралашвили, агроном Мелитаури, колхозные бригадиры...

Сперва говорил Цихистави. Секретарь райкома партии по достоинству оценил самоотверженный труд людей, которые успешно осваивали плоскогорье Девяти дубов. Он выразил уверенность в том, что колхозники Бермухи не посрамят себя в соревновании с колхозниками Мукузани.

После Цихистави выступил Тедо Таралашвили. Испытующе глядя на собравшихся из-под нависших над глазами мохнатых бровей, он степенно, с расстановкой говорил:

— Товарищи! Партия и правительство зовут нас строить счастливую, зажиточную жизнь. Знаете, что для этого нужно? — он сделал паузу. — Нужны три вещи: труд, труд и труд.

Председатель колхоза резко критиковал лодырей, пьяниц. Раздался гул одобрения. Но слышались и недовольные голоса. Пришлось призвать собрание к порядку.

Выступила Нуну Уджираули.

Ее слушали очень внимательно.

Девушка разговаривала с этой большой аудиторией так непринужденно и просто, словно перед ней было только ее звено. Пристально смотрел на нее Коринтели. Нуну очаровала его. Глядя на нее, он думал: «Есть простота совершенства. Она, подобно этой девушке, не нуждается ни в каких украшениях».

Нуну говорила о том, какое большое значение имеет социалистическое соревнование для всего нашего народного хозяйства, для нашего движения вперед к коммунизму.

— Если колхоз наш отсталый, бедный, то в этом повинны и мы, женщины, — сказала она. — Давайте же проявим в труде ту самоотверженность, которую не раз проявляли наши великие предки — женщины-героини как в работе, так и в боях с врагами.

На эти ее слова откликнулись дружными аплодисментами. Нуну вздрогнула, смутилась, румянец покрыл ее щеки.

Теперь поднялся белокурый, голубоглазый свинопас Нико Ростиашвили — Попола. Он впервые в жизни выступал перед собранием и потому очень волновался.

Медленно, с трудом находил он нужные слова для своих мыслей, а когда их не хватало и одну фразу не удавалось связать с другой, он в бессилии повторял: «разумеется», «разумеется».

Оратор часто бил себя кулаком в грудь и жестикулировал. Но, как ни странно, именно этот неумелый оратор вдруг взял, как говорится, аудиторию в свои руки.

В неуклюжих словах Попола пульсировала живая мысль. Он остро, до боли, чувствовал необходимость высказаться. И это передавалось слушателям.

Попола покорял людей и своей богатырской внешностью.

Его белокурая, волнистая борода, заостренная и загнутая кверху под подбородком, делала его похожим на мужчин, изображенных на древнегрузинских фресках. У него были открытые, ясные, как у ребенка, глаза, и белые, словно скорлупа яйца, зубы.

Он сказал:

— Хотя я и беспартийный, но и я не пожалею свои слабые силы (тут, конечно, раздался смешок), чтобы выполнить задание партии и правительства.

Это было сказано с той подкупающей непосредственностью, которая всегда вызывает больше сочувствия, чем любые пышные и красноречивые уверения.

Попола замешкался и начал что-то искать в карманах своей довольно потрепанной куртки. Люди решили, что он окончательно растерялся, и им стало жаль его.

Но Попола не растерялся. Не найдя того, что искал, он продолжал свою мысль:

— Я хотя и беспартийный, — повторил он твердо, — но я ни от кого не отстану ни в труде, ни в бою, если это когда-нибудь понадобится.

И в этих его словах было столько простой человеческой правды, они были так искренни, что люди не могли остаться равнодушными к ним. Ведь Попола говорил то, о чем думали, что чувствовали и они, потому-то так горячо и аплодировали ему.

Как только закончился митинг, все три бригады приступили к работе. Они вызвали друг друга на соревнование: звено соревновалось со звеном, а в каждом звене — человек с человеком.

Мужчины заканчивали рытье ям, женщины сидели под навесом сарая и сортировали саженцы. Все двигалось, как по конвейеру: одно звено развязывало пучки саженцев, другое — сортировало их по качеству корней, третье — обрезало корни.

Коринтели чувствовал себя помолодевшим. Без пальто, повязав на шею кашне, он бодро шагал по участку с секатором в руке.

— Гриппа не боитесь, товарищ профессор? — спросил его Цихистави.

— Гриппа? Гм, — усмехнулся Коринтели. — Конечно, я был бы счастливейшим человеком на белом свете, если бы господь бог, создавая мир, позабыл бы о такой пакости, как грипп.

— Кто знает, может быть, это не он, а врачи изобрели грипп, — пошутил Цихистави.

Они подошли к той части участка, где раньше был «Лисий овраг». Коринтели внимательно осматривал ровные ряды только что посаженных лоз. Иногда он нагибался, брал из рук женщины саженец и сам осторожно опускал его в подготовленную ямку. Его тщательно выутюженные брюки были на коленях уже изрядно выпачканы землей. Но это его совершенно не трогало; он остановился, окинул взглядом людей, заполнивших плоскогорье Девяти дубов, и сказал:

— У народов, занимающихся виноградарством, издавна существовал культ лозы. Христианство придало виноделию мистическую окраску, объявило вино «кровью Христа». Этот миф заимствован из древнегреческой мистерии о мучениях Диониса, его смерти и весеннем воскрешении из мертвых. И все связано с закапыванием виноградной лозы в землю, ее весенним оживлением и, наконец, с процессом превращения винограда в вино. В христианских молитвах вскользь даже указывается на это обстоятельство — «ты еси виноградник истинный»... У нас, грузин, существует предание о том, что крестительница Грузии Нино пришла с крестом, сплетенным из виноградной лозы... — Он помолчал некоторое время, и задумчиво добавил: — Сколько труда требуется от человека, чтобы вырастить лозу! Из всех растений я больше всего люблю именно ее, потому что знаю, сколько пота и крови пролил мой народ для ее сохранения.

Когда Цихистави и Коринтели вернулись к первому участку, Нуну со своим звеном обходила засыпанные землей ямы и ставила деревянные колышки. Коринтели выдернул один из них.

— Ты, девушка, — обратился он к одной из колхозниц, — втыкай палку не в середину ямки, а с краю, чтобы не повредить корни саженцев.

С наступлением сумерек работа в поле прекратилась. Медленно ползли к северу легкие, как пух, розовато-белые облака. У подножья Кавказиони ночь уже раскинула свои черные шатры.

Годердзи заметил, что Нуну, вернувшаяся из дому на участок во второй половине дня, была чем-то взволнована. Но ему не удавалось с ней переговорить. Когда работа закончилась и колхозники разошлись по домам, он спросил:

— Случилось что-нибудь, Нуну?

— Почему ты спрашиваешь об этом, Годердзи?

— Ты чем-то расстроена. Не заболела ли?

Она опустила голову.

— Может быть, мачеха тебя обидела? — не отставал Годердзи.

Нуну не отвечала.

«Что могло так огорчить ее?» — думал юноша.

— Тут недавно женщины говорили, я слышал, будто бы к вам приезжал какой-то гость? — спросил он.

— Ко мне никто не приезжал, — резко произнесла Нуну. — Это к мачехе приезжал Коберидзе. Я его и в глаза не видела.

Годердзи слышал про то, что Кетуа хочет сосватать свою падчерицу за какого-то Коберидзе. Но он не сказал об этом девушке. Когда же Нуну собралась уходить, он остановил ее:

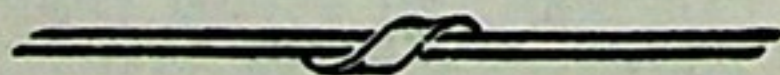
— Подожди немного, я сейчас тоже пойду.

Они вышли вместе из сарая, где хранились саженцы. Уходя, Годердзи обернулся и крикнул сидящему под навесом одноглазому сторожу:

— Гайоз, будь добр, собери-ка забракованные саженцы и занеси их в сарай.

— Занесу, — пообещал старик.

(Продолжение следует).

Сулейман Рустам

ЖЕЛАНИЕ

Перевод с азербайджанского П. Панченко

Взгрустнулось мне — и вспомнил вдруг
 Я молодость свою,
И путь, который я прошел
 В работе и в бою.

Когда бы молодость ко мне
 Тот путь опять привел,
Я снова отдал бы тебе
 Те годы, Комсомол!

В плену желаний молодых
 Опять душа моя.
Мой Комсомол! Всем существом
 С тобою связан я.

И сердце пионера вновь
 Стучит в груди моей,
Хоть красный галстук уж давно
 Не плавится на ней.

Ты смыслом молодость мою
 Наполнил, Комсомол,
Я с клятвою твоей в крови
 Сквозь все преграды шел.

Как зеркало, ты отразил
 Поэзию мою,
Я неуемный твой огонь
 Всегда в душе таю.

Цветник надежды и любви
 В тебе навек расцвел,
Ты песнь грядущего поешь
 Всечасно, Комсомол.

Из коммунизма к нам дошел
Звук поступи твоей,
Ты гордость Партии моей,
Ты слава наших дней.

И вот желание мое:
Хотя не молод я,
Отныне сверстником своим
Ты называй меня.

Я комсомольцем слыть хочу,
Я — путник молодой.
Ты так меня и называй —
Неважно, что седой!

Взгрустнулось мне — и вспомнил вдруг
Я молодость свою,
И путь, который я прошел
В работе и в бою.

Когда бы молодость ко мне
Тот путь опять привел,
Я снова отдал бы тебе
Те годы, Комсомол!

Георгий Гулиа

Негры в Брюсселе

РАССКАЗ

Луиза Мадиа — черная супруга черного Винцента Мадиа, — кажется, вовсе потеряла рассудок: болтает бог знает что! Правда, она не получила школьного образования. Ее не мучили бессоницы после чтения интересных книг. И все-таки, там, в Конго, она понимала все, была такой рассудительной и кроткой Шошей (так ее называли домашние). А здесь? Что стряслось с нею в Брюсселе, славной королевской столице?

Супруги принадлежали к одной и той же народности банту — майомбе и с полуслова понимали друг друга... Это там, в Конго. А здесь Винцент просто не узнает свою высокую, немножко неуклюжую, белозубую Луизу. Может быть, Винцент состарился? Что верно — то верно: состарился. Но ведь сорок лет не такая уж глубокая старость!

Почти месяц живут супруги Мадиа в Брюсселе, вернее, в краале на территории парка Хейсель, и каждое утро Луиза задает один и тот же вопрос:

— Куда же нас забросил бог?

Винцент каждое утро терпеливо объясняет:

— На выставку. На всемирную... Здесь показывают товары, здания, моды. Вдумайся же: всемирная! Понимаешь — мир?

Далее следует привычный диалог:

— Я знаю мир: немножко Конго, немножко Бельгию. Что же дальше?

— Мир это не только окрестности Лусамбо и окрестности Брюсселя.

— А что же еще?

— Мир — это много стран, Шоша. Ты видишь, сколько здесь разных построек? Они называются павильонами. Они из стекла и железа. Они принадлежат разным, разным странам, Шоша. (Он снова произносит это языческое имя, ибо ему хочется быть особенно нежным с супругой. А ей всегда нравилось оно, так же как и его — Мпунзи, звучное имя, которым назвал его Узикулуми, старейший в роде Мадиа).

— Да, ты водил меня по выставке. Но зачем им понадобились наш крааль и наша пирога в мелкой луже?

— Чтобы мир видел, как живут черные в Конго.

Луиза бросает на земляной пол свое вязанье. Ее пухлые, цвета спелой сливы, губы дрожат от волнения.

— Показывают, говоришь? А почему эта хижина такая чистень-

кая? Почему она не протекает? Почему в ней нет голодных? Почему на тебе и на мне эти дорогие одеяния, а не рвань, которую ты купил у старьевщика в Лусамбо?

Винцент качает головой. «Она вовсе от рук отбилась, — думает он про себя. — Что же с нею делается?»

— Пойми, Луиза, — обращается Винцент к подруге терпеливо, очень терпеливо. — Нельзя же тащить сюда нашу рвань. Люди засмеют.

— Тебя и меня, значит, показывать можно, а рвань нашу нельзя?! Я ходила по выставке и нигде не встречала белых людей, на которых, как на зверей, таращат глаза посетители.

«Вот оно что! Шоше не хочется, чтобы на нее таращили глаза, как на диковину». Винценту это и не приходило в голову...

Он внимательно глядит своими большими и чуть грустными глазами на обиженную Шошу.

— Я хочу домой, к своим детям, — решительно требует она.

Винценту надо подумать над ее словами. Лучше всего думать, работая при этом руками. И он продолжает стругать ножом деревяшку. Из нее он должен сделать ложку. Как у себя на родине. Как это делают его бедные собратья. Посетители выставки, желающие осмотреть негритянский крааль, должны иметь представление о быте негров. Поэтому-то и сидит здесь, на пороге чистенькой хижины, Винцент Мадиа. Поэтому и находится рядом с ним его супруга со своим вязаньем и первобытным ткацким станком.

Насчет зверей Винцент и не подумал, однако Луиза должна знать, почему они здесь, в Брюсселе, в королевском парке Хейсель, на всемирной выставке. Она должна знать, почему им платят деньги за то, что они день-деньской сидят в этой хижине, в отгороженном и чистенько прибранном краале. На все это требуется понимание. Иначе нельзя...

Все это очень спокойно, и не раз и не два, объясняет Винцент взбуряженной Луизе. Но женщина отказывается понимать своего мужа. Она словно позабыла язык майомбе. Ей не хочется вязать. Ей не вмоготу ткать с утра до вечера только ради того, чтобы изображать, как говорит Винцент со слов белого начальника, быт туземцев Конго.

Она готова поссориться с мужем, который так спокоен и толстокож, но как раз в это время к хижине направляется толпа посетителей. Люди уже у самой ограды — в трех шагах от супругов Мадиа. Волей-неволей приходится сдерживаться.

Вот полная дама сквозь темные очки глядит на Луизу. Удивленно пялит глаза. И ей невдомек, чем расстроена эта черная женщина, прибывшая из окрестностей Лусамбо.

Дама что-то шепчет тучному мужчине в соломенной шляпе. На лице мужчины появляется улыбка. И он живо наводит фотоаппарат на Луизу.

— Улыбайся, — советует ей Винцент. — Послушайся меня, Шоша. Тебе же платят немалые деньги.

Нет, сегодня Луиза просто невыносима! Вместо того, чтобы улыбнуться, она забивается в самый угол хижины, не заботясь о своем новом платье, которое бесплатно предоставлено ей администрацией колониального павильона «Конго и Урунди-Уранда».

Любопытные посетители пытаются заглянуть внутрь хижины. Им хочется знать, чем там занимается черная женщина.

— Она легла спать, — предполагает дама.

— Среди бела дня? Не может быть, — возражает ей мужчина на

фламандском языке. — Она снова покажется. А пока что займемся этим черным господином.

И он ловит в объектив аппарата Винцента Мадиа, который отлично усвоил свою роль: негр улыбается, обнажая два ряда белых, крепких зубов, и с усердием стругает палочку.

В одно мгновение на негра направляется дюжина объективов. Кто-то снимает его любительским киноаппаратом. Мадиа, надо отдать ему должное, прекрасно позирует. Расточает улыбки направо и налево...

Однако ему не по себе. А вдруг выйдет Луиза и покажет посетителям свои заплаканные глаза? Что тогда скажет администрация?

И он пересаживается поближе к двери, чтобы загородить собою вход. Не надо, чтобы видели белые заплаканную черную Луизу!

А посетители, как нарочно, не уходят отсюда, все таращат глаза на Винцента Мадиа. Они словно чувствуют что-то неладное. Дети указывают на черного пальцами, хихикают и, как видно, очень довольны зрелищем.

Мадиа немного говорит по-французски и совсем не говорит по-фламандски. А вокруг, как нарочно, все фламандцы. Наверное, прибыли из провинции...

Луиза неподвижна. Кажется, и не дышит... Ну, что с ней приключилось? Скверно, разумеется, когда на тебя таращат глаза, как на эту хижину, как на пирог в этой луже и на прочую мелочь. Но надо же иметь терпение! В конце концов никто не тянул сюда силой. Вознаграждение обещано приличное — отчего бы и не поехать в Брюссель? А с этими любопытными... Что же? Бог с ними...

Людей вокруг становится все больше и больше. Все глазают; все глазают да глазают. И верно ведь: смотрят, как на тигров в клетке...

— Пст! Пст! — обращается какой-то господин к Винценту.

Мадиа поворачивается к нему, и тот мигмом фиксирует на своей пленке скуластое, добродушное и черное, как сажа, лицо жителя далекого Конго.

— Откуда вы? — спрашивает господин Винцента по-французски.

— Я?

— Да, вы.

— Из Конго.

— А точнее?

— Из Лусамбо.

— Из самого Лусамбо?

— Нет, недалеко от Лусамбо.

— А как вас звать?

— Винцент.

— Католик, что ли?

— Верно, месье, католик.

Две монахини, протиснувшись вперед, обмениваются удивленными взглядами. А господин перегибается через ограду и подносит фотоаппарат к самому носу Мадиа. Винцент спокойно позирует. Он понимает, что находится при исполнении своих обязанностей. А вот Луиза не хочет понять этого... И все-таки неприятно, что она плачет. Надо бы ее успокоить. А любопытствующие, как назло, не желают уходить. Они все теснее обступают крааль и тычут своими носами в самую дверь маленькой африканской хижины.

Винцент перестает стругать деревяшку. Пристально вглядывается в толпу. Очень пристально. Он видит множество то любопытных, то

насмешливых глаз. И ни одного взгляда сочувственного, по-настоящему доброго. Все чужие, холодные глаза!

Винцент подпирает подбородок фиолетовыми руками и задумывается... Да, чужие, холодные глаза! Голубые, серые, карие, черные... Женские, мужские, детские... Не так же ли разглядывают бегемота в клетке? Кажется, права Луиза... Кажется, не такая уж непонятливая эта Шоша...

Винцент резко поднимается и скрывается в хижине, где, свернувшись в клубок, лежит в углу Луиза. Он наклоняется над нею и говорит тихо, тихо:

— Вставай, Шоша.

Женщина молчит.

— Я же говорю тебе, вставай.

Луиза, как мертвая...

Винцент вздыхает.

— Я думаю,—говорит он, точно сам себе, — ты права. Может быть, отчасти, но права... Мы с тобою здесь вроде этой хижины — как бы без души. Так думают те, кто собрался здесь, у крааля. Ты права — наше место в Лусамбо, а не здесь. А я-то думал, что ты непонятливая.

Луиза будто оживает. К нему тянется заплаканное и такое большое и светлое, как луна, лицо. Ее лицо...

— Пойдем отсюда, — говорит он жестко. — Пойдем, а иначе я сделаюсь бешеным буйволом...

Луиза вскакивает, поправляет платье, неторопливо идет к выходу. За нею — Винцент, коренастый, в тесном костюме, с полосатым галстуком на шее.

Луиза и Винцент проходят в калиточку, молча рассекают толпу надвое. Луиза впереди, а Винцент за ней. Десяток аппаратов щелкает затворами один за другим. Но Винцент уже не улыбается. Не позирует. Ему наплевать на этих зевак...

— Куда же мы идем? — спрашивает Луиза.

Винцент обгоняет ее и небрежно бросает:

— Я знаю тут нашего начальника. Пусть садится сам на порог хижины и стругает палочку. А мне надо в Лусамбо. Слышишь? В Лусамбо!

Черная женщина вытирает платочком глаза, покорно следует за мужем. Она хорошо знает: Винцент может молчать долго, долго, но если скажет слово, то обратно не возьмет.

Винцент Мадиа повторяет:

— В Лусамбо... В Лусамбо... В Лусамбо... — Вдруг он резко оборачивается к жене и говорит без особой злости:

— Ты все же непонятливая. Непонятливая!

Она покорно соглашается с ним: разумеется, она непонятливая. Она согласна на все, лишь бы не эта клетка в образе крааля и африканской хижины в парке Хейсель... И кровь стучит в ее висках:

«В Лусамбо. В Лусамбо. В Лусамбо».

Брюссель — Москва. 1958 г.

Леонид Вышеславский

СВЕТИ-ЦХОВЕЛИ

Каменный голубь в долине-гнезде,
устланном ярко-зеленой травюю,
тянется куполом-клювом к звезде, —
к ягодке, вспыхнувшей над головою.
Не оскудевший за множество лет,
не потускневший от моха и цвели,
животворящий, немеркнувший свет —
Свети-Цховели...¹

А на горе, там, где тучи парят,
Мцыри обитель виднеется. Это
не монастырские стены стоят,
а нерушимые строфы поэта.
Горы... долины... лесов забытье...
Грузия! Возле твоей колыбели
светом пронизано сердце мое:
Свети-Цховели.

Первым встречает он солнечный луч,
первым всплывает над радостью света,
нежно согретый ладонями круч
и вековыми преданьями Мцхета.
Я увидал эти стены и свод;
годы с тех пор отцвели, отзвенели,
только в душе, как и прежде, цветет
Свети-Цховели.

¹ Свети-Цховели (животворящий столб) — название собора, крупнейшего памятника грузинского зодчества XI в.

Семен Стаценко

НА ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛЕ

Если не был ты там, то судить не берись
о хмельных кустанайских закатах...
Помню: старый казах
наливал нам кумыс,
Наотрез отказавшись от платы.
От кумыса в груди бился жаркий огонь.
В небе мудрые звезды
над нами сияли.
Кто-то пробовал петь,
кто-то трогал гармонь,
И лежали вокруг неоглядные дали.
Он кумыс наливал...
Я не знаю и сам,
как все это нежданно случилось —
В лунном свете его,
словно щелки, глаза
Набежавшей слезой засветились.
Он рассыпал табак, набивая чубук.
От нахлынувших дум
стало душно и тесно.
И в ответ им старик
про былую судьбу
Затянул невеселую старую песню.
...Степь. На тысячу верст—ковыли, ковыли—
Затерялась в степи
горстка юрт кособоких...
Тут его бесприютные годы прошли
За чужим табуном
на просторе широком;
Тут погибли мечты,
горькой болью горя,
И нелегок был путь —
через битвы к рассвету.

А ведь жизнь коротка,
коротка, как заря,

Полыхнет, разгорится —
и нету, и нету...

Мы притихли.

А он, песнь окончив свою,
Проводил нас домой.

... В эту ночь нам не спалось.

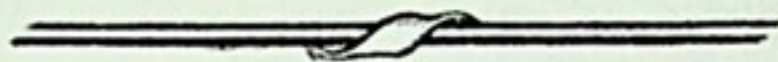
Кто-то встал,

шел к комбайнам.

В широком краю

Над цветущею степью

Заря поднималась.

РУСТАВИ

РОМАН

(Продолжение)

Перевод с грузинского Т. Гамкрелидзе.

Некоторое время они сидели молча.

Арчил не сводил с нее глаз: прежнее обаяние юности исчезло, ввалившиеся глаза и все лицо выражали глубокую грусть. Но и сейчас в ней все еще таилось то очарование, которое покорило его пять лет назад.

— Я очень поздно поняла, — снова заговорила Талико, — что сначала должна была хорошенько узнать жизнь, стать самостоятельной, а потом уже думать о замужестве... Тогда я могла бы ничего не бояться. А я... я даже не кончила института—и выскочила замуж. Не знаю, что случилось со мной, откуда нашло на меня затмение. И ведь, как ни странно, — ее рот скривился в горькой усмешке, — провожая тебя на фронт, я думала и думала только об одном: если ты не вернешься,—жива не останусь, а вот же... Ах, не стоит вспоминать все это... — Талико прервала себя, помолчала и уже другим тоном продолжала: — Несколько дней назад я заняла деньги и на один день поехала в Тбилиси, выяснить свои дела. Мне сказали, что нужны врачи для поездки в Россию — сопровождать рабочих будущего металлургического завода. В Тбилиси я узнала о твоём возвращении. Правда, я совсем забыла, ведь ты металлург. В тот день я не могла ни на что решиться, остаться тоже не могла, нужно было вернуться домой в ту же ночь. Дома решила написать тебе письмо, как брату... и теперь вижу...—Талико не выдержала и разрыдалась, — вижу, какой ты хороший... Не забыл меня, приехал...

— Ну, довольно, не надо, успокойся, — тихо сказал Арчил.

Они опять помолчали.

— Так вот, — встал Арчил, — об остальном поговорим после. А сейчас приведи все в порядок, собери вещи и одень своих ребятишек в дорогу — вечером мы уедем в Тбилиси. Там я помогу устроить их на время твоего отсутствия. Сейчас я пойду в райком по делам. У тебя, наверное, есть долги? Вот деньги, — Арчил положил на стол пачку пятидесятирублевых. — Дом поручи кому-нибудь из соседей. Приедешь весной — и тогда решишь, что с ним делать.

— Погоди, погоди! — Талико смотрела на него испуганными глазами, не зная, как отнестись к его словам. — Как это в Тбилиси? К кому? У меня там нет комнаты — я ее потеряла. Кто-то вселился, когда я осталась здесь. У кого я устрою детей? Ничего не понимаю...

— Знаешь что, дорогая, я достаточно долго служил в армии. А

там, видишь ли, не любят тратить много слов. Бери деньги, а думать будешь потом. Если я говорю тебе — едем, значит, все предусмотрено заранее, а иначе для чего бы я явился сюда? Ну, все. Часам к двум я вернусь и помогу тебе собраться. До свидания.

Районный комитет партии помещался в новом двухэтажном здании. Внизу находились райсовет и редакция районной газеты. Арчил прошел по широкой лестнице и поднялся на второй этаж. В темноватом коридоре тускло поблескивали прикрепленные к дверям черные стеклянные таблички с надписями. Отыскав кабинет секретаря райкома, он нажал на ручку двери.

Молодая девица в пестрой, завязанной под подбородком шелковой косынке сидела в маленькой приемной за канцелярским столом и что-то вписывала в истрепанную регистрационную книгу.

Арчил, кивнув на обитую черным гранитом дверь, спросил:

— Можно войти к секретарю?

— Пожалуйста! — сказала девица и, прежде чем Арчил скрылся за дверью, сорвалась с места и бросилась в другую комнату — сообщить своей подруге, что можно с ума сойти, какой военный сию минуту вошел к первому секретарю. Мигом вернувшись в приемную, подружки стали с нетерпением ожидать, когда Арчил выйдет из кабинета.

Секретарь райкома просматривал свежие газеты. За его спиной, на большой карте Советского Союза, висевшей на стене, красным карандашом были обведены области и районы, освобожденные советскими войсками. Города, освобожденные от оккупантов, были обозначены красными флажками. Прямо к середине массивного письменного стола был приставлен длинный, покрытый красным сукном стол, вдоль которого в ряд стояли стулья.

Увидев Арчила, секретарь райкома встал, обошел стол и приветливо поздоровался. Арчил назвал себя, и секретарь еще раз встряхнул ему руку.

— Очень приятно, садитесь. Я вас ждал сегодня вечером. Вчера из Тбилиси звонил Владимир Николаевич, спрашивал, как идут дела. Ну, все готово. Из нашего района едут двадцать девять человек.

— Так мало? — удивился Арчил.

— Разве мало? Вы не можете себе представить, с каким трудом мы их собираем. Людей не хватает. Даже пятнадцати- и шестнадцатилетние юнцы, которые поедут с вами, очень нужны. В деревнях не осталось мужчин, тяжесть полевых работ легла на женщин. Поэтому и пятнадцатилетний паренек сейчас в деревне — мужчина. Надо было видеть отчаяние председателей колхозов, когда я сказал о необходимости послать молодежь учиться. Да, между прочим, не возьмете ли девушек? А то вчера ко мне явились три девушки с просьбой послать их. Я, собственно говоря, не очень представляю, что они будут делать на металлургическом заводе.

— Нет, отчего же, и девушкам найдется дело.

— В самом деле? Возьмете их? Вот и прекрасно! Одна из них такая шустрая и живая девушка — пятерых ребят стоит. Вчера без конца просилась. Ей пятнадцать или шестнадцать лет; а второй, бедняжке, просто необходимо выехать отсюда...—секретарь помолчал.—Один мерзавец надругался над нею. Он-то получил по заслугам, а вот девушка едва не покончила с собой, не показывается на людях. Правда, все стараются не дать почувствовать, что знают о постигшем ее несчастье, но все же в таком маленьком местечке, как наш районный центр, оставаться девуш-

ке тяжело, даже мучительно. Пройдет по улице, а ей нет-нет, да и посмотрят вслед и начинают шушукаться. Словом, я решил пристроить ее куда-нибудь — безразлично, Тбилиси ли это будет или другой город. Ну, а если вы заберете ее, лучшего нельзя и придумать.

— Заберу.

— Превосходно... Есть, кроме этих трех, еще одна женщина с двумя детьми, которую бросил муж. Она — врач, но у нас вакантных мест нет. Вот, если бы она была агрономом...

— И этот вопрос уже разрешен.

— Как?

— Сегодня я забираю ее.

— А дети?

— С детьми, конечно.

— Не может быть! — поразился секретарь райкома. — Вы что же, знали ее раньше? Или она ваша родственница... Ух, как вы меня обрадовали! Я уже намеревался устроить ее кассиршей в магазин, так как нет ничего другого. А на вашем заводе, безусловно, понадобятся врачи. Да, говорят, будет строиться настоящий гигант. Нашей республике нужен именно такой завод.

— В вашем районе есть какая-нибудь промышленность?

— Э-э, какая у нас промышленность! Шампанкомбинат — раз, — секретарь загнул палец, — кирпично-черепичный завод — два, бойня — три и местная промкооперация, которая объединяет три или четыре артели, — вот и все. Ну, и горная промышленность, — и секретарь усмехнулся: — мраморный карьер, один баритовый рудник да две сельских гидростанции. Сейчас строим еще третью.

— Что ж, это не мало, — сказал Арчил.

— Мало. Очень мало. Чиатурский район имеет марганцевые рудники, Зестафонский — ферросплавный завод, Ткибульский — угольные шахты. Вот, война окончится, и мы тогда займемся мирным строительством. У нас можно будет еще многое, очень многое сделать...

— Например?

— Мы собираемся заложить до пятисот гектаров новых чайных плантаций. Только это будет ежегодно давать, самое меньшее, пятнадцать — двадцать миллионов рублей дохода. Кроме того, запланировано построить консервный, стеклотарный, мраморораспилочный и деревообделочный заводы и шелкомотальную фабрику. В области животноводства... Но это вас, вероятно, уже интересует меньше...

— Нет, что вы, — вежливо сказал Арчил и украдкой взглянул на часы.

Рука секретаря райкома потянулась к кнопке звонка. Вошла секретарша.

— Пойди, скажи Васо, — обратился к ней секретарь, — пусть вызовет тех девушек, которые просились ехать на металлургический завод.

— Сейчас же?

— Ну да. Приведите их сюда, и побыстрее. Чтоб через пятнадцать минут все три были здесь.

Девушка вышла из кабинета, и секретарь снова повернулся к Арчилу:

— На чем мы остановились?.. Да, на животноводстве.

Раздался телефонный звонок.

— Слушаю! — сказал секретарь райкома в трубку. — Что? Все готово? Значит мне можно приехать? Хорошо.

— Вы извините меня, — сказал он Арчилу, — мне необходимо ехать

в горы — на строительство дороги. Вы пройдите ко второму секретарю, он в курсе дела и поможет вам во всем.

Секретарь встал, надел кожаное пальто, попрощался с Арчилом, и они вместе вышли из кабинета.

Секретарша оживленно шушукалась с подругой. Но когда Арчил подошел к столу, девушки постарались принять как можно более серьезный и деловой вид.

— Второй секретарь у себя? — спросил Арчил.

— Он скоро будет. Садитесь, — ответила секретарша и снова повернулась к подруге.

— Смотри, он, кажется, на тебя обратил внимание, — шепнула она.

— Молчи, дурочка, еще услышит. Говори о чем-нибудь другом.

— Это правда, что вопрос Галдавадзе стоит на бюро? — громко сказала секретарша. — Ты знаешь, его обязательно снимут.

Но ее подруга продолжала шептать:

— Ты бы спросила его, надолго ли он приехал. Я дала бы полжизни, чтобы узнать, не его ли назначат вместо Нестора. Я...

— Провались ты... тише, он, кажется, слышит.

Погруженный в свои размышления, Арчил ничего не слышал.

В другое время он, может быть, и не отказался бы поболтать и пошутить с девушками, но сейчас, взволнованный утренней встречей с Та-лико, глубоко задумался. Как всякий человек, принявший важное и хорошее решение; Арчил испытывал некоторую гордость и в то же время был явно озабочен.

Почти одновременно со вторым секретарем явились и три девушки, которым так хотелось стать работницами будущего металлургического завода.

Арчил внимательно оглядел их. Одна из них была небольшого роста и казалась самой младшей, две другие были довольно рослые, крепкие толстушки.

— Василий Петрович, это к вам, — сказала секретарша, указывая на Арчила.

— А-а-а, знаю, знаю. Очень приятно, — протянул руку Василий Петрович, — пожалуйста сюда. И вы идите сюда, девушки.

Кабинет второго секретаря был меньше и обставлен попроще.

— Эти девочки хотят стать металлургами, — улыбаясь, проговорил второй секретарь и снял шляпу. Из-под шляпы высвободились на редкость густые, курчавые волосы. — Что вы скажете? Простите, ваше имя?

— Арчил.

— Так что вы скажете, товарищ Арчил?

— Раз хотят — значит станут металлургами. В металлургической промышленности есть целый ряд профессий, где женщина справляется со своей работой, пожалуй, лучше мужчин. — Арчил повернулся к девушкам: — Сможете вы собраться в дорогу сегодня же?

Девушки переглянулись, медля с ответом.

— Можем, — произнесла, наконец, за всех самая низенькая.

— Как тебя звать? — спросил Арчил.

— Зизо.

— Это настоящее имя?

— Нет, но все меня так зовут.

— Сколько же тебе лет, Зизо?

— Девятнадцать.

— Ого, ты, оказывается, совсем взрослая.

Зизо ничего не сказала и скромно опустила голову.

— А тебя как звать? — Арчил обратился к другой девушке, с полной грудью, крупными руками, толстыми ногами и густыми косами. На вид ей было лет двадцать пять.

— Ламара, — смущенно ответила та.

— А тебе сколько лет?

— С... семнадцать.

— Ну, а тебе? — Арчил посмотрел на третью.

— А мне пятнадцать.

Это была совсем еще девочка, с удивительно большими, полными огня живыми глазами. Вытянувшись, как стебель высокой травы, она рядом с Ламарой выглядела неформившимся подростком.

— Как твое имя?

— Кето, но зовут меня Кардиа¹.

— Кардиа? Почему?

— У нее такие острые ногти, что если вцепится в кого-нибудь, как бритвой порежет, — с улыбкой разъяснила за нее Зизо.

— Ну, что ж, для защиты у тебя неплохое оружие, — засмеялся Арчил. — А теперь слушайте меня внимательно, — сказал он. — Взять — я возьму всех троих. В течение трех лет вас будут кормить и поить на государственный счет, оденут, обуют и дадут специальность. Потом вы приедете в Рустави — это совсем близко от Тбилиси. Там скоро начнется строительство социалистического города. Будете работать на заводе, получите квартиры. Ну, так как же? Что скажете?

— Пойдем приготовимся, — сказала, наконец, Зизо.

— Отлично. Итак, вечером, в семь часов приходите все вместе на вокзал. Я уже буду там. Смотрите — не опаздывайте.

* * *

Строительство руставского завода еще и не начиналось, но по постановлению правительства, одновременно с организацией управления строительства, была создана и дирекция завода. Были назначены директор, главный инженер и начальники отделов: снабжения, кадров и целого ряда других. Назначили главных инженеров доменного и прокатного цехов, мартена и блюминга. Таким образом, почти весь управленческий аппарат был укомплектован.

Дирекции завода временно предоставили две комнаты в Тбилиси, на улице Кецховели, и с утра до вечера здесь толпились люди.

Директор завода Сико Гогешашвили и главный инженер Дмитрий Коркашвили круглые сутки занимались непривычными для них вопросами.

— Ну что — достал лобно? — спрашивал Коркашвили начальника снабжения Джибо Бенделиани.

Джибо поминутно сворачивал самокрутки, доставая табак из большой самодельной табачницы.

— Две тонны, Дмитрий Ясонович! Пять тонн обещали в Дманисском райпотребсоюзе, завтра пошлю туда машину.

— А как с картофелем? — кричал из другой комнаты Сико Гогешашвили, и Джибо, размахивая полевой сумкой устремлялся к нему.

— Десять тонн уже привез, Семен Григорьевич!

— Что ты, милый человек, что такое десять тонн? Десять тонн нас

¹ Кардиа — царапка.

не спасут. Везем пять тысяч человек — и на каждого приходится по два кило. Это же ерунда... Надо было привезти, минимум, двести тонн!

— Везут, Семен Григорьевич, везут. Разорваться пополам я не могу, а что мне еще остается делать?

Джибо исчезал в облаках табачного дыма.

— Консервы уже получили?

— Кутаиси вчера отгрузил два вагона малой скоростью, и на железной дороге мне сказали, что вагоны придут сегодня же.

— Вот что: с завтрашнего дня начнет прибывать народ, а наши дела, я вижу, неважны...

Разговор прерывался телефонными звонками, директор и его заместитель поочередно кричали в трубку:

— Алло! Вызывает район?.. Слушаю. Сто пятьдесят человек? Прекрасно. Когда выезжают? Послезавтра? Очень хорошо. Алло!.. Нельзя ли у вас достать сыр? Что? Да, да, сыр... Чем больше, тем лучше. Нет, какое там — для себя... Сколько? Ну, одну тонну...

Раскатистый голос Гогешашвили покрывал стрекот арифмометров и стук машинок.

— Фабрика, — говорил он, поглядывая на стоявшего рядом Коркашвили. — Дайте директора... Это ты? Послушай, где обещанные ботинки? Ну и что же? Я и сам знаю, что ты сдаешь мне внеплановую продукцию — это не новость... Ты думаешь? То, что тебе так кажется — не поможет; ботинки нам нужны до зарезу. Вон, пожалуйста, швейная фабрика тоже дает спецовки и телогрейки сверх плана, а почти все уже сдала... Что? В конце квартала? Ты с ума сошел! Я через пару дней отправляю эшелоны с людьми, а ты что со мной делаешь, братец!.. Как? Этого я не знаю. Ты мне сдай пять тысяч пар обуви, а там — хочешь занимай, хочешь покупай...

Арчил, как и предполагалось, приезжал с первой группой молодежи двадцать пятого октября, поэтому двадцать четвертого в помещении дирекции завода было особенно шумно.

Именно в этот день Вепхиа направлялся к Дому Правительства. И в этот же день Гогешашвили с утра носился на машине по городу: осматривал склады и бараки, ездил на станцию проверять, как идет разгрузка прибывших вагонов.

Он побывал в Доме Правительства, обегал все этажи и во второй половине дня уже был в Центральном Комитете.

В комендатуре он сразу заметил сидевшего в углу молодого хевсура, с нескрываемым любопытством рассматривавшего окружающих. Как только Сико протянул в окошечко удостоверение, дежурный сказал:

— Товарищ Гогешашвили, этот хевсур дожидается вас.

— Меня? — удивился Сико и оглянулся на юношу. Отойдя от окошка, он подошел к нему поближе и сказал: — Здравствуй!

— Здравствуй и ты! — ответил Вепхиа.

— Как ты сюда попал?

Прежде чем Вепхиа успел ответить, заговорил дежурный:

— Он пришел прямо к вам. Оказывается, в их деревню приезжал ваш работник и обещал взять его в город. Паренек собрался стать мастером. Мы сейчас же запросили отдел промышленности, что с ним делать. Оттуда ответили: «Как только приедет Гогешашвили, сообщите ему».

Сико выслушал до конца и снова спросил хевсура:

— Как тебя зовут?

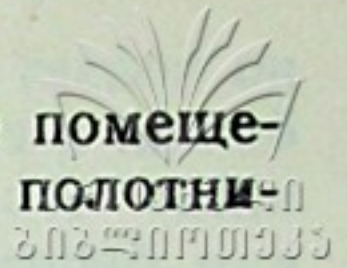
— Вепхиа.

- Вепхиа... Хорошее имя. А фамилия?
— Халибаури.
— Как, как? Это что за фамилия у тебя?
— Некрасивая?
— Нет, отчего же, напротив. Ну, а зачем ты приехал, Вепхиа?
— У нас был один молодой офицер, Арчилом звали...
— Санеблидзе? Знаю. И что он тебе сказал?
— Возьму, сказал, в город и научу делать сталь.
— Ах, вот оно что! Ты, значит, первая ласточка?—Сико улыбнулся, поглядев на окруживших их тесным кольцом любопытных. — А все же как ты здесь очутился?
— Я сегодня приехал из Хевсуретии.
— Один? Неужели ты только один?
— Один. Из нашей деревни больше никто не захотел.
— Почему же ты не подождал Арчила?
— Не знаю, право, кроме меня никто и не собирался ехать, а я побоялся — вдруг останусь, подумал.
— А почему ты поехал, если других желающих не нашлось?
— Я? — Вепхиа помолчал. — Да так, надоело быть все в горах да в горах.
— Так. Значит, ты, Вепхиа, хочешь стать сталеваром?
— Хочу.
Сико с удовольствием разглядывал юношу.
— Ну, а здесь ты что делал?
— Искал Арчила, но о нем тут никто и не слышал. Потом я решил пойти в правительство, думал: они же все знают и мне помогут.
Сико от души расхохотался и похлопал Вепхиа по плечу.
— Ты, брат, молодчина! А теперь идем со мной.
Он вывел его на улицу, отыскал свою машину и сказал шоферу:
— Отвези этого молодца и сдай Джибо. Скажи, чтоб его устроили в бараке и накормили. Пусть переоденут и отведут в баню. — Сико повернулся к Вепхиа: — Давай, молодой человек, садись в машину. Он тебя отвезет и все покажет. Ну, а для чего тебе шашка, скажи на милость?
Вепхиа теперь и сам чувствовал себя не совсем ловко со своей шашкой, тем более, что ножны ее были пусты. Ему показалось, что все уже догадались об этом... Поэтому он ничего не ответил Сико и неловко полез в машину.
Гогебашвили пробыл в Центральном Комитете довольно долго. Когда он закончил свои дела и вышел, уже стемнело.
Машина ждала у дверей. Утомленный Сико буквально свалился рядом с шофером.
— Домой? — спросил его тот.
— Подожди. — Сико посмотрел на часы. — Заедем на работу. Дмитрий еще, вероятно, там. Ну, как, отвез хевсура?

★ ★ ★

Долго не мог заснуть Вепхиа. Большой, заставленный в несколько рядов деревянными нарами, барак был пуст. Вепхиа, не раздеваясь, лежал один возле дверей, подложив под голову руку. Джибо не сумел ни дать ему одежды, ни повести в баню. Он только накормил его на собственный счет в какой-то закусочной, угостив шашлыком и двумя кружками пива. Для Вепхиа это было величайшим вниманием. Потом они пришли в барак, и Джибо указал на пустые нары.

— Как-нибудь переночуй, а завтра вместе с остальными получишь все, что полагается.

Джибо скрутил сигарку, прикурил и ушел.

Вепхиа некоторое время сидел и осматривался. Огромное помеще-
ние чисто подметено, а на протянутых по стенам красных полотни-
щах белела свежая надпись: «Привет будущим металлургам!»

В барак заглянул старик-сторож в новой ватной телогрейке и на-
хлобученной на голову шапке-ушанке.

— Ты что, один?—спросил он и посмотрел по сторонам, точно же-
лая убедиться, что, действительно, больше никого нет. — Кто ты?

— Хевсур.

— Хевсур? Значит, из Хевсуретии?—удивленно протянул сторож.—
А твое село где там находится?

— У истоков Арагви.

— А-а-а. Очень хорошо—произнес сторож и умолк, не зная, о чем
еще говорить.—Если понадобится уборная, она вот там.

— Что ты сказал?

— Уборная, говорю. Неужели не знаешь? Вставай, покажу.

Они оба вышли во двор. Сторож указал на маленькое строение и
ушел к себе в будку.

Весь двор загромождали стальные конструкции причудливой
формы, какие-то ящики, железные балки и старые, разбитые гру-
зовики. В углу была навалена целая гора заржавленного хлама.
Вепхиа подошел и с интересом стал разглядывать эту грудку металла.
Что только здесь не лежало: и части машин, и колеса вагонеток, изно-
шенные коленчатые валы, обрезки труб, пузатое литье насосов и бес-
численное множество обломков железа. Это превосходило самые радуж-
ные мечты Вепхиа!

С лихорадочной поспешностью начал он рыться, желая во что бы то
ни стало отыскать кусок стали. Он хватал обломки один за другим, про-
бовал качество металла на звук, бросал и искал, искал... Неожиданно
Вепхиа наткнулся на целый рессорный лист, прекрасно подходивший для
шашки. Он ударил им о камень—раздался звонкий, как у колокольчи-
ка, звук. Чистая сталь!

Это было как раз то, что он искал.

Вепхиа быстро огляделся по сторонам — не видит ли кто его—и по-
бежал в барак. Сердце колотилось у него в груди. Ах, если бы он мог
сейчас же — раз, два, — и очутиться в кузнице Апареки. В одну минуту
он разжег бы горн, и скоро, очень скоро, в его руках засверкал бы сталь-
ной клинок. Потом он закалил бы в молоке эту шашку и остро-остро
наточил лезвие. Вепхиа еще раз проверил, как звенит лист, — не могло
быть сомнения — он держал в руках сталь, подобной которой не сыскать
во всем мире!

Он любовно провел рукой по металлу. Теперь главное заключалось
в том, как вернуться домой. Идти сейчас же невозможно—стало тем-
неть. Лучше всего как-нибудь прокоротать эту ночь здесь, а завтра с
утра пораньше наострить лыжи.

Вепхиа присел на нары и долго любовался своей находкой, потом
достал из ножен обломок шашки и ударил по листу—не зазубрится ли
сталь? Но нет, напротив, зарубка оказалась на шашке.

Ну, все. Вепхиа уже держал в руках шашку! Оставалось как-ни-
будь дождаться рассвета. А утром он пустится в путь. Лишь бы скорей
наступило это утро.

Он лег и положил рядом стальную пластину. На дворе стемнело, и
в бараке почти ничего нельзя было различить. Вепхиа закрыл глаза, но
сон не шел. Юноша неподвижно лежал, досадуя, почему так медлен-

но ползет время и не наступает ночь. В мечтах он уже несколько раз побывал в своей деревне и тотчас бежал к Апареке разжигать горн в кузнице. Ах, какое наслаждение видеть, как Апарека, осмотрев его сталь, сам берется ковать ему шашку. Прежде всего он хорошенечко нагреет железо, выпрямит его одним ударом (лист сейчас был чуть-чуть загнут), а затем приступит к ковке. Из горна пышет огненное пламя, искры сыплются в разные стороны, Апарека взмахивает молотом, и раскаленный кусок стали начинает приобретать очертания: вот они вытягивают в длину клинок, с обеих сторон выводят узенькие желобки. Теперь можно шлифовать оружие — Вепхиа быстро вращает точило, а Апарека прижимает к нему то одной, то другой стороной шашку и водит по камню, от чего поверхность клинка становится блестящей. Однако самое трудное впереди — закалка. Другие шашки закаливаются тупой стороной, а эту, ввиду того, что она обоюдоострая, нужно опустить в молоко всю сразу, острием вниз. Наконец, на шашку насаживают рукоятку и оттачивают еще раз. Теперь можно вложить в ножны и...

Вепхиа беспокойно ворочался с боку на бок, вставал и снова ложился, глядел в потолок. На улице ветер раскачивал фонарь, и полосы света, врываясь в окно, странными пятнами скакали по стенам.

Так лежал он с открытыми глазами и не заметил, как уснул. Утром, проснувшись от громкого говора и ходьбы, Вепхиа увидел в окно, что солнце поднялось уже высоко. Барак наполнился только что прибывшими парнями, которые с шумом размещались по нарам, раскладывая свои пожитки и переговариваясь.

Вепхиа смутило их появление. Он собирался уйти на рассвете, прежде, чем кто-либо заглянет в барак, а теперь появление такой массы народа спутало все его планы. Сказать по правде, его удерживало и любопытство — может быть, лучше немного подождать — расспросить откуда эти парни, о чем думают они.

Почти все юноши были безусы, кроме нескольких, у которых уже пробивался пушок на верхней губе и щеках. По их речи и манере разговаривать можно было безошибочно заключить, что они из самых различных уголков Грузии.

Рядом с Вепхиа расположился высокий, коренастый юноша. Он положил чемодан в изголовье и с любопытством посматривал на соседа.

— Ты сторож? — спросил он, присев на нарах.

— Нет, — коротко отрезал Вепхиа.

— А откуда ты?

— Я хевсур.

— Это я и сам вижу. А из какой ты деревни?

— Моя деревня называется Халибаурта, и фамилия моя тоже Халибаури. А ты?

— Я — гориец.

— Как зовут тебя?

— Георгий, Гига, а тебя?

— Вепхиа.

— Хорошее имя.

В барак вошел Джибо Бенделиани и громко объявил:

— Товарищи, сложите вещи и умойтесь. Скоро пойдете завтракать. Прежде всего вам следует знать, что выходить в город пока строго воспрещается.

Молодежь зашумела, со всех сторон слышались выкрики:

— Почему воспрещается?

— Нам хочется осмотреть город...

— Мы первый раз в Тбилиси...

— Может быть, мы хотим в кино...

Джибо немного подождал, скрутив за это время сигарку.

— Тише, товарищи!—крикнул он. — Если вы помолчите немного, я вам все объясню. Сейчас вы находитесь в карантине сроком на пять дней. Это для того, чтобы выяснить, нет ли у кого-нибудь заболеваний. Вас освидетельствуют, осмотрят и если кто болеет—уложат в больницу. Поскучать дней пять вам придется. Впрочем, особенно скучать вы не будете—сюда привезли киноаппарат и будут вам показывать кинофильмы. Здесь есть и радио, и газеты, и книги. Вечером проведем собрание, на котором с вами побеседуют директор и главный инженер. Словом, тут будет неплохо. Сегодня же вы все должны пройти медицинскую комиссию и вымыться в бане. Перемените там одежду: снимете свою и получите новую, казенную.

— Нельзя ли оставить нам нашу одежду?—спросил кто-то.

— Нет, товарищи, нельзя. Кроме того, вы распрощаетесь с вашими чубами—у всех снимем волосы, без различия цвета, длины и курчавости.

Ребята смотрели на головы друг друга: кому больше придется пожалеть волосы.

Многие стали выражать недовольство:

— Этого еще не хватало!

— Что мы в армию идем, что ли?

— Если станут снимать волосы—уедем домой.

Джибо разозлился и повысил голос:

— Ну, ну, без таких разговоров! Что значит «вернемся домой»? Раз приехали—будьте добры, подчиняйтесь общим правилам. — Джибо посмотрел на часы:—Через двадцать минут все должны быть готовы,—сказал он и вышел.

В бараке поднялся сильный шум. Кто перекликался из конца в конец огромного помещения, с удовольствием слушая гулкое эхо, кто отыскивал мыло и полотенце, некоторые чистили одежду. В глубине барака затянули песню.

Кто-то крикнул:

— А что этому хевсуру здесь нужно?

Только сейчас все обратили внимание на стоявшего в углу Вепхиа. Вокруг него сразу же собрались любопытные, залезли на нары и, вытянув шею, старались получше разглядеть юношу. Какой-то нагловатый парень, которого товарищи называли Ванико, протискался вперед и, подойдя вплотную к Вепхиа, схватился за ручку шашки с очевидным намерением вытащить ее из ножен. Вепхиа побледнел. Он с молниеносной быстротой представил, какой хохот раздастся вокруг, когда увидят его сломанную шашку. И он с такой силой оттолкнул Ванико, что тот так и сел на нары.

Смех взорвался, как порох.

— Вот тебе и хевсур!

— Здорово он его, а!

Гига, сдвинув брови, поглядел на севшего рядом с ним парня.

— Так тебе и надо—не суйся, куда не просят.

Ванико не знал, как ему поступить,—полезть в драку или обратить все в шутку, а окружавшие подзадоривали:

— На твоём месте я бы не стерпел, Ванико.

— Да, крепко он тебя!

— И как это он посмел с тобой...

Гига встал с места, сверкнув глазами.

— А ну, перестаньте. Вам сказано—умываться, нечего здесь торчать!

Действительно, срок, данный Джибо, истекал. Надо было умываться, и все начали быстро выбегать во двор, к длинному оцинкованному баку с водой. Многие разделись до пояса.

Гига тоже достал из чемодана мыло и полотенце и обратился к Вепхиа:

— А ты что же, не будешь умываться?

У Вепхиа не было с собой ни мыла, ни полотенца, и он беспомощно оглянулся, но Гига, поняв в чем дело, сказал ему:

— Пойдем, вот мыло и полотенце—хватит обоим.

Вепхиа встал, пропустил Гигу вперед, а сам схватил рессорный лист и спрятал его в мешок. Потом перекинул мешок через плечо и вышел. В двери поминутно входили и выходили ребята: некоторые возвращались умытыми, а многие только бежали к баку с водой.

Вепхиа кинул быстрый взгляд на двор: все были заняты своими делами; он свернул вправо и направился к воротам. Мгновенно созрело решение скорее покинуть барак, пока ему не успели обрить голову и надеть казенную одежду.

В воротах ему преградил дорогу сторож.

— Эй, куда ты? Нельзя!

— Нельзя? Почему нельзя?—у Вепхиа дрогнул голос. «Эх, была бы шашка в ножнах. Хотя, что может со мной сделать этот старик?»—мелькнуло у него в голове.

— Выходить нельзя. Приказано никого не выпускать.

— А ну, отойди, если жить не надоело!

Вепхиа раскрыл ворота, осмотрелся, и, не раздумывая, быстро пошел по улице. Он был убежден, что идет прямо в Хевсуретию.

★ ★ ★

Нико уже ушел на службу, когда раздался звонок. Марта безошибочно определила, что звонит Арчил. Она всегда могла точно сказать, кто звонил — свой или посторонний.

Марта бросилась к дверям и торопливо открыла их... Перед ней стоял сын с двумя детьми на руках, а за ним—молодая незнакомая женщина, которая держала вещевой мешок и чемоданчик Арчила. Около нее на полу стоял большой чемодан.

— Вот, мама, посмотри, кого я привез,—сказал Арчил матери и обратился к своей спутнице: — Талико, познакомься — это моя мама. Красивая у меня мама, правда?

Марта остановилась в замешательстве, не находя слов, но малыши произвели такое впечатление, что она в восторге всплеснула руками.

— Какие прелестные крошки! Мои дорогие, дайте я их расцелую! Входите, что вы остановились в дверях?—она протянула руки к Арчилу и взяла девочку:—Иди ко мне, деточка, иди.

Дети и в самом деле были очаровательны. Утомленные дорогой, заspanные, они тарашили глазенки, смущенные непривычной обстановкой.

Марта не сводила глаз с девочки, стараясь отыскать в ее личике сходство с Арчилом. «Точная копия,—решила она, еще раз посмотрев на девочку и сына. — Все его: глаза, цвет волос, овал лица». Исподтишка она успела оглядеть и Талико и осталась не особенно довольной: «Так

себе, не могу сказать, что красавица. Кажется, я ее видела и раньше с Арчилом. Тогда она выглядела значительно лучше».

— А ну-ка, мамочка, накорми нас завтраком. Потом мы подбросим тебе этих младенцев, а сами убежим по делам. Я привез целый батальон—можешь представить себе, сколько забот!

— Сейчас, мой мальчик, — захлопотала Марта, — сейчас накормим вас всех—и больших и маленьких. Малышей тоже посадим вместе с вами за стол. Для них я найду молоко и даже рисовую кашу. Какие они чудные, мои детки!

— Скажи честно, ведь они похожи на меня?—Арчил засмеялся и взглянул на Талико.

Талико сдвинула брови. Шутка Арчила не понравилась ей. Ей вообще было не до шуток. Она чувствовала себя не совсем уверенно и боялась даже подумать, чем это все окончится.

Арчил потянул ее в другую комнату.

— Идем, покажу, где ты устроишься с детьми,—сказал он, прикрывая дверь и понизив голос: — Я же просил не выдавать меня.

— Арчил, так нельзя с родными... Такими вещами не шутят.

— А я вот шучу. И от тебя прошу только одного—помолчи немного, имей выдержку.

— Только сегодня.

— Ладно, пусть будет так. Завтра говори, что угодно.

Оба малыша сползли с кушетки, на которую их посадила Марта, и с криком: «Мамочка, мама!» затопали ножками к матери.

Талико схватила их на руки и горячо расцеловала.

Арчил погладил детей по голове и, вдруг вспомнив о чем-то, побежал в столовую, к матери.

Талико отчетливо слышала их разговор. Арчил вспомнил, что его детские игрушки спрятаны где-то в кладовке, и просил Марту достать их. Потом он сказал, что дети останутся, так как взять их с собой в Россию Талико не сможет.

— Уложи их в моей комнате, мама. Я вырос в ней и хочу, чтобы и дети тоже в ней выросли.

Потом хлопнули двери—Марта и Арчил вышли на кухню.

Марта сняла чайник с керосинки и пристально посмотрела сыну в глаза:

— Арчил, умоляю тебя, скажи—твои это дети?

По лицу Арчила прошла тень. Возвращаясь домой, он надеялся, что родители проявят достаточно такта и благородства, и ни разу не коснутся этого болезненного вопроса. После бурного разговора с отцом перед отъездом, когда Арчил открыто дал почувствовать отцу, что не разделяет его взглядов, он надеялся, что Талико и ее детей примут так радушно и непринужденно, как встречают близких и родных людей, и никто не станет доискиваться, чьи это дети, или почему Арчил привел их домой. Он надеялся, что молодая женщина даже не заметит сомнений родителей.

Марта прочла обиду на лице сына и виновато поджала губы. Известно, что ответил бы Арчил, но зазвонил телефон, и мать сказала:

— Звонят. Вероятно, тебя.

Арчил ушел в кабинет, а Марта понесла чайник в столовую.

Талико раскрыла чемодан и стала доставать детские вещи.

— Как тебя зовут? — спросила Марта девочку.

— Ия, — девочка смело смотрела на нее.

— Ия! Какое прелестное имя. А тебя?—она наклонилась к мальчику.

— Нодали.

— Нодари? О-о, и это прекрасное имя. Если бы вы только знали, какие замечательные игрушки ожидают вас. Идите, идите скорее сюда!

Дети побежали за ней. Арчил закончил разговор по телефону и так стремительно вошел в столовую, будто за ним гнались.

— Ты уже умылась? — спросил он Талико.—Скорее, чего ты ждешь? Звонили с работы—нужно сию же минуту быть там. О детях не беспокойся — мама посмотрит за ними. Пойдем, покажу ванную. Ну, живей, живей! Давай по-военному: раз—два и готово. Вот и полотенце.

Его поспешность невольно заразила и Талико. Она быстро умылась и поправила перед зеркалом волосы. Пока Талико занималась туалетом, Арчил уже сел за стол.

— Скорее, скорее,—звал он Талико, — торопись—опаздываем!

Он наскоро выпил стакан чаю и сказал Талико:

— Чай совсем остыл, где ты до сих пор? Ох, эти женщины!

Вдруг он вскочил, бросился в коридор, в кладовку, и оттуда послышался страшный грохот—это Арчил стал орудовать запыленными коробками.

— Что ты там делаешь?—крикнула из ванной Марта, занятая умыванием детей.

Арчил ничего не ответил.

Когда Марта ввела малышей в столовую, показался и он, весь перепачканный, с лошадкой в одной руке и с сшитым из коричневой байки мишкой—в другой. Правда, лошадь была довольно старенькая, с отломанной ножкой и оторванным ухом и хвостом, а из медвежонка сыпались опилки, но на детей игрушки произвели необыкновенное впечатление: малыши завизжали от радости, оставили блюдца с кашей и принялись теребить Арчила.

— Какой же ты нетерпеливый,—досадовала Марта.—Они теперь и не подумают прикоснуться к еде. Неужели не мог подождать немножко? Не знаешь, когда что надо!

— Уйдем, Талико,—сказал Арчил.—Уйдем, пока мне не досталось. А то, я вижу, без «производственной» практики по воспитанию детей мои дела плохи.

Талико хотела извиниться перед хозяйкой, что приходится оставлять малышей на ее попечение, но Арчил схватил ее под руку и быстро увлек за собой. Уже в дверях он обернулся к матери и крикнул, чтобы она не очень беспокоилась,—дети тихие и плакать не будут.

Выйдя из дому, Арчил с Талико прошли несколько переулков и в начале улицы Меликишвили остановились в ожидании трамвая.

Стояло теплое солнечное осеннее утро. Вокруг сновали прохожие, домохозяйки в провизионных сумках—«авоськах» несли домой продукты. Девушки, бежавшие в университет, наполняли веселым щебетанием прозрачный золотистый воздух.

Вскоре показался трамвай.

Арчил уже приготовился помочь Талико сесть в переполненный вагон, но вдруг заметил, что она еле держится на ногах.

— Что с тобой?—спросил он с испугом.

— Не знаю, кружится голова, вероятно, от бессонной ночи. Знаешь, лучше пойдем пешком, боюсь, что в трамвае мне станет плохо. А так, может быть, пройдет само по себе.

— Пойдем.

Талико оперлась на его руку, и они медленно зашагали по тротуару.

★ ★ ★

УДК 82.09
ББК 84.030.01

Вепхиа никак не мог выбраться из города. Некоторое время он шел по улице, пока не услышал звон нагонявшего его трамвая. Трамвай с шумом пронесся мимо. Вепхиа невольно отскочил и, постояв немного, повернул влево: ему показалось, что он ошибся и идет не той дорогой. Однако, дойдя до перекрестка, он совсем растерялся: куда же идти?

В конце концов он решил пойти прямо, выйти за город, а там постараться найти дорогу. Так он и сделал. Он зашагал по людным улицам большого города и шел до тех пор, пока не очутился перед линией железной дороги.

Вепхиа видел ее так близко впервые в жизни: влево и вправо убежали блестящие стальные рельсы; он нагнулся, потрогал их рукой и посмотрел вокруг. По рельсам двигались вагоны, которые, пыхтя и сопя, вез паровоз.

Все это Вепхиа видел только на картинках в газетах и книгах. Особенно понравился ему паровоз с большой русской буквой «Щ» на боку, с шипением выпускавший облачка пара. Из маленького четырехугольного окошечка высунулась перемазанная угольной пылью девушка. Увидев молодого хевсура, она улыбнулась, потянула ручку сигнала, и паровоз оглушительно засвистел. Вепхиа вздрогнул. Девушка захохотала и что-то крикнула, помахав рукой, но смущенный юноша ничего не разобрал и пошел обратно.

Теперь он попал на дровяные склады. Повсюду высились горы дров: ольховые и грабовые поленья лежали аккуратными штабелями или валялись в беспорядке. В одном месте круглой дисковой пилой распиливали бревна. Вепхиа довольно долго с интересом смотрел на эту картину; он очень хотел понять, что приводило в движение пилу, но, так и не разобравшись, перешел через рельсы, наткнулся на проволочную изгородь и свернул направо.

Он снова очутился на железнодорожных путях. Здесь стоял целый ряд выкрашенных в зеленую краску вагонов. Вепхиа вдруг нестерпимо захотелось заглянуть внутрь этих вагонов. Он приподнялся на цыпочки, но в окне ему удалось рассмотреть лишь вагонные полки—больше ничего он не увидел.

Состав был очень длинный, и Вепхиа сначала решил пролезть под вагонами, но потом предпочел обойти их—так как вспомнил, что поезд может неожиданно двинуться с места.

Когда, наконец, он добрался до конца поезда, обнаружилось, что перед ним новая линия, на которой нескончаемой вереницей вытянулись вагоны. Тогда Вепхиа согнулся и пролез под одним из них. Но когда он выпрямился, то увидел, что опять оказался между двумя поездами. «Где же я нахожусь?»—с отчаяньем подумал хевсур и повернул обратно, но в эту минуту позади него со скрежетом тронулись вагоны. Вепхиа окончательно растерялся и пошел наугад—он не представлял себе, как выбраться отсюда. Ему казалось, что стоит лишь перейти железнодорожную линию, как очутишься на улице. Но вместо улицы перед его глазами снова появлялись рельсы.

Послышался мощный гул, будто выл ворвавшийся в котловину ветер, и Вепхиа увидел надвигающийся на него электровоз.

Как зачарованный, смотрел он на эту удивительную, прекрасную

машину с ярко блестящей пятиконечной звездой. А на лбу, словно глаза дэва-великана, сверкал огромный фонарь.

Электровоз быстро приближался. Он снова издал мощный рев, и Вепхиа испуганно заметался. К счастью, послышался чей-то окрик:

— Иди сюда! Переходи скорее!

Стрелочник подскочил к Вепхиа, схватил за рукав и оттащил с линии.

— Что тебе тут надо?—строго спросил он Вепхиа.—Здесь ходить воспрещается!

— Заблудился, хевсур я,—беспомощно пробормотал Вепхиа.

— Вот и видно, что хевсур,—ответил стрелочник.—Ты что здесь болтаешься, кто тебе разрешил тут ходить?

— Никто, иду в Хевсуретию.

— В Хевсуретию?—стрелочник пожал плечами.—А сюда ты откуда свалился? Я еще не слыхал, чтобы в вашу сторону ходили поезда!

Мимо них, мерно гудя, важно проплыл электровоз. Вепхиа лишь сейчас всем своим существом ощутил его величину и мощь. Громадная машина не выбрасывала ни дыма, ни клокочущего пара, слышалось только равномерное постукивание больших колес. Вокруг стоял сильный лязг—электровоз вез огромные цистерны с нефтью,—и несколько минут кроме этого лязга нельзя было ничего расслышать.

У Вепхиа захватило дух от этого зрелища—он никогда не представлял себе, что на свете могло существовать столько железа и стали. Ошеломленный, он стоял и смотрел, как цистерны пробегали одна за другой, и, казалось, им нет ни конца ни края. Наконец, словно кто-то внезапно прервал этот шум, пробежала последняя цистерна и унесла с собой постепенно затихающий гул.

Вепхиа еще дома принял твердое решение ничему не удивляться в городе и никому не показывать своего невежества, но сейчас он был так потрясен, что стрелочник все понял и засмеялся.

— Что, первый раз видишь? У вас, небось, такие не бывают?—Потом он сказал уже серьезным тоном:—Ты откуда взялся? А вдруг попал бы под поезд. Не заметь я тебя, ты бы так дешево не отделался. Пойдем, я выведу тебя отсюда, а то с тобой беды не оберешься. Эта шашка, которую ты повесил, как старый азнаур¹, думаешь, очень тебе поможет?

Стрелочник перевел Вепхиа через пути и указал на дорожку, ведущую к бетонной стене:

— Ступай прямо, потом по дорожке повернешь вправо и выйдешь к мосту. Мост будет проходить вот над этими путями, понял? Перейдешь мост и попадешь в город. Там спроси у кого-нибудь, как пройти в Сабуртало. Запомни — Сабуртало. Ничего, укажут. Ну, а там, если сумеешь сесть на машину, поедешь в Хевсуретию. Ясно?

— Спасибо.

— Спасибо губы не помажешь. Не мог масла привезти из своей Хевсуретии?

Вепхиа пошел по указанному пути. Дорожка привела его к месту, где следовало свернуть направо к мосту, но повернуть можно было только налево. Хевсур пошел налево и скоро очутился в узкой улочке. Никаких признаков моста поблизости не было.

Маленькие одноэтажные домишки выстроились в ряд, окружив

¹ Азнаур — дворянин, здесь в смысле рыцарь.

Вепхиа со всех сторон и пугая его своим однообразием. Даже прохожих не было видно. Наконец, появилась какая-то старушка.

— Мать, не скажешь ли, где тут мост? — обратился он к ней.

Старушка вздрогнула, увидев молодого человека с шашкой.

— Мост? Откуда здесь быть мосту? Ты куда, сынок, идешь?

— В Сабуртало.

— Да-а. Иди так, сыночек, иди и выйдешь на улицу, где ходит трамвай. Повернешь направо и там спросишь у кого-нибудь, где мост. Там тебе скажут.

Вепхиа послушно пошел по улице и, когда показались трамвайные рельсы, чуть не вскрикнул от радости. «Хорошо научила старуха! С этого пути я уже не собьюсь», — подумал он и смело двинулся дальше, разглядывая дома и не выпуская из виду трамвайную линию.

Высоких домов становилось все больше и больше. Впереди показался мост. «Правильно иду», — снова мелькнуло в голове Вепхиа, но он тут же почувствовал, как в его уверенность закралось сомнение. Ведь ему сказали — перейти через мост, а он очутился под ним.

Вепхиа уже решил хорошенько расспросить кого-нибудь еще раз, но в этот момент перед ним вырос комендантский патруль. Молодой краснощекий русский лейтенант потребовал у него документы. Вепхиа не понял, о чем его спрашивают.

Солдат, сопровождавший лейтенанта, сказал ему по-грузински:

— Покажи документы.

— Документы? Какие документы? — удивился хевсур.

— Свидетельство, военный билет. Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— А как нам поверить тебе?

— А вы кто такие?

— Не видишь, кто мы? Комендантский патруль. Ты зачем здесь?

— Ни за чем. Так просто. Дело было маленькое. А теперь иду в Хевсуретию.

— Что такое? У него нет документов? — спросил лейтенант по-русски.

— Нет, — ответил солдат.

— Надо выяснить, кто он такой, — сказал лейтенант и, остановив еще какого-то прохожего, стал и у него проверять документы.

— Иди за мной, — сказал солдат Вепхиа.

— Куда?

— Пошли, пошли, не бойся. Надо проверить, кто ты такой. Как же это ты приехал без всяких документов?

Он завел Вепхиа в какой-то двор, где уже стояли, угрюмо насупившись, с десятков задержанных вроде него молодых людей.

Приход Вепхиа их развеселил:

— Смотри, его задержали с оружием! — засмеялся один.

Спустя некоторое время во двор с шумом вкатилась грузовая машина. Всю «компанию» посадили в нее и повезли в комендатуру. Вепхиа напрасно пытался запомнить дорогу — они ехали по совершенно незнакомым улицам.

В комендатуре дежурный лейтенант оглядел всех, сразу заметил хевсура и спросил:

— Как твоя фамилия?

— Халибаури.

Лейтенант смерил Вепхиа взглядом, неопределенно покачал головой и, взяв телефонную трубку, набрал номер.

— Управление?—громко спросил он.—Директора попросите, товарища Гогешашвили. Товарищ Гогешашвили? Нашли мы вашего хевсура. Только что его привезли. Нет, не знаю, где его отыскивали. От вас приедут? Очень хорошо.

* * *

— Арчил!—вырвалось у Вепхиа радостное восклицание, когда в контору вошел Санеблидзе. От волнения хевсур не мог больше произнести ни слова. Ему стало так легко и спокойно, как будто он увидел очень близкого человека—отца или брата.

— Я только сегодня узнал о твоём приезде, Вепхиа; мне сказали, что ты куда-то запропастился. Ну, здравствуй, друг! Смотри, ты и шашку привез с собой?

Арчил сказал несколько слов дежурному лейтенанту и вышел вместе с Вепхиа:

— Пойдем пешком—отсюда до нашей конторы всего несколько шагов. Куда это ты ушел и пропал? Заблудился?

— Ага, заблудился,—смущенно пробормотал Вепхиа, но вдруг решительно произнес:—В Хевсуретию шел.

— Домой?—Арчил посмотрел ему прямо в глаза.—Ты что, раздумал стать сталеваром?

Вепхиа опустил голову. Он никак не мог решиться рассказать правду и признаться в своём недавнем намерении.

— Не мое это дело,—с трудом вымолвил он наконец,—все равно я не сумею научиться. Я—хевсур, и мне лучше в горах. А тут у меня голова идет кругом.

— Тебе город, что ли, не нравится?

— Ну как же не нравится? Нравится, но...

— Что — но?

— Лучше я уеду обратно. Я привык к горам, пастбищам, к турам, которые скачут в теснинах. А здесь мне как-то боязно.

— Ты боишься? Какой же ты мужчина после этого?—засмеялся Арчил.—Ну ладно, поднимемся в контору—там нас ждет директор. И раз ты уж так желаешь, вернешься домой.

— Правда?—обрадованный Вепхиа ускорил шаги. Он шел рядом с Арчилом и, стараясь заглянуть ему в глаза, сказал, как бы раздумывая:—На машине я до вечера буду в Барисахо... Надо поторопиться, пока не выпал снег, а то потом дорога закроется.

— По-моему, она уже закрылась. Вчера в горах шел снег.

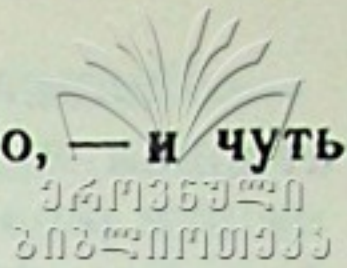
— Откуда ты знаешь?—обеспокоенно спросил Вепхиа.

— Нам все известно. Есть такая метеостанция, ты, наверное, о ней слышал? Собирает сведения по всей Грузии—где какая погода, а потом сообщает по радио.

— Тогда я пойду пешком. Думаешь, в снегу я не ходил? В самый разгар зимы сколько раз я переходил в Ахиели из нашей деревни. Даже без лыж... Эх, лишь бы добраться до Жинвали!

Они вошли в контору. Со всех сторон их окружили сотрудники. В помещении дирекции и без того было достаточно шумно, но когда все ввалились в комнату директора, то Гогешашвили и Джибо, стоявший у письменного стола, невольно подняли головы. В глаза им бросился Вепхиа.

— Ты куда это исчез, парень?—воскликнул Джибо.—Весь город из-за тебя поставили на ноги! Неужто не мог сказать, что хочешь уйти? И кто это тебе разрешил уйти? Ты знаешь, что из-за тебя меня собирались отдать под суд? Когда бежал, чуть не зарубил караульного! Ты думаешь о том, где ты находишься?

— Как — чуть не зарубил? — удивился директор.

— Выхватил вот этот свой шампур, — продолжал Джибо, — и чуть все кишки не выпустил нашему бедному Артему.

— В самом деле? — улыбаясь, спросил директор.

— Вранье! — буркнул Вепхиа.

— Какое вранье — лица на человеке не было! — Джибо рассмеялся.

— Врет он, — упрямо повторил Вепхиа.

— Да, конечно, теперь ты можешь говорить все, что угодно, а ведь чуть не зарубил сторожа пополам!

Вепхиа неожиданно схватился за шашку, выдернул из ножен обломок и поднес к самому носу Джибо.

— Чем зарубил — вот этим?

Джибо так и остался с открытым ртом. Все вокруг от души хохотали.

— Ишь ты, — еле выговорил Джибо, когда, наконец, обрел дар речи, — я думал у тебя настоящая шашка, а это, значит, так просто — для фасона? Вот уж не думал, что ты такой артист!

— Ну довольно, Джибо, перестань, — прервал его директор, — поймал он тебя на вранье — и кончено.

Директор обратился к Вепхиа.

— Значит, домой хочешь?

— Да.

Арчил и директор переглянулись.

— Что ж ты, паренек, испугался? — обратился директор к Вепхиа. — А я думал — ты бесстрашный.

— Не испугался... чего мне бояться?

— Почему же ты решил возвратиться?

Вепхиа молчал.

— Прodelал такой длинный путь, — говорил директор, — один, самостоятельно добрался до нас. Я уже думал: вот прилетела первая ласточка, и решил обратить на тебя серьезное внимание. Но... как хочешь. Завтра наша машина пойдет в Душети. Посадим тебя и отправим. Ну, а сейчас пойдешь с Санеблидзе в барак. Надо же тебе где-нибудь переночевать. Машина, кстати говоря, отойдет оттуда. Вот так.

Директор углубился в свои бумаги. Все, кроме Арчила, вышли из комнаты. Вепхиа тоже вышел и, неловко прислонившись к стене, стал дожидаться Арчила.

Никто не обращал на него внимания: машинистка стучала на машинке, бухгалтер щелкал на счетах, начальники планового отдела и отдела кадров сидели к нему спиной. Но вот начальник отдела кадров Напетваридзе повернулся к Вепхиа и сказал:

— Быстро ты затосковал по своей Хевсуретии. Что ты там оставил, что так рвешься туда?

— Как это — что оставил? — неожиданно оторвался от бумаг бухгалтер. — Он многое оставил: хевсурское масло — раз, — бухгалтер сбросил на счетах костяшку, — сыр со слезою — два, — он сбросил другую, — баранье мясо — три, — он щелкнул третьей, — а тамошнее пиво — ах, какое пиво умеют готовить хевсуры! — в восторге бухгалтер сбросил сразу пять костяшек. — А здесь что хорошего? Умница он!

— Нам требуется только такой помощник, как ты, — с укоризной обратился к бухгалтеру Напетваридзе. — Тогда сразу наберешь кадры. Масло там, дорогой, тоже не само получается, добывается трудом.

— Интересно, если он поработает здесь, много ты ему масла положишь в рот?

— Смотри на него! Ты, что же, товарищ, забыл что теперь война?

Вепхиа хмуро слушал беззлобную перепалку сотрудников. Он чувствовал в коленях дрожь от усталости, и его мучил голод. Правда, в мешке он мог найти кое-какую снедь, но достать хлеб и жевать при всех было неловко. Никто ему ничего не говорил: идти или дожидаться, сесть или продолжать вот так стоять. Арчил и не думает выходить из кабинета. Может быть, он уже вышел через другие двери и совсем позабыл о нем? Вепхиа осторожно приоткрыл дверь и заглянул в комнату. Нет, директор и Арчил еще сидели там и о чем-то беседовали. Вепхиа стал терпеливо ждать.

Завтра он вернется в свои горы. Арчил говорил, что там уже снег, но ничего—если он выйдет из Барисахо рано утром, к полудню будет дома. Главное—попасть в Барисахо, а там, в крайнем случае, он переждет день—другой, наденет лыжи и на лыжах поднимется в свою деревню. Вот удивится Апарека! Они тут же положат рессорный лист в горн, раздуют огонь, и через час шашка будет готова! Вепхиа примерит ее к ножнам и приступит к закалке. Закалять будут в синий цвет. Здесь, наверное, и не знают об этом секрете: как только сталь раскалится, нужно по ней провести напильником—сталь сначала пожелтеет, потом желтый цвет превратится в оранжевый, затем станет синим, точнее, фиолетовым. Каждый цвет имеет свое особое значение, и по тому, в какой цвет закаляют сталь, можно судить о ее качестве. Самое трудное—это закалка. Если закалить в нужный цвет, и притом своевременно, получится такая шашка, которая оставит позади и «горду», и «франгулу». Эх, когда же пройдет этот нескончаемый день и наступит завтрашнее утро?..

Он ждал долго. Наконец, в коридор вышел Арчил, а за ним—директор.

Директор даже не посмотрел на Вепхиа и обратился к сослуживцам: — Что, главного инженера все еще нет? Да, ведь они, вероятно, прямо отправились в общежитие и, должно быть, давно уже нас ждут. Давайте поедем.

Арчил глазами сделал знак Вепхиа следовать за ним.

* * *

Гул в бараке постепенно стихал и, наконец, установилась такая тишина, что стал слышен уличный шум. За окном гудели автомашины, со звоном прошел трамвай, откуда-то издали донесся свисток локомотива.

В переднем ряду, на трех скамейках, которые приволок Джибо, сидели девушки; они, как галчата, жались друг к дружке и с любопытством смотрели на сидевших у стола руководителей. Позади девушек тесно сгрудились юноши, а дальше, в глубине помещения, многие стояли или даже взобрались на нары, чтобы получше разглядеть начальство.

Собрание открыл Арчил:

— Ребята, сегодня у нас в гостях все руководство нашего будущего завода: директор — товарищ Гогешашвили, главный инженер — товарищ Коркашвили, секретарь партийной организации товарищ Китешашвили и начальники цехов — товарищи Джапаридзе, Гогава, Шарашидзе.

— Познакомьте с каждым отдельно! — крикнул какой-то смельчак из задних рядов.

Послышался сдержанный смех, и снова стало тихо.

— Не торопитесь, успеете познакомиться со всеми. — Арчил наклонился к директору, что-то шепнул ему и объявил: — Слово предоставляется директору завода товарищу Гогешашвили.

Директор встал, чуть заметно улыбаясь. Он видел перед собой молодые, свежие лица, глаза, блестевшие юношеской непосредственностью, слышал приглушенный говор: «Я же говорил вам, это он», «А я думал — тот, с поседевшей бородкой», «Замолчите, довольно!», «Тсс... тише!»

— Товарищи, такого необычного положения, как у меня, наверное, не было еще ни у кого на свете. Я являюсь директором несуществующего завода — пока еще не сделано ни одного удара заступом даже для закладки фундамента. Но, несмотря на это, я счастлив, что наше правительство поручило мне руководить первым в Грузии заводом, который будет изготавливать сталь. Этот завод мы построим в самый кратчайший срок. Счастлив я и оттого, что вижу вас — вестников весны грузинской металлургической промышленности.

Неожиданно все громко захлопали, и прошло порядочно времени, пока молодежь успокоилась.

— Вы, должно быть, и не догадываетесь, — продолжал директор, — какое замечательное будущее выпало на вашу долю. Чтобы вам стало все яснее, я расскажу кое-что из нашего исторического прошлого.

Человек обнаружил металл в глубокой древности. Древнейшую историю наука делит на несколько эпох: период, когда человек делал орудия из камня, называется каменным веком, потом люди научились добывать и плавить металл и изготавливать из него орудия труда. Первым металлом, из которого удалось выковать необходимые орудия труда, была медь. То был бронзовый век, ибо на его последнем этапе люди сумели получить бронзу — сплав меди и олова. Бронза оказалась гораздо крепче и прочнее чистой меди. Ну, а дальше человек научился плавить и обрабатывать железо, поэтому и период тот назван железным веком. Люди к тому времени уже стояли на довольно высокой ступени культурного развития и смогли изготовить из железа металл такого высокого качества, как сталь.

Вы, вероятно, и не знаете, какой значительный вклад в дело открытия и обработки металла внесли в древности предки грузин. Такой металл, как, например, латунь, был известен древнейшим грузинским племенам — месхам. Но еще большего внимания заслуживает то обстоятельство, что известная всем сталь тоже ведет свое начало от наших предков — грузинского племени халибов. Как отмечает известный историк Иванэ Джавахишвили, автор «Истории грузинского народа», греческое наименование стали «халвибдис», «халвибдикос», объясняется тем, что греки, оказывается, узнали об этом металле от халибов, откуда и происходит греческое слово «халвибдис».

Халибское оружие, как далее пишет наш историк, славилось на всем Ближнем Востоке и даже в Европе. Вам еще следует знать и о том, что и огонь в той печи, где впервые был получен новый драгоценный металл — сталь, развели тоже предки грузин.

Но исторические бури вырвали из рук Грузии это великое дело. Не одно столетие — десятки веков прошли с тех пор, как предано забвению блестящее мастерство халибов. Может быть, и я забыл бы этот исторический факт и не вспомнил бы наших предков — халибов, но случайно вчера к нам в Тбилиси приехал... — директор осмотрелся и громко позвал: — Халибаури, где ты?

— Я здесь, — раздался из задних рядов голос Вепхиа.

— Подойди поближе, куда это ты спрятался?

Хевсур подошел к столу.

— Фамилия этого юноши Халибаури. Возможно, его фамилия ни-

чего общего не имеет с древними халибами, может быть, она происходит от названия какой-нибудь деревни...

— Это у нас близ Чиатура есть деревня Халипаури, — ^{выкрикнул}чей-то голос.

— Вот видите. Может быть, вместе с другими и его прадед бежал в старину из той деревни и обосновался в Хевсуретии, но дело не в этом. Дело в том, что случайное совпадение невольно поразило меня, а юноша-хевсур был первым, который пришел к нам и сказал: «Научите меня делать сталь». Фамилия его напомнила мне наше великое прошлое, а само появление юноши сильно подействовало на меня, тем более, что он одет в старинную и своеобразную одежду и, главное, — его украшает шашка.

Должен вам признаться, молодые люди, когда я увидел этого юношу, то разволновался необычайно.

Сегодня, ребята, наша Советская Армия ведет упорную борьбу за окончательное уничтожение фашизма. Наши войска еще сражаются на передовой линии фронта, а партия и правительство уже поставили перед нами большую и почетную задачу: создать здесь, в Грузии, огромный металлургический завод.

Теперь, ребята, черед за вами! Я, безусловно, убежден, что каждый из вас станет хорошим специалистом, и наш будущий завод получит известность по всему Советскому Союзу. Три года вы будете учиться в России. Ну, а про Россию вам расскажет главный инженер завода товарищ Коркашвили.

Гогебашвили сел. Молодые люди слушали его, затаив дыхание. Сейчас все смотрели на Коркашвили, и тишина стала еще напряженнее.

— Что же мне сказать вам, молодые друзья, — начал тот медленно, — Россию вы увидите сами, своими глазами. Это — огромная, необозримая страна... Я прожил в ней свыше тридцати лет... — при этих словах у молодежи вырвался глубокий вздох. — Да, много лет. Вам, конечно, трудно представить себе такой срок. Ведь многим из вас нет еще полных шестнадцати, а мне было двадцать лет, когда я уехал в Россию. С тех пор я все время жил там. «Почему?» — спросите вы. Да потому, что я стал специалистом-металлургом, а металлургических заводов в Грузии не существовало и, возможно, мне пришлось бы остаться там навсегда, если бы правительство не решило построить завод в Рустави. Вы, быть может, волнуетесь и боитесь, что, привычные к теплему климату, не выдержите в России холодов и морозов? Это все ерунда! За тридцать лет я стал только здоровее. И, как знать, может быть, вам там так понравится, что вы оттуда и вернуться не захотите!

В рядах весело засмеялись.

Коркашвили выждал, когда шум утих, и снова заговорил:

— Процесс получения стали в современных условиях — вещь очень и очень сложная. Вы не думайте, что делается это так: лежит на земле руда, ее подхватили лопатой, засыпали в печь, разожгли огонь — и все! Когда вы собственными глазами увидите металлургический завод, тогда убедитесь сами, какое грандиозное дело — производство стали. Чтобы такой завод начал действовать, нужны тысячи разных специалистов; каждый рабочий должен иметь высокую квалификацию и обладать большими знаниями. Постарайтесь крепко запомнить: в металлургии не существует легкой работы. В производстве стали, начиная с момента, когда плавят железную руду и кончая прокатно-вальцовочными цехами, откуда выходит готовая продукция, не существует рабочего места, которое не требовало бы не только внимания и затраты сил, но и высокого мастерства. Вот поэтому я и надеюсь, что вы все как

следует изучите свою специальность и станете отличными мастерами. К тому времени вам исполнится по девятнадцать—двадцать лет, вы сможете жениться... Мне кажется, в невестах у вас недостатка не будет, не правда ли?

Последние слова главного инженера потонули в дружном хохоте присутствующих. Коркашвили уже сел, а ребята все еще продолжали громко хлопать. Было ясно — руководители им понравились, и молодежь с юным задором была в ладоши и звонко смеялась.

Немного погодя с места встал Арчил и постучал по столу. Шум затих.

— Ну, а теперь выслушайте меня, товарищи, — начал Арчил. — В течение трех лет в России с вами буду я, то есть буду вашим руководителем. Поэтому давайте договоримся с самого начала. Я человек простой и, разумеется, отношусь ко всем вам одинаково, но это отнюдь не означает, что вы сможете вольничать. Ничего подобного позволено не будет. Коллектив у нас хороший, больше половины — комсомольцы. Завтра к нам придут товарищи из ЦК комсомола, и мы создадим комсомольскую организацию.

Скоро в разные города Советского Союза выедут еще десять таких же групп, как наша, и нам надо постараться быть первыми и не только потому, что мы едем учиться раньше всех. Всегда быть впереди—таков наш девиз. А этого можно добиться только своим сознательным отношением к учебе, своим поведением и своим трудом. Ну, все. Думаю, мы договорились, ребята!

Ребята дружно зааплодировали, а когда Арчил познакомил их с распорядком следующих дней, они почувствовали, что все заранее предусмотрено, продумано, и они уже находятся в определенных рамках режима. Арчил объяснил, как пройти медицинский осмотр, получить новую одежду и продукты на дорогу. Но, пожалуй, приятнее всего было узнать, что каждый вечер молодые рабочие будут видеть кинофильмы и в первый же день им покажут «Георгия Саакадзе».

Когда собрание окончилось и все повскакали с мест, к Арчилу приблизился Вепхиа и, смущенно глядя в сторону, пробормотал:

— Арчил, мне нужно сказать тебе что-то.

— Говори, Вепхиа, в чем дело? Я обещал отправить тебя домой. Завтра же посажу в машину и...

— Нет, я не хочу возвращаться. Разреши, я останусь.

— Правда? — улыбнулся Арчил, хлопнув Вепхиа по плечу. — Хорошо, оставайся и поезжай с нами. Ты видишь, девушки едут, а ты—мужчина. Только помни: отступать я тебе уже не позволю! Согласен?

— Пусть будет так, — ответил Вепхиа.

(Продолжение следует)

Георгий Крейтман

У МОРЯ

(Из неопубликованного)

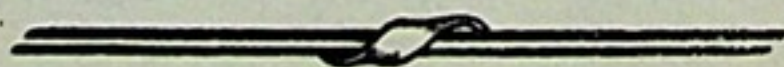
Настала осень. Солнце светит реже.
И луч его нежарок, невысок.
А мы на золотистом побережье
Как дети, зарываемся в песок.
Перебираем розовую гальку,
Глядим на пламенеющий закат —
И лета уходящего не жалко,
Не страшен волн вскипающий накат.
И мы с тобой взбираемся на камень —
Рука в руке, прижавшись к другу друг,
Глядим, как море в берег бьет волнами,
Как тучи собираются вокруг.
И вдруг невыразимой тайны полный
Под темно-фиолетовым шатром
Взлетает свет еще безмолвных молний
И лишь потом прокатывает гром.
И час спустя в ночи чернильно-черной
Смешались берег, волны, облака,
Все вертится, все завывает в шторме...
Одна любовь по-прежнему крепка —
В моей руке лежит твоя рука.

★ ★ ★

Нас медленно окружают волны,
Журча, приблизятся они.
Тяжелый ковш, до края полный,
Нам поднесут иные дни.

И на пустынном этом пляже,
Раскинув руки на песок,
Мы все расскажем, все расскажем
Волне, свернувшейся у ног.

И будет до утра над нами,
В большой воде отражена,
Держать высокая луна
Свое серебряное знамя.

Ярослав Гашек

Кража людей

Из рассказа престарелого холостяка за день до свадьбы

Перевод с чешского Н. Роговой

Никто не может сказать, что я когда-нибудь поступал беспринципно, нечестно или даже подло. Кто знает мой характер, а я надеюсь, что таких людей больше, чем я думаю, тому, конечно, известно, что я человек цельный, безупречный, чистый, как искусственный мед, словом, — сама добродетель. Убежден, что живи я в средние века, эпоху грубого насилия, суеверий и всякой чепухи, из меня сделали бы святого. Ведь если уж Карл Великий, топивший саксов, как котят, стал святым, так почему бы не быть святым мне, человеку порядочному, который никому ничего не должен, носит одежду и обувь, за которую заплачено, не курит, не играет в карты, не совращает женщин, всегда аккуратно дает на чай швейцару, когда тот открывает дверь, никогда ни с кем не ругается, не говоря уж о том, чтобы кого-то убить, оскорбить, обокрасть, поджечь или ограбить...

Эта самозащита необходима, хоть обычно и говорят: «Гречневая каша сама себя хвалит». Необходима она потому, что чуть не вся улица твердит, будто я украл человека, да еще женщину, а именно Фанни Коштяле-

кову, дочь моей домохозяйки, то есть совершил преступление против статьи закона, которая в каком-нибудь плохом переводе уголовного кодекса могла бы называться «Кража людей».

Укратить человека! Если б мне кто-нибудь сказал, что я украл Фанни, я рассмеялся бы ему в лицо: Фанни весит семьдесят пять кило. Выходит, что я украл семьдесят пять кило, именуемых Фанни Коштялековой. Она белая, если говорить о цвете кожи; что же касается волос, так у нее рыжие или, вернее, золотистые, а еще вернее — белокурые волосы и струятся, как расплавленное золото, как лучи заходящего солнца, сияющего, ослепительного...

Уличные остряки говорят, что об ее волосы можно зажечь сигару... Если бы Фанни Коштялекова жила в Турнии, где любят толстых, она могла бы сделать хорошую партию: ее полнота бросалась бы в глаза каждому паше.

И вот будто бы я эту красавицу украл.

То есть, говоря цинично, украл семьдесят пять рыжих, тридцатилетних, толстых килограммов.

Произошло это следующим образом.

У Коштялековых мне было очень хорошо, так как госпожа Коштялева по-матерински заботилась обо мне. Она следила за тем, чтобы пуговицы пиджака и брюк моих были бы в образцовом порядке; изнасятся кальсоны, она зашьет, залатает, пришьет вешалку к пиджаку; воротнички мои сверкали чистотой, белье, опрысканное нежными духами с запахом сирени, было белое, как снег. Завтраки я получал прекрасные, обеды чудесные, ужины великолепные, закуски — просто объедение. Прибавьте к этому каждый день непринужденные, интересные развлечения.

Господин Коштялек, пенсионер, был обаятельный человек, общительный, Фанни всегда элегантна и грациозна, несмотря на полноту. Она никогда не играла на пианино печальных пьес, а всегда только веселые и не более трех подряд.

Представьте себе уютную комнату в порядочной семье.

В углу камин, распространяющий приятное тепло. Горит всякая лампа и абажур, обернутый полосой красной бумаги (работа господина Коштялека). придает стенам и мебели красноватый оттенок. Под лампой круглый стол, а под столом большой ковер, на котором выткан тигр величиной с кошку: он душит бедуина, который по крайней мере в двадцать раз больше его самого. Вокруг стола на плетеных стульях сидим мы, играем в карты на лесные орешки и смеемся, когда «кто-нибудь обернется», потому что мы играем в стукалку. Мы так увлечены игрой, что не замечаем низкого боя больших настенных часов.

Десять орешков — крейцер.

Такое веселье не забудется до самой смерти.

А весной мы болтали в саду при доме. Мы проводили вместе все вечера, среди других и я, несчастнейший человек, самый несчастный из всех,

когда-либо бывавших в этой квартире.

Мне даже в голову не приходило посещать рестораны, как прежде. Я был так доволен, так уважал этих людей, окружавших меня отцовской, материнской и сестринской любовью за тридцать злотых в месяц.

К мадемуазель Фанни я относился так, как старший брат к младшей сестре.

Когда бы я ни вернулся домой, я постоянно находил такой же уют, Фанни была неизменно нежна, и я всегда пожимал ей по-братски руку.

А когда я шел спать, госпожа Коштялева никогда не забывала проверить еще раз, удобна ли моя постель и приготовлена ли вода на ночном столике.

— Спокойной ночи, госпожа Коштялева!

— Спите с богом!

И эти добрые души заподозрили меня в том, что я украл у них Фанни...

Это случилось в начале лета, в пору экскурсий, в дни, когда пражане толпами отправляются в загородные поездки на полдня — на день и возвращаются с охапками лесных и полевых цветов, а то и древесных ветвей, чувствуя себя бесконечно счастливыми.

В то время, когда молодежь особенно любит совершать прогулки, он выпьет три рюмки, она одну (а вместе четыре) в каком-нибудь деревенском уголке на опушке опустошенного леса, где странно увидеть на косогоре одуванчик, в этих местах молодежь особенно любит бродить: он говорит, она смеется; потом она говорит, он смеется; потом оба говорят и оба смеются; наконец, обнимаются и целуются, объясняются в любви — и идут думой.

Наслаждаться природой? Невозможно, друзья мои! Всюду в окрестностях Праги вы натываетесь на такие вот существа, которые ничего вокруг не видят и оскорбляют вашу деликатность.

Эти взгляды, высказанные мною в

присутствии почтенного семейства Коштылековых, произвели должное впечатление.

— Нынче, — продолжал я, — если хочешь спокойно полюбоваться природой, этим воплощением поэзии, нужно потратить немного времени, совершив прогулку на берег Сазавы. Это край, не загрязненный обыденностью; леса там напоены ароматом смол; не пахнет ни мускусом, ни дамскими духами, с восторгом любишь скалами над рекой и чудными дикими долинами. Всюду деревушки, живописно разбросанные в тени свежих, чистых, пышных лесов. Все это письмена, складывающиеся в дивную поэму нетронутой, величавой, настоящей природы, прекрасную и свежую, как песня, которая звучит, когда в лесах поют птицы, шумят деревья, журчат ручьи, а Сазавы бешут и пенятся, взметая высоко над каменными глыбами свои голубые воды...

Такая картина кого хочешь растрогает, тем более семью Коштылековых. Господин Коштылек покурил трубку, вздыхал:

— Как жаль, что мне уже не служат ноги. Как бы хотелось заглянуть... Да куда там, старею...

— Я хотела бы там умереть, — вздохнула Фанни.

— Умирать незачем, а надо бы устроить туда прогулку, — предупредительно возразил я.

Мое предложение было встречено с недоумением. Мне сказали, что раз не могут участвовать все, то не может же Фанни уехать на весь день вдвоем со мной. Не то, чтобы мне не доверяли — сохрани бог, — они знают меня, как порядочного человека. Но пойдут разговоры, сплетни, всякие толки. А торговка, у которой такой длинный язык? Словом, невозможно.

И вот наступил этот несчастный день. Господин Коштылек с госпожой Коштылековой уехали на целый день поездом в Саталицы, к старому другу господина Коштылека, господину Моудрому. Это был визит веж-

ливости. Дочь господина Моудрого была на пять лет моложе Фанни и уже замужем, так что Фанни никогда не ездила туда со своими родителями, чтобы не расстраиваться...

— Вернемся вечером в одиннадцать, — сказал господин Коштылек.

Как только у нас появилась уверенность, что они уже на вокзале, мы быстро составили план.

— Поедем на Сазаву, — сказал я.

Мне не пришлось долго уговаривать Фанни. Вечером мы вернемся, насладившись красотой природы, упоенные красотой и радостью, наполняющей душу каждого, кто видит ручьи и деревушки. Мы поехали...

Станция Сазавы! Монастырь славянских монахов, развалины, а вон там наверху, в лесу, видите, деревенька, с обязательной лужей посреди площади, а в луже полощутся гуси; деревушка, где есть колокольня, пастухи, опаленные солнцем грубовато-добродушные крестьяне; деревушка, где в пяти минутах ходьбы от последней очаровательно ветхой избышки начинаются леса, вперемежку с картофельными полями, лугами — все в прелестном беспорядке.

Все это я обещал мадемуазель Фанни; обо всем этом я говорил с энтузиазмом человека, который пишет плохие стихи. Я обещал ей трактирчик, где не будет ничего приготовлено заранее; кур, бойко расхаживающих по двору, которых поймают тут же, у нас на глазах, а потом подадут нам на жаркое после грибного супа с картошкой...

Я обещал, что она увидит веселую жизнь крестьян, деревенских мальчишек, которые будут смотреть на нас, разинув рот с восхищением, пухленькие грязные личики детей, вдруг начинающих плакать, когда им даешь крейцер. Говорил о снопах, о соломенных крышах, об окнах, заклеенных бумагой, обо всем, что может восхитить человека, который живет всю жизнь в пятиэтажных домах, шагает по мощеной улице,

старается не попасть под трамвай, а под вечер при свете электрических фонарей осматривает витрины.

Я разводил Фанни туры на колесах, и мы заблудились... Это было ужасно.

Холм за холмом — ни души вокруг, не слышно стада. Ничего! Вверху и внизу все леса да леса — без конца и края. Страшное дело!

Фанни уже не плакала, а только дрожала, как в лихорадке...

Я успокаивал ее, говорил, что к вечеру мы непременно дойдем до какой-нибудь деревни, где ничего не приготовлено для путешественников и есть все, о чем я ей рассказывал. Заход солнца застал нас в Напшах, жалкой, но все же деревне, где была жалкая, но все же гостиница. Вместо цыплят нам подали одни сырки, которые мы ели, замирая от страха при мысли о том, что будет с нами дальше: бог знает, как все это получилось и куда мы попали. Нам объяснили, что до ближайшей станции пять часов ходу, но кто не знает дороги, тому не дойти, да ежели и дойдешь, так все равно нет ни одного поезда до самого утра.

— Насчет ночлега не беспокойтесь, — сказала хозяйка гостиницы,

— У нас в комнате хорошая, чистая постель...

Вы представляете? Постель!

И я поступил, как порядочный человек. Как самый порядочный человек в мире!

Постель одна. Значит, она для Фанни. Фанни будет спать в постели, а я пойду пешком в Прагу. Прошагаю всю ночь, а утром явлюсь к Коштялековым, объясню им, в чем дело, и одновременно докажу свое алиби. Вы меня, наверное, поймете...

— Они меня здесь убьют, — зарыдала Фанни, когда я сообщил ей о своем бесповоротном решении.

Я сам не знал, как быть, попросив хозяйку приютить Фанни. Фанни не хотела меня отпускать. Я прямо вырвался от нее. Так поступают порядочные люди! Провести ночь под

одной крышей, в чужом месте? Никогда!

Расспросив о дороге, я отправился в Прагу, руководствуясь инстинктом, который помогает путникам находить нужное направление даже в потемках. Дорога была ужасная; я несколько раз споткнулся, потерял часы. Но когда после этого страшного перехода вышел, выпучив глаза и с пеной у рта, в Ричань, сразу стало легче на душе. Дальше я уже знал дорогу.

В Страшницах меня взял страх при мысли о том, что будет, когда я появлюсь у Коштялека весь в грязи, дикий, оторопелый, без Фанни...

С бьющимся сердцем, стуча зубами, вошел я к Коштялекам. За столом сидели все родственники, встревоженные, заплаканные. Вид моих вытаращенных глаз на мгновение совсем ошеломил их. Но тут же ко мне подскочил мертвенно-бледный господин Коштялек с криками:

— Вы украли нашу Фанни!

Я онемел от страха. На меня закричали со всех сторон.

— Вы украли Фанни! — вопили тетки, дяди, мать, отец.

— Фанни в Напшах, — заикаясь, пролепетал я.

— Вы украли ее! — раздавалось вокруг.

Потом пришел полицейский, за ним еще один, и меня повели в комиссариат. Всю дорогу господин Коштялек вопил мне в самые уши:

— Вы украли ее, бедненькую!

* * *

— Вы знаете, чего от вас требует этот господин? — спросил меня комиссар.

— Нет, не знаю.

— Если вы украли Фанни, то должны на ней жениться. Потому что, согласитесь, молодой человек ночевал с девушкой под одной крышей... Понятно?

Страшная опасность вернула мне дар речи:

— Господин комиссар, — сказал я. — Дайте мне карту пражских ок-

рестностей. Вот Напши, вот Прага... А теперь докажу свое алиби: в девять часов вечера я вышел из Напш. В восемь утра был в Праге... Остальное я уже рассказал...

Меня не так-то легко провести. Уже не раз грозила мне опасность либо оказаться женатым, либо жениться по собственному желанию. Однако мне всегда удавалось расстроить чужие козни и самому одуматься, взвесив последствия подобного шага. Но теперь!

Во время допроса один из родственников Коштялеков, стоя за моей спиной, все время причитал:

— Бедная Фанни! Бог знает, куда он ее упрятал и что с ней сделал!

— Хорошо, если она в Напшах! — кричал отец, не считаясь со священным характером места. — Но это надо еще доказать! Прошу вас, арестуйте его, господин комиссар.

Правда, получилось очень загадочно: пришел чуть свет, в грязи с головы до ног, сам не свой, без Фанни, никуда не выходящей без разрешения родителей.

— Вы украли ее, — кидались на меня ее родственники.

А господин Коштялек, весь во власти одной мысли, монотонно твердил:

— Он украл Фанни, он украл Фанни!

— Хорошо, господа, — сказал я. — Склоняюсь перед неизбежным. Ни один волос не упал с головы Фанни. Какою вы отпустили ее, уважаемые родители, такой и найдете в Напшах, может быть немного заплаканной, но такой же. Арестуйте меня! — вскричал я голосом муче-

ника. — Если есть правда на свеге, пускай Фанни, добрая Фанни, сама скажет, украл ли я ее, как вы говорите. Если скажет, что украл, честное слово — женюсь!

* * *

В тот же день вечером, за мной пришел старший полицейский. Он повел меня к комиссару. Там я, к своему удивлению, застал в сборе всю семью господина Коштялека, не исключая Фанни.

— Дело разъяснилось, — сообщил комиссар. — Во всем виноват этот господин. Можете все идти...

Мы вышли на улицу, и я, скрипнув зубами, крикнул:

— Никогда не прощу оскорбления, которое вы мне нанесли. Я буду жаловаться, господин Коштялек!

Господин Коштялек, с добродушной улыбкой, ответил:

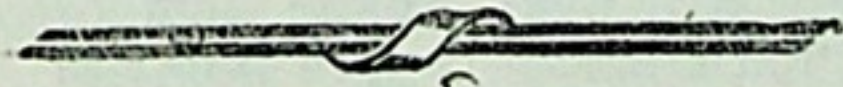
— Ну, на тестя-то не станете жаловаться. Ведь вы дали слово, что...

— Как?

Вдруг Фанни, быстро повиснув у меня на руке, с победоносным видом заявила:

— Вы меня украли, противный. Отплачу вам после свадьбы...

Итак, друзья, сегодня — последний день моей золотой свободы. Завтра вас покинет один престарелый холостяк: завтра я женюсь на Фанни; завтра, собравшись в этом трактире и не видя больше моей лысой головы, вы вспомните, что преступление, называемое кражей людей, действительно существует: правда я не крал Фанни, но зато они украли меня... Досадно до слез!

В. Асатиани,
член-корреспондент Академии наук
Грузинской ССР.

БОЛЬШАЯ ХИМИЯ НАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ

«Большая химия» — одна из решающих отраслей промышленности. Химизация народного хозяйства, всестороннее применение химических продуктов и методов химической переработки в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства — одно из важнейших направлений технического прогресса. И призыв партии — «Ускоренное развитие химической промышленности должно стать всенародным делом» — имеет огромное значение в решении конкретных задач коммунистического строительства, особенно в нашей республике, где эта отрасль промышленности до сих пор заметно отставала.

У современной химической науки огромные возможности для дальнейшего мощного подъема производительных сил. И здесь, в первую очередь, речь идет о полимерах — высокомолекулярных органических соединениях, то есть соединениях с гигантскими молекулами.

Свойства их исключительно своеобразны. Это относится как к искусственным, так и к природным высокомолекулярным соединениям. Но использование синтетических высокомолекулярных соединений дает возможность получить новые материалы, обладающие такими технически ценными свойствами, которых нет у природных соединений. Без широкого использования синтетических по-

лимеров невозможно развитие многих отраслей народного хозяйства. Развитие химической промышленности в нашей республике во многом зависит от производства полимеров.

Что же представляют собой эти соединения? Чем объяснить необычайность свойств молекул-гигантов? Истоки этих свойств лежат в самих способах образования высокомолекулярных органических соединений.

Органические соединения могут взаимодействовать друг с другом, вступая в химические реакции, которые и составляют основу процессов полимеризации, ведущих к образованию молекул-гигантов (высокомолекулярных соединений, высокополимеров).

Разберемся в этих терминах. Полимеризация — это такой химический процесс, в результате которого несколько одинаковых, простых молекул (мономеров), соединяясь друг с другом без существенного изменения своего строения, образуют химические вещества (полимеры), обладающие новыми, своеобразными свойствами. Когда в молекулу полимера входит особенно большое количество (сотни и тысячи) одинаковых звеньев — его называют высокополимером. Если же цепь содержит большое количество различных звеньев, то веществу дают название высокомолекулярного соединения.

Обычный путь получения высокополимера — это химическое сложение множества сравнительно простых и совершенно одинаковых молекул одного и того же органического соединения — мономера. Задача, казалось бы, очень проста: набрать большое количество одинаковых кирпичиков-мономеров и соединить их друг с другом. Но химики встретились здесь с большими затруднениями. Главное препятствие заключается в том, что молекулы органических соединений очень «ленивы» или, как говорят ученые, химически инертны. И чтобы заставить эти молекулы вступить в химическую реакцию друг с другом, химики как бы подхлестывают их различными способами: нагреванием, высоким давлением и т. п. Оказалось также, что побудить молекулы органических соединений к химическим реакциям, активизировать их, можно и другим способом, а именно, предварительно разбив молекулу. Обломки молекул, так называемые свободные радикалы, химически очень активны, причем обладают способностью делать активными и те простые органические вещества — мономеры, с которыми они соединяются. Чтобы вызвать образование свободных радикалов, прибегают к действию света, нагревания, а также особых химических веществ. Эти вещества называются инициаторами и катализаторами. Инициаторы (возбудители) — неустойчивые соединения; распадаясь, они выделяют свободные радикалы.

Таким образом, химики могут выбрать мономер, способный к полимеризации (усложнению, уплотнению) и связать его химически со свободным радикалом. Получается первое, химически активное звено цепи. Если к такому звену подбавить еще одну молекулу неактивного, инертного мономера, то свободный радикал, как химический крючок, зацепляет ее и передает ей свои свойства. Таким образом начинается цепная химическая реакция. Необходимо только обеспечить бесперебойную, конвейерную подачу молекул мономера. Свойства активного свободного радикала передаются по цепи, на которую можно таким образом нанизать любое количество (тысячи) звеньев мономера. Инициаторы обычно входят в состав

образующегося полимера; в отличие от них катализаторы только участвуют в промежуточных стадиях процесса полимеризации, но в состав конечного полимера не входят.

Теория цепных химических процессов имеет огромное значение не только как научная основа важнейших отраслей химической промышленности. Ее значение значительно шире: на ее основе химия сливается с наукой о жизни — биологией и с медициной.

Описанный нами главный метод создания гигантских молекул (макромолекул) пригоден в тех случаях, когда хотят получить частицу однообразного, монотонного строения. В структуре такой частицы нет разнообразия, она сложена из совершенно одинаковых молекул. Но ученые открыли способ, позволяющий разнообразить строение, а следовательно, и свойства макромолекул, способ, напоминающий прививку, широко практикуемую нашими плодоводами.

Вспомним, что химически активный свободный радикал — это обломок молекулы, полученный путем отделения от нее атомов водорода. Но если из готовой макромолекулы вырвать атомы водорода, в ней появляются химически активные точки, благодаря высвобождению в этих местах свободных радикалов. Сюда можно «привить» другие молекулы, начать отсюда новую цепную реакцию полимеризации. В результате получится разветвленная макромолекула, в которой свойства основной частицы сочетаются со свойствами «привитых» мономеров.

Таким образом, получают так называемые графт-полимеры («графт» — привитый).

Макромолекулу с разнообразными, заранее заданными свойствами, химики научились получать и другими способами. Представим себе здание, построенное не из кирпичиков, а из более крупных частей — блоков. Если разорвать связи в гигантской молекуле, она распадется на отдельные обломки — блоки, в которых образуются свободные радикалы, обладающие способностью связываться друг с другом. Имея смесь двух различных полимеров, а затем разбив их на отдельные блоки, можно соединить друг с другом макромолекулы с

совершенно различными свойствами. Такая молекула будет состоять из блоков различных полимеров и, следовательно, обладать совершенно новыми свойствами. Теперь понятно, каким образом химикам удастся так разнообразить эти свойства и получать материалы, то совершенно не растворимые, то легко растворяющиеся, то не уступающие по твердости алмазу, то исключительно мягкие, легко принимающие любую форму.

Но где главные источники сырья для производства высокополимерных соединений?

Это нефть, каменный уголь, газообразные продукты их переработки и природные газы.

Любая нефть представляет сложную смесь различных простых и сложных органических соединений. Как известно, органические соединения тем и отличаются от неорганических, что содержат в своем составе элемент углерод (вокруг которого группируются атомы водорода, кислорода, азота и др.).

Так как нефть состоит целиком из органических соединений, то она легко воспламеняется и сгорает почти без остатка, чем отличается от каменного угля и других горючих ископаемых, в составе которых содержится немалое количество негорючих минеральных веществ. Поэтому нефть и некоторые продукты ее переработки представляют ценнейшее топливо, хотя это свойство ее в настоящее время и не вызывает восторга у химиков.

«...дрова, — пусть не будет у вас, молодые лесники, слова подлей и бессмысленней этого! За годы учебы вы узнаете, что, кладя полено в печь, вы сжигаете волшебные материалы, перечень которых вряд ли когда-нибудь химия исчерпает до конца... Целый век промышленность и транспорт нещадно жгли древесину в своих кочегарках; лишь в 1892 году нефть и уголь облегчили наполовину эту тягчайшую повинность леса». Читая эти строки из «Русского леса» Л. Леонова, химики не могут не вспомнить о том, что до сих пор еще во всех странах мира нефть и основные продукты ее переработки применяются, главным образом, в качестве топлива и смазочных масел.

Конечно, преобладание такого топливно - масляного направления в ис-

пользовании нефти пока вполне закономерно. Необычайно быстрый рост моторов самых различных типов и назначения, характерный для современной техники, естественно, требует использования нефти и ее продуктов в качестве моторного топлива и смазочных масел. Но химикам трудно мириться с таким назначением нефти, той самой нефти, о которой русский ученый В. В. Марковников еще в начале нашего века писал: «Можно ли было ожидать, что, берясь за вонючую нефть, очутишься с веществами, которые в драгоценных флаконах являются на туалетных столиках самых прихотливых красавиц». Да, нефть содержит «волшебные материалы» и химическое использование ее сулит заманчивые перспективы. Но только ли душистыми веществами богата нефть?

Конечно, нет; несмотря на то, что химическое использование нефти находится в настоящее время лишь на самой начальной стадии своего развития, из нее уже получают множество самых различных органических соединений, и перспективы роста нефтехимической промышленности — новой отрасли химической промышленности, использующей в качестве сырья как самую нефть, так и нефтезаводские углеводородные газы, — исключительно велики. Это последнее обстоятельство должно особенно заинтересовать нас — вспомним нефтеперерабатывающий завод в Батуми!

Но что представляют собой углеводородные газы?

Углеводороды — это органические соединения, состоящие только из атомов углерода и водорода. Эти атомы соединены в молекулах углеводородов самым различным образом: в виде прямых или разветвленных цепочек, в виде колец, состоящих из пяти или шести атомов углерода, вокруг которых группируются атомы водорода. Но дело не только в разнообразном построении молекул углеводородов, они отличаются друг от друга еще величиной молекул, количеством входящих в нее атомов. В состав нефти входят и углеводородные газы (пропан и бутан), состоящие всего из 11 — 14 атомов углерода и водорода, и более сложные молекулы, содержащие десятки и сотни таких атомов.

Все эти углеводороды чрезвычайно разнообразны по своим физическим и химическим свойствам и содержатся в нефти, различной по месторождению, в резко меняющихся соотношениях. Поэтому надо хорошо знать химический состав нефти, чтобы максимально использовать все содержащиеся в ней составные части. Это особенно важно, когда нефть используют как химическое сырье для получения ценнейших химических продуктов. Но это необходимо и в том случае, когда нефть служит только источником энергии и используется, как горючее. А это древнейший способ использования нефти.

В нефтеносных местностях еще в глубокой древности люди наблюдали удивительное явление: из глубин земли вырывался поднимающийся высоко кверху огненный факел. Иногда пламя стелилось над небольшим участком и не потухало в течение многих лет. «Вечными огнями» прозвал их человек древности, беспомощный перед таинственными силами природы. Теперь мы знаем, что «вечные огни» представляют выходы природных углеводородных газов из недр земли. Такие же точно газы входят в состав нефти; поэтому понятно, что природные газы очень часто сопровождают нефть и выделяются при ее добыче.

Весьма вероятно, что именно «вечные огни» натолкнули людей на мысль использовать нефть, как горючее, в качестве которого она использовалась на протяжении веков. Накопленный за это время опыт привел постепенно к мысли, что свойства нефти, как горючего, можно улучшить, если сжигать не сырую нефть, а продукты ее переработки. С этой целью уже в прошлом веке нефть стали перегонять, нагревая ее в специальных сосудах. От нефти отбирали только ту часть, которая выкипала при температуре от 170 до 280°, получая таким образом керосин для освещения. Остаток (мазут) сжигали в промышленных топках (паровозов, пароходов, на заводах). Наиболее легкую часть нефти, выкипавшую ниже 170°, — бензин — тогда не умели использовать, и он причинял много хлопот, так как его приходилось спускать в море или сжигать, как ненужный отход.

Только во второй половине про-

шлого века научились применять бензин, как хорошее моторное топливо, а из нефтяных остатков стали готовить смазочные масла.

Быстрое и непрерывное развитие и усовершенствование автомобильных и, особенно, авиационных моторов резко увеличило потребность в бензине и повысило требования к его качеству. В наше время нефть не только перегоняют, но и подвергают специальной обработке — крекингу (расщеплению). Процесс этот, осуществляемый в присутствии особых ускорителей (катализаторов), состоит в нагревании нефти до 450°. При этом крупные, сложные углеводороды нефти расщепляются, а их осколки подвергаются перестройке. В результате этого нефть обогащается такими углеводородами, которые содержатся в бензинах хорошего качества (авиационный бензин). Не ограничиваясь этим, нефтяная промышленность вырабатывает большое количество продуктов, широко применяемых в народном хозяйстве. Сюда, кроме моторного топлива и смазочных масел, кроме технических продуктов (асфальт, лак, парафин, мылонафт, изоляционные материалы и др.), относятся такие продукты бытового потребления, как газ, мыла, вазелины, кремы, парфюмерные масла, свечи и др.

Но и этим не исчерпываются огромные возможности использования нефти, как химического сырья.

Еще в начале нашего века выдающийся русский химик Н. Д. Зелинский писал: «...нефть, превращенная в жиры, надо надеяться, даст материал, который может оказаться пригодным для поддержания жизненной энергии человека». Эти слова оказались пророческими. Нефть уже заменила пищевые жиры, которые прежде шли на технические цели. Так, например, для производства копировальных чернил, штемпельных красок, пергаментной бумаги, для производства взрывчатого вещества нитроглицерина (из которого готовят динамит), нитроглицерина, служащего одновременно замечательным лекарственным средством, облегчающим страдания людей с больным сердцем, используется неотъемлемая составная часть любого пищевого жира — глицерин. Наряду с глицерином

жиры содержат и так называемые жирные кислоты. Нефть уже заменила пищевые жиры, из которых получали глицерин и жирные кислоты для технических целей, и недалеко то время, когда человек получит новый продукт питания — вполне пригодный для употребления в пищу синтетический жир, получаемый из нефтяного глицерина и нефтяных жирных кислот.

Газообразный углеводород этилен, хорошим источником которого являются продукты переработки нефти, используется не только для получения винного спирта, из которого готовят искусственный каучук. В последние годы широкую популярность приобрел пластический материал — полиэтилен (что означает «полимеризованный этилен»). Это очень ценный продукт, отличающийся легкостью, водонепроницаемостью, устойчивостью к высоким и низким температурам, к действию почти всех химических реактивов. Из него готовят разные сосуды технического и бытового назначения, водопроводные трубы, прекрасный упаковочный материал и даже особые ткани.

Еще более ценными свойствами обладают пластмассы из другого углеводородного газа — пропилена (полипропилен).

Нефть служит сырьем для изготовления широко применяющихся химических средств борьбы с насекомыми (ДДТ и других). Содержащиеся в нефти молекулы-одиночки, волей человека, ворвавшегося в мир молекул и командующего ими, объединяются, уплотняются; так получают и другие гигантские молекулы. Кому незнакомо название «капрон»? И это великолепное искусственное волокно получают из нефти.

Из нефти готовят замечательные душистые вещества, прекрасные красители, взрывчатые вещества, наконец, ценнейшие лекарственные препараты, спасающие людей от головной боли (пирамидон), ревматизма (салициловая кислота), ангины, воспаления легких и других заразных болезней (стрептоцид, сульфидин и т. д.) и много других продуктов, имеющих самое широкое применение. А ведь химическая переработка нефти фактически только начинается. Химия черного золота — богатейший источник пока еще неиспользованных в полную ме-

ру возможностей получения бесконечно разнообразных и ценных химических продуктов, которые наука и техника нашей страны сумеют поставить на службу человеку.

Какую роль играет каменный уголь в народном хозяйстве нашей страны?

Прежде всего, уголь — высокоценное топливо. Правда, как горючее, уголь уступает своим соперникам — нефти и природному газу; и в ряде случаев выгоднее перерабатывать уголь на жидкое топливо, то есть получать из него бензин, керосин и т. д., или на газ (газифицировать). Однако уголь доступнее нефти и запасы его так велики, что из всех источников энергии он пока занимает (и еще долго будет занимать) первое место в топливном балансе нашей страны.

Но уголь является также первоклассным химическим сырьем, из которого изготавливается громадное количество разнообразнейших веществ.

В записной книжке великого русского ученого-химика и знатока естественных богатств России Д. И. Менделеева можно прочесть: «Много идей и нет дела — худо. Но много дела без идей равно нулю. Смерть от недостатка того и другого. Наука и промышленность равны идее и делу». И, действительно, широкое использование угля и продуктов его переработки стало возможным благодаря изучению состава и свойств угля, благодаря успехам науки и, в первую очередь, химии. Наука открыла новые пути использования каменного угля, сделала его буквально неисчерпаемым сырьем.

Каковы же эти пути?

Очень важным способом химической переработки каменного угля является нагревание его до 900—1.100° без доступа воздуха, что осуществляют на специальных коксохимических заводах. Главным (количественно) продуктом здесь является кокс. Это великолепное топливо, широко применяемое металлургами и литейщиками. Но это и хороший источник получения очень важного газа — ацетилена, из которого готовят пластические массы, лаки, кино- и фотопленки, винный спирт, уксусную кислоту и много других химических продуктов.

Другим продуктом коксования уг-

ля является каменноугольная смола — богатейший источник химического сырья (бензола, толуола, фенола, нафталина, антрацена), используемого непосредственно или перерабатываемого в другие химические продукты. Возьмем, например, фенол. Это прекрасное средство, убивающее микробов. Под названием «карболовая кислота» (карболка) фенол широко применяют для дезинфекции. Но из фенола получают также ценнейшие медикаменты — салициловую кислоту (для лечения ревматизма, жаропонижающее), салол (для лечения кишечных заболеваний) и др. Продукты переработки фенола дают нам прекрасные красители, очень хорошие пластические массы. Разнообразнейшие красители, лекарственные препараты, душистые вещества получают также из бензола и толуола. А фенол и толуол служат, кроме того, и источником получения важных взрывчатых веществ (пикриновая кислота, тринитротолуол).

Третьим продуктом коксования угля является коксовый газ. Собственно говоря — это смесь многих газов: этилена, ацетилен, пропилен, бутилена, углекислого газа, окиси углерода, водорода. И хотя коксовый газ — великолепное горючее, широко применяемое в металлургии и в других отраслях промышленности, но еще выгоднее не сжигать его в топках, а использовать каждую из его составных частей для производства ценнейших продуктов, вроде синтетических волокон, пластических масс, искусственного каучука, винного спирта, различных красок, медикаментов и пр. Так вот что, оказывается, может сулить коксохимическое производство, скажем, в Рустави!

А использование природных газов!

Газообразные углеводороды являются, прежде всего, первоклассным топливом. По своей теплотворной способности они почти в три раза превосходят дрова, в два раза каменный уголь, стоят выше керосина, бензина. Эти преимущества газа настолько очевидны, что в настоящее время у нас имеются первые во всем мире промышленные станции по подземной газификации угля.

Где только не обнаружены в Советском Союзе богатейшие месторождения природного газа; упомянем лишь

об особо интересующем химическую промышленность нашей республики Карадагском месторождении. Газ уже внес коренные перемены в быт миллионов трудящихся нашей страны, применяющих его вместо дров и керосина; газовые плиты уже зажигаются в квартирах жителей Тбилиси. Газ — единственное топливо, сгорающее без остатков, благодаря чему оздоравливается воздух в городах. Газ самое дешевое, самое безопасное, с точки зрения охраны от пожаров, самое удобное для транспортировки горючее. В 1965 году в нашей стране будут добывать и производить 150 миллиардов кубометров газа. Если сжечь это количество газа, можно получить тепла больше, чем при сжигании всего угля, добываемого в Европейской части Советского Союза. Но еще большие перспективы сулит химическая переработка газов.

О газе, получающемся путем переработки угля, мы упоминали выше. Что касается природных газов, то и они представляют смесь разных газов — горючих (углеводородов) и негорючих. При этом природный газ каждого местонахождения имеет свои, отличные от других, состав и свойства.

Природные газы часто сопровождают нефть и выделяются при ее добыче; это «попутные» газы. Но есть и «чисто газовые» месторождения, не связанные с нефтеносностью. Такие месторождения особенно богаты газообразным углеводородом — метаном. Метан — простейшее органическое вещество, которое еще недавно химики считали малопригодным, бросовым продуктом. Но в настоящее время метан научились перерабатывать в самые разнообразные вещества. Из него получают основу для изготовления так называемых бакелитов — пластических масс, широко используемых для изготовления изделий современной техники и предметов обихода. Из метана получают хорошие растворители — метиловый спирт и хлороформ (применяемый также для усыпления больных при хирургических операциях), ацетилен, о значении которого говорилось выше, четыреххлористый углерод, используемый для тушения пожаров, для изготовления охлаждающих средств (фреонов) в современных холодильных установках, для синтеза новых

высокопрочных искусственных волокон. Это далеко не полный перечень использования метана в технике и быту.

Но, помимо метана, природные газы содержат и другие газообразные углеводороды — этан, пропан, бутан и другие, которые являются исключительно важным химическим сырьем. Из этана получают медикаменты, получают этилен, газ широко используемый для переработки в искусственный каучук, пластические массы и другие продукты. Для этой же цели можно использовать и пропан. Синтетический каучук и другие широко применяемые химические продукты получают и из бутана. Наука наших дней нашла такие способы переработки природных и промышленных газов, в которых метан, подвергаясь неполному сжиганию в двигателе, дает одновременно и энергию, и такую смесь, при переработке которой получают самые разнообразные химические продукты, широко используемые в промышленности.

Итак, наряду с нефтью, и каменный уголь, и природные и промышленные газы являются важными источниками энергии и химического сырья, и народное хозяйство нашей страны еще долго будет использовать все эти источники одновременно. Но газовая промышленность — самая молодая отрасль нашей промышленности и самая перспективная. Разнообразные направления химического использования природных и промышленных газов нисколько не препятствуют дальнейшему развитию широкого применения его в энергетических целях. По всей нашей стране газопроводы начинают подходить к крупнейшим металлургическим и химическим заводам (вспомним и здесь о Рустави), к десяткам и сотням городов. Недалеко и то время, когда газ пойдет по трубопроводам, ...сделанным из газа (другими словами, из пластических материалов, полученных путем химической переработки газов).

Скажем тут же, — Грузия пока не очень богата уже разведанными месторождениями главных источников сырья для химии полимеров. Но, во-первых, производство полимеров не является исчерпывающим для всей химической промышленности; во-вто-

рых, у нас имеются возможности, которые необходимо использовать, заложив этим фундамент «большой химии» в Грузии.

Каковы же, конкретно, перспективы «большой химии» в нашей республике?

Кому не известны трикотажные изделия из капрона? Капрон — это синтетическое волокно, которое будет производиться у нас в больших количествах на специальном заводе. Организация производства капрона во много раз увеличит сырьевую базу всей легкой промышленности нашей республики и явится стимулом для бурного развития многих отраслей промышленности, потребляющих это волокно.

Но из чего будет готовиться капрон? Дело в том, что это синтетическое волокно получают из так называемого поликапролактама, являющегося продуктом полимеризации пяти молекул капролактама. А капролактамам будет у нас синтезироваться на Руставском азотно-туковом заводе из азотистых веществ и фенола. Другими словами, весь путь от сырья до готового волокна капрон пройдет в нашей республике.

Мы уже говорили, каким драгоценным химическим сырьем являются промышленные и природные газы. Намечена реконструкция Батумского нефтеперерабатывающего завода, которая удвоит выход промышленных газов. Собственно говоря, о «продукции» можно будет говорить только в ближайшем будущем, потому что до самого последнего времени ценнейшие промышленные газы этого завода сжигались в топках технологических установок и в парокотельной заводе. Но после реконструкции газы Батумского завода пойдут на производство больших количеств полиэтилена, а мы уже упоминали выше, какое это замечательное исходное вещество для создания синтетических материалов. Производить собственный полиэтилен — это значит иметь прочную базу для организации пластических масс в нашей республике.

Но полиэтилен — не единственный полупродукт для получения синтетических материалов, который может давать химическая промышленность Грузии. Вспомним о ферросплавном заводе в Зестафони. Как

показали исследования наших ученых, проведенные совместно с работниками завода, его промышленные газы являются не отходом, как это считалось до сих пор, а ценным источником получения газа — окиси углерода, из которой можно готовить синтетическим путем метиловый спирт (метанол).

Метиловый спирт — прекрасный растворитель и одновременно исходный полупродукт для приготовления многих ценных синтетических материалов — смол, лаков, клеев и пластических масс.

Развитие химического синтеза в нашей республике не исчерпывается указанными выше возможностями. В ближайшем будущем отходы производства в Рустави, пока не используемые, найдут должное применение. В частности, из углекислоты и аммиака будет налажено производство синтетического карбамида. Карбамид, с одной стороны, является таким химическим продуктом, внедрение которого в сельское хозяйство обеспечивает рост плодородия земли, сохранение урожая, увеличение эффективности животноводства. В условиях нашей республики особенно ценно свойство карбамида как удобрения, ускоряющего созревание citrusовых культур и чая. С другой стороны, карбамид — основной полупродукт для производства пластических масс. Производство синтетического карбамида — хороший трамплин для прыжка в «большую химию» пластмасс в Советской Грузии.

В развитии химической промышленности нашей республики будет играть заметную роль использование не только промышленных, но и природных газов. Уже в ближайшем будущем Руставский азотно-туковый завод, намечающий значительное увеличение выпуска азотных удобрений, будет пользоваться природным газом Карадагского месторождения, что сделает производство гораздо более рентабельным.

Исследованиями грузинских ученых показана перспективность липтобиолитов Ткибули, как сырья для промышленности пластических масс. Липтобиолиты вполне пригодны для получения пресспорошков, служащих основой для приготовления из них самых разнообразных предметов (элек-

ротехнических изделий, аккумуляторных баков, различных изделий хозяйственного и бытового назначения). Липтобиолиты пригодны и для производства лаков. Но Грузия располагает такими уникальными и практически неисчерпаемыми ресурсами этих смолистых веществ, что ученые нашей республики, очевидно, найдут и другие пути для широкого использования липтобиолитов (в металлургии и других отраслях промышленности).

Таким образом, создаются широкие возможности для всемерного увеличения мощности и расширения ассортимента продукции Тбилисского завода пластических масс, пока еще работающего на привозных полупродуктах. Наличие собственной сырьевой базы даст возможность заводу создать производство синтетических материалов, необходимых для таких бурно растущих отраслей промышленности, как машиностроительная, электротехническая и др.

Но это только некоторые вопросы развития промышленности пластических масс в республике. Дальнейшее углубленное изучение проблемы, несомненно, выявит новые возможности в этом направлении.

Грузия — страна марганца, и этот металл, естественно, должен занимать и впредь то почетное место, которое ему отведено в химической промышленности нашей республики. Грузинские ученые хорошо разработали химию марганца. Многие отрасли народного хозяйства (медицинская, текстильная и др.) нуждаются в таком сильном окислителе, как марганцовокислый калий (перманганат калия). Грузия уже снабжает им весь Советский Союз, но в нашей республике имеются все возможности для дальнейшего и притом резкого повышения производства этого ценного препарата электролитическим путем. Наши ученые показали перспективность производства и многих других солей марганца. Упомянем также, что руды Чиатура могут служить неплохим сырьем для производства двуокиси марганца, ценного продукта, используемого для изготовления сухих гальванических элементов и для других целей. Большое значение марганец имеет для сельского хозяйства. Ведь марганец относится к важнейшим

микроэлементам — минеральным веществам, которые содержатся в организме растений, животных, человека в ничтожных количествах, но имеют огромное значение для любого живого существа. Недостаток марганца в почве остро ощущается растениями и животными, поедающими эти растения. Производство марганцевых микроудобрений, налаженное в нашей республике, должно всемерно развиваться.

К богатствам нашей республики относятся и многие другие руды, месторождения которых достаточно разведаны. Так, например, Маднеульское месторождение богато запасами меди, цинка, свинца, серы и барита. Один только перечень этих ископаемых наводит на мысль о целесообразности их комплексной переработки. Достаточно упомянуть о таком важнейшем химическом продукте, как серная кислота. Эта кислота занимает по праву «ведущее» место не только в химической промышленности, но и в нефтяной, машиностроительной, пищевой, легкой промышленности, в производстве взрывчатых веществ, в сельском хозяйстве. В серной кислоте (в виде сернистого газа) нуждается и производство капролактама, из которого изготовляют капрон. Но до сих пор серную кислоту завозят в Грузию из других экономических районов. Между тем, серную кислоту с успехом можно получать на месте, путем комплексной переработки полиметаллических руд.¹ В нашей республике таким сырьем могут служить пиритные (серный колчедан) и цинковые концентраты Маднеульского месторождения. Здесь не будет отходов; для получения серной кислоты пирит сжигают, но остающиеся после обжига огарки можно использовать на агломератной фабрике Закавказского металлургического завода в Рустави.

А цинковые огарки освободят Кутаисский литопонный завод от необходимости завозить цинковое сырье из других экономических районов Советского Союза. Литопон — исключительно ценный минеральный пигмент;

¹ Сырьем для производства серной кислоты может служить также гипс, богатые месторождения которого имеются в Грузии.

его широко применяют для приготовления различных красок, белил, в производстве клеенки, дерматина и т. п. Потребность в нем велика, и его производство желательно всячески форсировать. Но литопон представляет собой смесь солей цинка и бария, следовательно, наличие запасов цинкосодержащего сырья решает проблему только наполовину. Скажем тут же: другая половина проблемы также решена. Грузия исключительно богата месторождениями высококачественных баритов. Этих запасов с избытком хватит не только на увеличение продукции литопона, но и на производство препаратов бария, в первую очередь, углекислого бария. Препараты бария широко применяются в медицине, для борьбы с грызунами, в керамическом, стекольном и других производствах. Грузия настолько богата баритами, что, при надлежащем использовании природных ресурсов, сможет производить препараты бария в количествах, покрывающих потребность всего Советского Союза, а эта потребность исчисляется многими тысячами тонн.

Не используются у нас и природные ресурсы сульфата натрия, а его имеется столько, что вполне возможно организовать в республике производство содопродуктов. Значение соды в деле химизации нашей республики трудно переоценить. Ведь в современном производстве неорганических веществ сода занимает такое же важное место, как и серная кислота; содовая промышленность является крупнейшей отраслью химической промышленности. Именно в Советском Союзе был разработан практически применимый способ получения соды на базе природного сульфата натрия. Производство «собственной» соды явится прекрасным стимулом к дальнейшей химизации народного хозяйства нашей республики.

Другой важной отраслью химической промышленности является производство удобрений. Продукция Руставского азотно-тукового завода — хороший, но далеко не полный вклад в эту отрасль. Культуры чая, цитрусовых, да и все сельское хозяйство Грузии нуждаются не только в увеличении этой продукции, но и в расширении ее ассортимента. Кроме азотных нам нужны еще и фосфорные и азот-

но-фосфорные удобрения. Их производство необходимо организовать.

Развитие химической промышленности по упомянутым направлениям далеко не исчерпывает всех возможностей нашей республики. В одном только Рустави увеличение продукции и организация производства капролактама, искусственной двуокиси марганца, синтетического карбамида, серной кислоты неизбежно вызовет развитие производства таких продуктов, как нитрит натрия, газообразный аргон, сульфаты натрия и аммония. Нитрит натрия широко применяют для синтеза многих органических соединений (красок и др.), в консервном производстве, в медицине. Аргон используют для наполнения ламп накаливания и изготовления аргоновых трубок (всем нам знакомы газосветные трубки для рекламы). Сульфаты натрия и аммония — важнейшие удобрения. Достаточно сказать, что они составляют половину азотных удобрений, применяющихся во всем мире. А что значат удобрения для дальнейшего развития сельского хозяйства Грузии — известно каждому трудящемуся нашей республики.

Но и это еще не все.

Существующая химико-фармацевтическая отрасль промышленности Грузии представлена двумя заводами: Батумским кофениновым и Тбилиским химико-фармацевтическим. Кофеин — уникальное сердечное средство, вошедшее в первый десяток наиболее ценных лечебных средств всего мира. Грузинские ученые решили проблему получения из чайного сырья таких количеств кофеина, которые дадут возможность даже широко экспортировать этот лекарственный препарат. Более того, производство кофеина будет удешевлено, благодаря использованию его отходов для производства других ценных лечебных препаратов: витамина Р (для лечения сердечно-сосудистой системы) и теальбина (для лечения кишечных заболеваний).

Но это только единичные примеры. Химия природных соединений, которыми так богата флора нашей республики, еще только начинает изучаться, но и сейчас она обещает многое.

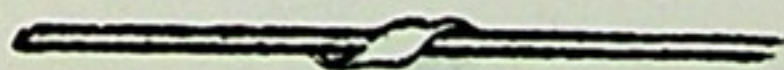
Важно и то, что в субтропической полосе Грузии с успехом могут культивироваться ценные импортные ра-

стения. Приведем пример. Что скажут хозяйки о чудесном порошке, щепотка которого превращает самый жесткий бифштекс в нежное филе, а горох, фасоль размягчает так, что на их варку понадобится в четыре раза меньше времени, чем обычно. Такой порошок уже существует — это препарат фермента — папаина, получаемого из плодов культивируемого у нас в Грузии дерева карика папайя.

Эти примеры легко умножить. Но лекарственные препараты готовятся не только из растений. Всякая хорошо развитая химическая промышленность дает много побочных продуктов, которые могут быть использованы для изготовления лекарственных средств. И «большая химия» нашей республики будет вырабатывать (на Тбилиском химфармзаводе) на базе отходов коксо-химического цеха Руставского металлургического гиганта ценные лечебные препараты. Кроме того в ближайшие годы войдет в строй опытный завод Тбилиского научно-исследовательского химико-фармацевтического института, который будет выпускать десятки новых лекарственных средств.

Люди моего поколения, учившиеся в Тбилиси до революции, редко слышали тогда слово «химия», а преподавания такого предмета в школах вообще не было. А сегодня... Сегодня наша республика имеет самое большое из всех мыслимых богатств — тысячи специалистов с высшим образованием и в области химии. И чудеснее всего то, что и этой армии специалистов недостаточно для «большой химии» затрашного дня нашей республики. Необходимо обратить особое внимание на подготовку специалистов для будущих заводов и научно-исследовательских лабораторий.

«Большая химия» — мощный фактор технического прогресса всего народного хозяйства. Широко внедряя химические методы переработки, мы придем к комплексному использованию сырья и, на основе этой комплексности, к комбинированию химических производств с другими отраслями промышленности нашей республики, а это — одна из высших форм организации социалистической промышленности.

Ираклий Абашидзе

ГРУЗИНСКАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРЕД НОВЫМИ ЗАДАЧАМИ

Охваченные неподдельным патриотическим воодушевлением, с чувством законной гордости за нашу великую Родину, и вместе с тем, с полным сознанием возросшей ответственности перед историей и перед многомиллионным нашим читателем, пришли мы, грузинские советские писатели, на наш пятый съезд. Многонациональная наша страна сегодня победоносно вступает в новый исторический период своего развития, устремляясь с невиданной быстротой к конечной светлой цели нашего народа — к завершению строительства коммунистического общества. Программа нового мощного подъема нашего народного хозяйства и нашей культуры подверглась всенародному обсуждению и получила единодушное одобрение советских людей. Исторический XXI съезд КПСС утвердил эту программу и ввел ее в действие.

В самые первые дни этого нового периода истории нашей страны человечество оказалось свидетелем такого блистательного триумфа советской науки и техники, каким явился запуск космической ракеты по направлению к Луне.

Сейчас, когда советское общество вошло в новый период своего исторического развития, сама жизнь ставит перед нашей литературой новые, возросшие, значительно более сложные и ответственные задачи. Мы обязаны ясно предста-

вить себе и глубоко продумать эти задачи, правильно оценить наши творческие силы и ресурсы, обобщить весь накопленный нами творческий опыт, и вместе с тем, трезво разобраться в недостатках и недочетах нашей литературы, которые становятся особенно очевидными и ощутимыми в свете новых задач.

В тезисах доклада товарища Н. С. Хрущева о контрольных цифрах нового семилетнего плана говорится: «Советская литература и искусство, играющие важную роль в коммунистическом строительстве и воспитании нового человека, в современных условиях должны еще более укрепить свою связь с жизнью народа, полнее отображать борьбу советского народа за построение коммунистического общества.

Деятели литературы, кино и театра, музыки, скульптуры и живописи призваны поднять идейно-художественный уровень своего творчества, быть и впредь активными помощниками партии и государства в деле коммунистического воспитания трудящихся, развития многонациональной социалистической культуры, формирования высоких эстетических вкусов, пропаганде принципов коммунистической морали».

Как видите, на сегодняшнем этапе развития нашей страны, в период развернутого строительства коммунистического общества, еще более возрастает общенародное, государственное значение советской литературы.

Сегодня наша первейшая задача заключается в том, чтобы полностью про-

Доклад на V съезде писателей Грузии. Печатается по сокращенной стенограмме.

низать все наше литературное творчество чувством нового, чтобы наша литература дышала, жила каждодневными интересами страны. К этому призывает литературу всем нам хорошо известный документ нашей партии — «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», в котором с большой глубиной сформулированы основные положения эстетики социалистического реализма и обоснованы краеугольные принципы нашего творческого метода, принципы идейности, народности и партийности советской литературы.

Кровная связь с жизнью народа, острое чувство современности, взволнованное отношение к явлениям действительности — вот в чем самая суть, душа нашего творческого метода, основа его основ. Разумеется, ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову отрицать значение произведений исторического жанра для нашего народа, отрицать необходимость отображения исторического прошлого нашей Родины в советской литературе. В частности, грузинская литература никогда не сможет отвернуться от задачи художественного изображения богатой и славной истории своей страны. Но никто не сумеет убедить нас в том, что историческая и современная тематика имеют одинаковое значение для нашей литературы. Совершенно бесспорно, что современная проблематика — воплощение в образах боевых, животрепещущих идей нашего народа, более органично и действенно, когда оно осуществлено на материале современности.

Имеются все основания утверждать, что с этой точки зрения положение в грузинской литературе в настоящее время значительно лучше, чем на любом предыдущем этапе ее истории. За все время существования грузинской советской литературы современная тематика никогда не имела такого большого, преобладающего удельного веса в грузинской литературе, какой она имеет в течение последних 4—5 лет, т. е. в годы, прошедшие после четвертого съезда грузинских советских писателей, или как обычно говорится, «в отчетный период». Этот факт — одно из значительнейших достижений нашей литературной жизни за последние годы.

Однако из всего этого ни в коем случае не следует делать вывод, будто тематическая актуальность, современный характер изображаемого материала сами по себе решают вопрос об идейно-эстетической ценности произведения.

Вопрос решает не тематика сама по себе, а идейно-эстетическая установка автора, его отношение к жизненному материалу, его мировоззрение.

Партия и народ требуют от советских писателей, чтобы в нашей литературе нашла полное, глубокое и правдивое ото-

бражение самоотверженной борьба народа за построение коммунистического общества. Совершенно справедливо разоблачила и осудила наша общественность в свое время пресловутую теорию бесконфликтности, которая подразумевала однобокое, приукрашенное изображение действительности. К сожалению, после разоблачения этой «теории» иные наши литераторы ударились в другую крайность, и появились тенденции искаженного, нигилистического изображения жизни. Эти тенденции и сейчас находят разнообразное выражение в творчестве некоторых наших писателей и наносят определенный вред нашей литературе. Дискуссия о положительном герое, развернувшаяся перед вторым всесоюзным съездом советских писателей и на самом этом съезде, к сожалению, доныне не пришла ни к какому определенному заключению. В этом вопросе и сейчас царят разнобой и путаница. Иные товарищи и сегодня доказывают, что изображение ведущих тенденций действительности и ее теневых сторон, создание положительных и отрицательных образов имеют одинаково важное значение для нашей литературы. Эти товарищи забывают, что в отличие от критического реализма литература социалистического реализма есть литература жизнеутверждающая, историческое призвание которой заключается в художественном выражении великой правды нашей борьбы, в обосновании непобедимости наших идей, преимущества нашего общественного строя. Наша литература должна показывать народу достойные подражания примеры бескорыстного служения Родине, благородного труда, борьбы за трудовые победы, высоких моральных качеств.

Мы, разумеется, не думаем отрицать важность и необходимость элементов критического реализма в нашей литературе. Не только право, но и обязанность советского писателя замечать и выносить на свет уродливые пережитки прошлого, теневые стороны действительности, нечистые дела дурных людей. Но если наивысшим законом социалистического реализма является жизненная правдивость, то соотношение положительного и отрицательного в нашей литературе должно быть таким же, как в самой жизни советского общества, в нашей социалистической действительности.

Можно решительно утверждать, что наиболее острой проблемой нашей современной литературной жизни является вопрос о художественном мастерстве, о профессиональной культуре писателя. В каждом своем документе, посвященном вопросам литературы и искусства, партия подчеркивала и подчеркивает положение о неразрывности идейного и эстетического критериев в нашей литературе. Всякий раз, когда партия призывала

советских писателей повышать идейный уровень своего творчества, она одновременно требовала от нас совершенствования художественного мастерства, настойчивой борьбы за повышение эстетического уровня наших произведений. С трибуны XX съезда партия призвала нас усилить борьбу за качество, за высокую художественность нашей литературы, объявить беспощадную борьбу с ветхостью, штампом, незрелым, бескровным, бледным произведениям. Нужно прямо сказать, что до сегодняшнего дня мы совершенно неудовлетворительно осуществляли этот призыв, это указание партии. Под прикрытием современной тематики и современной проблематики у нас часто процветают бесцветность и бездарность. Наряду со множеством хороших книг издаются десятки слабых поэтических и прозаических сборников. Наши журналы и наши газеты снизили предъявляемые к авторам художественные требования. Это относится и к нашим ведущим театрам, на сцены которых нередко поднимают слабые пьесы, а порой и откровенная халтура.

Такое положение совершенно нетерпимо — оно оскорбительно для высокого престижа нашей литературы для требовательного вкуса и возросших духовных потребностей нашего народа. Нет нужды повторять еще раз на нашем съезде ту бесспорную истину, что чем актуальнее тематика произведения, чем важнее общественная проблема, которой оно посвящается, тем выше должны быть его художественные качества, тем совершеннее оно должно быть по мастерству выполнения.

Мастерство писателя — очень широкое, многостороннее и многоохватывающее понятие; оно включает в себя и способность наблюдения действительности, и умение выбирать среди жизненных явлений самое важное, самое существенное, и, наконец, умение глубоко осмысливать и живо, увлекательно, убедительно изображать наблюдаемое. Мастерство писателя включает целую систему средств художественного выражения. Необходимо особо выделить из всего этого многообразия вопрос о языке литературного произведения.

К сожалению, в последнее время наша литература ослабила свое внимание к этому важнейшему орудию и средству писателя, которое М. Горький назвал первичным элементом литературы.

Можно без всякого преувеличения сказать, что, за редкими исключениями, наши писатели заметно ослабили борьбу за языковое мастерство, и в этом именно заключается один из серьезнейших недостатков современной грузинской литературы. Более того, в нашей литературе в последние годы снова начинают оживать две забытые было порочные тенденции в области художественного языка. Одна

из этих тенденций — чрезвычайно увлечение языковыми архаизмами и искусственным словотворчеством, уводящими литературный язык в сторону от живой разговорной речи, а вторая — перегрузка произведения диалектизмами и провинциализмами, создающая опасность скатывания в болото языкового натурализма. Мы обязаны решительно бороться с обеими этими тенденциями, одинаково ложными и вредными для литературы.

Литература — наиболее мощное средство для выявления национального своеобразия, а поэтому мы всячески должны стараться развивать нашу литературу, выявлять ее национальную природу и колорит. Это диктуется и чувством национального самосознания, любви к своему народу и интересами строительства общемировой социалистической литературы.

* * *

Прошло четыре с половиной года со времени последнего, IV съезда писателей Грузии. За эти годы мы были свидетелями многих значительных событий в жизни нашей страны — событий, вызвавших огромные сдвиги и изменения как в хозяйственной, так и в духовной жизни нашего народа. Отразилось все это, разумеется, и на развитии нашей советской литературы.

В своем приветствии II съезду писателей СССР ленинский Центральный Комитет нашей партии выдвинул развернутую программу нового творческого подъема нашей литературы.

Советская литература обязана всеми своими достижениями и успехами нашей славной Коммунистической партии и безмерно благодарна ее ленинскому Центральному Комитету за ежедневную, поистине отеческую заботу и внимание.

Мы, писатели Советской Грузии, считаем своим долгом от всего сердца поблагодарить с трибуны нашего съезда Центральный Комитет Коммунистической партии Грузии и правительство нашей республики за огромную помощь и неустанное руководство в нашей сложнейшей и ответственной работе.

Большим событием в литературной жизни Грузии явилась Декада грузинского искусства и литературы, проходившая в марте прошлого года в Москве. Как и все другие отрасли национальной художественной культуры, грузинская литература получила на этой декаде высокую оценку и всеобщее признание.

Особенно велики были на декаде успехи грузинской поэзии. Наши русские собратья по перу, выдающиеся русские поэты, с братской любовью и искренним удовлетворением отмечали, что по эту сторону Кавказского хребта создается поэзия, имеющая неоспоримое мировое значение.

Что является важнейшим среди всего того нового, что имело место в развитии грузинской поэзии за последнее время?

Грузинская поэзия более непосредственно и глубоко вторгается в глубь человеческих переживаний и страстей, чтобы с еще большей полнотой и многообразием отобразить богатый и благородный духовный мир советского человека. Наряду с общественной тематикой широкого и большого всенародного значения, более свободное отражение получают сегодня в нашей поэзии личные переживания человека и душевные его настроения, шире представлены в поэтическом творчестве описания родной природы, ярче проявляется самобытность поэтических индивидуальностей.

С радостью отмечаем мы, что сильно еще поэтическое вдохновение наших прославленных мастеров стиха: Г. Табидзе, И. Гришашвили, С. Шаншиашвили и начавших свой творческий путь почти одновременно с ними поэтов — К. Чичинадзе, К. Надирадзе, С. Эули, Х. Вардошвили, Ш. Абхаидзе.

Однако бесспорно, что основной труд в развитии и подъеме грузинской советской поэзии, обогащение ее новыми звучаниями и новыми красками ложится в настоящее время на плечи тех поэтов, поэтическая индивидуальность которых сложилась уже в советскую эпоху, и творческие силы которых достигли теперь полного расцвета. Вместе с ними эту нелегкую, но радостную ношу несет и новое, молодое поколение.

Отметим лишь несколько фактов, характерных для сегодняшнего положения дел в нашей поэзии.

В течение последних лет в грузинской прессе часто публикуются стихи и лирические поэмы Георгия Леонидзе. Нужно сказать, что как тематическая природа его поэзии, так и ее внутренняя форма претерпели за последние годы заметные изменения. Некоторые его стихотворения, как, например, «Маленький камень в Патардзеули», «Призрак Ильи» и другие, доставили читателю подлинное эстетическое удовлетворение глубокой и своеобразной, чисто «леонидзевской» правдивостью мысли, взволнованностью и яркостью поэтической речи. Несколько стихотворных циклов опубликовал С. Чиковани. В этих стихах с замечательным, отточенным искусством поэтической живописи изображены пейзажи нашей столицы и Кутаиси, оживленные интимностью и теплотой юношеских воспоминаний. Тематику грузинской поэзии расширяют стихи Алио Мирцхулава, в которых впервые в нашей литературе отображены картины современной жизни великого китайского народа. Такое же значение для развития нашей поэзии имеют и стихи Иосифа Нонешвили, созданные поэтом после поездки в Индию. Несколько раньше И. Нонешвили совер-

шил путешествие по целинным землям Казахстана, непосредственно ощутил трудовой пафос советских людей, осваивающих неоглядные просторы плодородного края, и посвятил этой теме целый сборник стихов. Весьма плодотворной была поэтическая работа Карло Каладзе. Незабываемой эпопее Отечественной войны посвятил он поэму «Вставало солнце в дыму пожарищ». Кроме того, им написано множество стихов, полных острого ощущения природы и отображающих мирный, созидательный труд советского человека. Новую книгу стихов создал Р. Маргиани. В этих стихах поэт с большой пластической силой и с подлинным лирическим воодушевлением изобразил высокие патриотические чувства и помыслы советского человека. Тепло приняты читателем стихи А. Гомиашвили «Покровительница места» и «Мир земной». Целый ряд поэтических произведений, проникнутых острым чувством современности, опубликовал в последние годы Хута Берулава. Живой интерес вызвали также «Грузинские баллады» Отара Челидзе, несомненно ознаменовавшие творческий рост поэта. То же самое можно сказать и о новом лирическом цикле А. Шенгелия. Нужно упомянуть также книгу стихов Г. Шатберашвили «На той горе» и ряд новых поэтических произведений М. Лебанидзе, Г. Качахидзе, В. Габескирия, М. Бараташвили, В. Горгадзе, Г. Цецхладзе, Ш. Амисулашвили, Т. Джангулашвили. С особым удовлетворением отмечаем мы драматическую поэму Гр. Абашидзе «Мать». Это — действительно значительное и достойное внимания с разных точек зрения явление нашей современной поэзии.

Мы упоминаем сегодня имена лишь некоторых поэтов, но это вовсе не означает, будто одни только эти поэты представляют сегодня грузинскую поэтическую культуру. В то же время нужно сказать, что наш читатель вправе предъявить этим поэтам и некоторые, по-моему, вполне обоснованные претензии. Нельзя не отметить, например, что один из славнейших наших мастеров Г. Леонидзе в некоторых своих произведениях проявляет беззаботность в отношении поэтической формы. По некоторым новым стихам А. Мирцхулава ясно видно, что поэт находится во власти неоправданной самоуспокоенности. Мы должны еще раз пожелать Карло Каладзе, чтобы он достиг большей естественности и свободы поэтической речи, большей непосредственности и теплоты. Иногда он искусственно затемняет образ и отяжеляет фразу. И. Нонешвили следует стремиться к большей глубине поэтического мышления, к тому, чтобы используемые им средства художественного изображения были всегда самобытными. Отару Челидзе необходимо добиваться больше-

го разнообразия звуков и красок, яркости средств поэтического выражения, иначе возникнет опасность, что произведение окажется скучным, а скука — первый враг поэзии.

Как видим, даже самые лучшие мастера нашей поэзии не имеют оснований для самоуспокоения. Каждый из нас в долгу перед народом.

Я уже отметил, что за последние годы наша поэзия получила новое даровитое пополнение. Широкие массы читателей хорошо знают и ценят таких талантливых молодых поэтов, как Анна Каландадзе, Мухран Мачавариани, Арчил Сулакаури, Михаил Квливидзе, Наци Киласония, Шота Нишнианидзе, Тамаз и Отар Чиладзе, Нодар Гурешидзе, Отар Мампория, Джансуг Чарквиани и др. Двери наших редакций широко открыты перед этой талантливой молодежью. Поэты эти уже обнародовали несколько сборников, лучшие произведения некоторых из них переведены на русский язык и получили достойную оценку со стороны всесоюзной литературной общественности. Нужно надеяться, что общее признание не вскружит голову одаренным и умным молодым людям, и не толкнет их на путь легкого успеха и дешевых эффектов. В нашей республиканской прессе не раз высказывались справедливые упреки по адресу некоторых наших молодых поэтов, избегающих актуальных тем современности и предпочитающих замыкаться в тесной скорлупе своих личных переживаний. Мы от души советуем с трибуны нашего съезда молодым поэтам, чтобы они как можно скорее освободились от подобных заблуждений. Мы являемся наследниками великой грузинской классической поэзии. Не говоря уже о более далеких наших предках, мы являемся потомками Давида Гурамишвили, Николоза Бараташвили, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела и, значит, должны неуклонно идти по их пути, по пути поэзии высоких гражданских идеалов, поэзии больших мыслей и чувств.

В грузинской поэзии последних лет резко уменьшился удельный вес политической лирики и поэтической публицистики. Это — наш большой недостаток, и мы должны вести неослабную борьбу для его преодоления. Мы должны также преодолеть ограниченность нашей поэзии рамками одного лишь лирического жанра. В последнее время у нас не создаются широкие поэтические полотна, отображающие нашу действительность, мало стало поэм и произведений поэтико-драматического жанра. Особенно печально то, что совсем заглох в нашей литературе жанр поэтической сатиры.

* * *

Особенное оживление наметилось в последние годы в грузинской прозе.

Если 3—4 года тому назад нас не удовлетворяла сложившаяся в ней обстановка и приходилось предъявлять ей справедливый упрек в том, что она намного отстает от темпов и масштабов жизни, то прозаические произведения, созданные за последние годы, не дают повода для подобных упреков.

Тематическая актуальность, творческая связь с жизнью народа стали основными, наиболее характерными свойствами грузинской прозы последних лет. Я имею в виду прозаические произведения, вышедшие в свет за последние годы, произведения, в которых реалистически, правдиво и глубоко отображена героика современной трудовой жизни нашего народа, его обновленный быт, его богатый и благородный духовный мир.

Всякое произведение мы оцениваем прежде всего по тому, какова его художественная значимость, насколько оно способствует духовному формированию советского человека, какими навыками обогащает его, какие мысли и настроения у него вызывает.

В первую очередь остановимся на романе Константина Гамсахурдиа «Цветение лозы». Этот роман является показателем того, как велико воздействие нашей волнующей действительности на нашу литературу. К. Гамсахурдиа обращается к темам из нашей действительности не в первый раз. В этом отношении он имеет немалый опыт. Достаточно упомянуть его трехтомный роман «Похищение луны», бесспорно выдающееся явление грузинской прозы тридцатых годов. «Цветение лозы» является значительным шагом вперед по пути идейной и творческой эволюции писателя. Если в «Похищении луны» автора занимала негативная сторона нашей действительности, то в «Цветении лозы» он отдает предпочтение позитивным силам современности, трудовой жизни народа, типичным положительным свойствам характера советского человека. Главные герои «Цветения лозы» — люди, втянутые в бурный поток новой колхозной жизни. Сочувствие писателя на стороне этих героев. Гамсахурдиа заинтересован в их судьбе, так как она неотделима от судьбы всего нашего народа. Но роман не свободен от недостатков. К ним можно было бы отнести перегрузку произведения второстепенным, незначительным материалом, несоответствие отдельных элементов описания с действительностью. Таковы, например, эпизоды Отечественной войны и кое-что другое. Но главным все же является общее настроение произведения, позиция самого автора, определяющая его мировоззрение и эстетические установки.

Правдивым бытописателем жизни рядовых тружеников является Серго Клдიაшвили — один из выдающихся мастеров

грузинской прозы. Его произведения всегда отличаются особой нравственно чистой атмосферой, высокой моралью. Писатель воспевае чистоту человеческой души, веру в доброе человеческое начало. В истекшем году Серго Клдашвили выпустил в свет новый роман «Ирина Тухарели», получивший, как и следовало ожидать, высокую оценку в широких читательских кругах.

Местом действия своего романа писатель избрал дореволюционное захолустье — маленький районный город Патархеви, на примере возрождения которого он задался целью показать преобразующую силу советского общества. Духовное возрождение народа, его освобождение, его вступление на необозримое творческое поприще автор увязывает с установлением в нашей стране Советской власти.

Успех романа обуславливается подлинно высокохудожественными изобразительными средствами автора, в первую очередь естественной, непринужденной манерой письма, свободной от всякого позерства и манерности.

Живой интерес литературной общественности вызвала новая повесть Демны Шенгелая «Клад». Произведение это выделяется не величиной и не обширностью затронутого в ней круга явлений, а своим художественным исполнением и высоким мастерством слова. Повесть «Клад» отличается своим непосредственным изображением современности. Автор глубоко заинтересован чувствами и настроениями своих героев. В основе повести лежит глубокая мысль, значительная проблема. Демна Шенгелая убедительно отобразил в своей повести огромные сдвиги, происшедшие в сознании советского человека, всего нашего общества. Однако при всем этом не могу не упрекнуть автора за некоторую поспешность, проявленную им в разработке финала своего произведения. Неправильное разрешение финального эпизода определенным образом снижает замысел писателя и идейное звучание его повести.

Я хочу особо остановиться на творчестве такого мастера слова, каким является Константин Лордкипанидзе. Все мы знаем, что все содержание его творческой жизни посвящено темам и проблемам современности. Он — убежденный певец нашей советской эпохи. Все его произведения дышат здоровым воздухом современности. Такова и только что опубликованная им первая часть романа «Волшебный камень», смело ставящая многие актуальные вопросы современности. Автор рисует жизнь колхозной деревни в свете тех огромных задач, которые ставит партия перед нашим колхозным крестьянством. Живыми, выразительными красками написано это полот-

но, передающее читателю радость труда, его романтику, его преобразующую силу.

Большую и продуктивную творческую работу ведет наш выдающийся прозаик А. Белиашвили, опубликовавший в последние годы романы «Перевал» и «Золотой шатер», первую часть романа «Рустави» и несколько интересно задуманных рассказов. Таков, например, рассказ «Мост», в котором автор ставит весьма актуальный вопрос нашей действительности — вопрос о взаимоотношениях города и деревни. Рассказ нашел широкий отклик среди читателей. Надо, однако, сказать, что уже пять лет прошло с тех пор, как писатель опубликовал первую, экспозиционную часть романа «Рустави», и до сих пор наша читательская общественность безрезультатно ждет последующих частей.

Остановлюсь еще на нескольких романах, отображающих нашу современность: «На Алазани» Тины Донжашвили и «Вдова солдата» Р. Джапаридзе. Роман Тины Донжашвили «На Алазани» написан с острым обличительным пафосом. Т. Донжашвили рассказывает историю перерождения главного своего героя Гедеона Варамидзе, но не абстрактно, а в конкретных условиях, сложившихся в определенной обстановке. Автор подробно повествует о причинах, вызвавших перерождение этого вышедшего из недр народа, когда-то примерного работника.

Причина успеха романа Т. Донжашвили заключается в том, что автор с болью в сердце описывает историю падения Варамидзе, и в том, что он видит противодействующую Варамидзе большую позитивную силу, борющуюся с бюрократизмом и подхалимством, осуждающую отрыв от коллектива.

Роман Т. Донжашвили не свободен от недостатков, среди которых можно отметить хотя бы то, что в нем сравнительно бледно очерчен образ такого замечательного работника, такого нравственно чистого человека, как Нико Хелашвили.

При художественном обобщении явлений действительности решающее значение имеют позиции, с которых автор оценивает явления жизни, та связь, какую он находит между ними, и в конечном счете, точка зрения самого писателя. Мы далеко не против разоблачительной критики в художественной литературе, но для нас совершенно неприемлемо такое огульно отрицательное описание действительности, не считающееся с закономерностью развития советского общества. Таково, в частности, произведение О. Чхеидзе — роман «Мель», отражающий картину нашего общественного развития в кривом зеркале. Автор разоблачает отрицательные стороны жизни, указывает на явления, тормозящие ее развитие. Но писатель использует только мрачные краски и под предлогом борьбы с культом личности нигилистически от-

рицает все. Он не замечает в нашей действительности позитивных сил, способных преодолеть недостатки, побороть трудности, и наделяет всех своих героев чувством разочарованности. Автор глубоко ошибается, когда обобщает образы отдельных бюрократов, взяточников, подхалимов, бездушных людей, собирая их в одну кучу и представляя их как советское общество. О. Чхеидзе следует, насколько это возможно, основательно пересмотреть свои идейно-творческие позиции и даже манеру письма, ибо, как справедливо указали ему товарищи при обсуждении «Мели», и язык произведения страдает серьезными недостатками.

Наблюдательным знатоком жизни, имеющим острый глаз художника, является Реваз Джапаридзе. Он опубликовал первую часть широко задуманного романа «Вдова солдата» и ряд рассказов, по праву получивших положительную оценку. В романе повествуется о послевоенной колхозной деревне. Будучи талантливым мастером словесной живописи, Р. Джапаридзе создает живые, запоминающиеся художественные образы, рисует сложные характеры, развивающиеся в действии; читатель встретит в книге и отдельные психологически слабо мотивированные эпизоды, но эти недочеты незначительны по сравнению с теми высокими моральными установками, которые положены в ее основу.

Большой интерес вызвала книга Г. Натрошвили «Вновь весна на Иори». Главное достоинство помещенных в этой книге рассказов в том, что в них на фоне живо и красочно нарисованных картин природы действуют полнокровные, наделенные высокими моральными качествами рядовые советские труженики.

Наша критика еще не рассматривала и не давала оценки некоторым новым произведениям, отображающим жизнь рабочего класса. Таковы, например, «Верность» И. Лисашвили, «Новый горизонт» Л. Авалиани, «Сталь» С. Тавадзе, «В рудниках Чиатура» П. Лория и другие.

Несколько интересных рассказов опубликовал за последние годы Борис Чхеидзе. В них хорошо отражена наша яркая современность, дан образ человека — создателя новой жизни. Таков, например, рассказ «У фазаньего источника».

Необходимо упомянуть также еще несколько произведений, заслуживших особенное внимание. Это — «Грек» Г. Чиковани, «Перед восходом солнца» Э. Зедгинидзе, новеллы и рассказы А. Сулакаури, А. Ломидзе, М. Асатиани, И. Рурца, Т. Гоголадзе и др.

Общая картина не будет полной, если при этом не упомянуть о написанных и опубликованных за последние годы исторических и историко-революционных романах.

Мы имеем в виду прежде всего роман Шалвы Дадiani «Семья Гвиргвилиани», который ясно показал, что дееспособность нашего маститого писателя совсем не подвластна усталости. Этот роман частично восполняет образовавшуюся в нашей литературе брешь — отсутствие историко-революционной тематики. Произведение Ш. Дадiani дает ясное представление о народном движении, предшествовавшем революции 1905 года.

Необходимо также упомянуть здесь четырехтомный роман А. Кутатели «Лицом к лицу», основательно переработанный автором и получивший высокую оценку на декаде в Москве.

Так же основательно переработал выдающийся мастер советской прозы Л. Кначели свой роман «Человек гор», написанный на тему Отечественной войны.

Среди исторических романов, созданных в последние годы, следует отметить «Давид Строитель» Константинэ Гамсахурдиа, «Лашарела» Григола Абашидзе и «Невзгоды героев» Левана Готуа.

За последние годы в ряды мастеров грузинской прозы стали подающие надежды молодые писатели. По их произведениям читатель имеет возможность познакомиться со славной биографией нашей молодежи, различными сторонами общественной жизни, в которой происходит ее формирование. В этом отношении хороший материал дает творчество Р. Инанишвили, Р. Бежанишвили, Э. Кипиани и других.

Само собой ясно, что от молодых прозаиков требуется большая работа для овладения писательским мастерством.

Следует также отметить, что в творчестве некоторых молодых писателей замечаются кое-какие отрицательные черты. Я имею в виду произведения, в которых внимание автора сосредоточено на мелких событиях, изолированных от основных проблем нашей общественной жизни.

* * *

Особенно тяжелое положение имеем мы сегодня в области драматургии. Драматургия у нас считается в настоящее время самым отстающим жанром. Большинство пишущихся у нас пьес поверхностно отображает действительность, бледно по краскам, беспомощно по художественному уровню и вовсе не отвечает требованиям грузинского советского театра, растущим вкусам и духовным потребностям нашего народа.

Наши зрители хотят видеть на сцене, в первую очередь, передовых людей, активных творцов новой жизни. Большинство же пьес, написанных за последние годы, не дает правдивой картины действительности во всем ее многообразии и сложности. В них нет обобщенных художественных образов. Даже в лучшей

из этих пьес, драме Михаила Мревлишвили «Лавина» отсутствует реалистически убедительная и правдивая картина нашего сегодняшнего дня. Весь творческий пафос писателя направлен к тому, чтобы нарисовать отрицательный образ, а не привлекательный, положительный тип, показывающий пример героического труда. Главный недостаток наших пьес именно в том, что отрицательные образы изображены в них более яркими красками, чем характеры положительных героев.

Несколько пьес, написанных за последние годы, имеют определенные литературные достоинства. Таковы: «Давид Восьмой» П. Какабадзе, «Деловой человек» И. Вакели, «В новогоднюю ночь» В. Габескирия, «Возвращение» С. Клдиашвили, «Маия из Цхнети» В. Канделаки, «Незнакомка» Г. Шатберашвили и другие, а также пьеса Левана Готуа «Троеликий рыцарь». Однако, как бы ни восхваляли мы художественные достоинства поименованных и других пьес, они все же не в силах ликвидировать то отставание, которое образовалось в настоящее время в нашей драматургии.

Было время, когда на сцене жили только положительные персонажи, которые легко добивались успехов. В таких пьесах отсутствовала жизненная правда, не было верного отображения действительности.

Точно так же нарушена верная картина действительности в некоторых пьесах, которые шли на грузинской сцене за последние годы. Появились пьесы так называемого «обличительного» характера, зачастую представляющие нашу современность однобоко, в одних только темных красках. Такова, например, пьеса К. Буачидзе «Во дворе злая собака».

В. Габескирия — автор нескольких интересных пьес. Он является также одним из лучших представителей грузинской поэзии. Пьесы его отличаются высоким литературным уровнем. Но одного лишь хорошего литературного вкуса недостаточно. С сожалением должны мы сказать В. Габескирию, что в пьесах, созданных им за последние годы, он потерпел творческую неудачу. Мы имеем в виду, в первую очередь, его пьесу «Снег на гурийских горах». Справедливой критике подверглась пьеса Г. Бердзенишвили «Тростник на ветру».

Слабой и бледной была пьеса Г. Келбакиани «Голос сердца», поставленная Кутаисским театром.

В последние годы мало работают в драматургии такие опытные, хорошо знающие законы сцены мастера слова, как П. Какабадзе, С. Клдиашвили, М. Джапаридзе и другие. Зато на сцену наших театров часто пробиваются слабые произведения.

Театр имеет большое государственное,

воспитательное значение. Нашим драматургам следует задуматься над сложившимся в нашей театральной жизни положением и серьезно взяться за создание пьес, достойных нашей эпохи.

* * *

Активную творческую работу вели на протяжении последних лет наши писатели, работающие в детской литературе. Опубликовано немало интересных детских рассказов и стихотворных сборников. Отдельными книгами выпущены избранные произведения детских писателей Грузии — Нино Накашидзе, Анны Хачуташвили, Мариджан, Г. Качахидзе, Маквалы Мревлишвили, С. Мтварадзе, Н. Чачава, Р. Коркия, К. Гогнашвили, Р. Эланидзе и других. Мы с удовлетворением отмечаем тот факт, что в детскую литературу также влилась талантливая молодежь, внесшая новую струю в этот жанр грузинской литературы. Я имею в виду молодых писателей Отия Иоселиани, Л. Мрелашвили, Ив. Урджумелашвили, Ак. Гецадзе.

Несмотря на все это, детская литература все еще отстает от высоких требований, которые ставит перед ней наше замечательное подрастающее поколение.

* * *

Широкое развитие получила за отчетный период также переводческая работа. У нас ежегодно выходит в свет множество художественных произведений, переведенных с русского и других языков братских народов СССР. Систематически переводятся и печатаются также образцы европейской классической литературы и литератур демократических стран, а также произведения прогрессивных писателей капиталистических стран.

С другой стороны, нет почти ни одного известного грузинского писателя, классика или нашего современника, произведения которого не были бы переведены на русский язык и языки братских народов.

Успех грузинской литературы на декаде в Москве был в значительной мере обусловлен работой наших переводчиков, издательств и редакторов.

* * *

Недостатков в грузинской советской литературе было бы гораздо меньше, а успехов и достижений гораздо больше, если бы наша литературная критика и литературоведение достойно выполняли возложенные на них высокие обязанности.

Бесспорно, что без боевого, острого и компетентного критического мышления невозможно нормальное развитие художественной литературы.

Нельзя сказать, что в Грузии отсутствуют кадры талантливых, обладающих

достаточной эрудицией критиков, нельзя сказать также, что эти товарищи не работают или работают слишком мало. Вспомним, какое одобрение заслужила грузинская критическая мысль в Москве, в дни декады нашего искусства и литературы. Выдающиеся русские критики и литературоведы дали высокую оценку очерку истории грузинской литературы, написанному Ал. Барамидзе, Ш. Раднани и Б. Жгенти; положительную оценку получили также двадцать с лишним монографий о выдающихся грузинских советских писателях, специально написанных к декаде нашими критиками. К этому добавим «Критические этюды» Г. Джибладзе и его объемистый труд «Жизнь и искусство», книгу С. Чилая «Пути развития грузинской советской литературы», мемуары Г. Кикодзе, сборники избранных критических статей Л. Каландадзе и Г. Маргвелашвили, книгу Л. Асатиани «Литературные связи грузинского народа с братскими народами». Мы видим, что наши критики сделали много хорошего и полезного. С особенным удовлетворением надо отметить, что именно в последние годы на литературную арену вступили молодые талантливые критики: Г. Цицишвили, Н. Чхеидзе, Г. Асатиани, Г. Хухашвили, З. Чумбуридзе, Г. Канкава и другие, чьи работы с самого начала привлекли общее внимание и заслужили одобрение.

Но, несмотря на все это, мы не можем быть довольны состоянием литературной критики. Наша критика не откликается своевременно на литературные явления, не дает своевременного глубокого и квалифицированного анализа новых литературных произведений. Во многих случаях критический анализ заменен сухой и безжизненной передачей сюжета произведения. В трудах наших критиков очень редко встречается единство идейного и эстетического анализа. Некоторые наши критики — Г. Натрошвили, Д. Бенашвили, Е. Карелишвили, В. Цулукидзе, В. Замбахидзе, А. Кутелия почему-то ослабили свое участие в живых литературных процессах. Но главное состоит в том, что значительно ослабли боевой дух и атакующая сила литературной критики. Наша критика не ведет борьбы за высокое идейно-художественное качество литературы, не оказывает достаточного сопротивления наплыву порочных, фальшивых, лишенных всякой эстетической ценности произведений. Большинство статей наших критиков создает такое впечатление, будто в нашей литературе имеются только шедевры, и будто все наши писатели являются если не гениями, то во всяком случае первоклассными мастерами художественного слова. Удивительно то, что в этом отношении больше всего грешат наши моло-

дые критики, у которых как будто бы должно иметься больше юношеского огня, смелости и искренности. Именно в результате такой «деятельности» критиков в нашей литературной среде стали появляться высокомерие, самовлюбленность и самодовольство.

Для нас, как воздух, необходима здоровая, доброжелательная, правдивая, прямая и смелая критика. Мы должны сделать все для развития такой литературной критики.

* * *

За эти годы исследователи истории грузинской литературы создали несколько капитальных трудов. Вышли в свет I том «Истории грузинской литературы» нашего выдающегося старейшего ученого Корнелия Кекелидзе и его же новая книга «Этюды», «Георгий Мерчуле» П. Изгороква и монография Ал. Барамидзе о Шота Руставели; написано несколько исследований по узловым вопросам истории грузинской литературы XIX века, о русско-грузинских литературных взаимоотношениях и т. п. Необходимо упомянуть здесь и труд Акакия Гацерелия «Грузинский классический стих», являющийся значительным приобретением грузинской поэтики.

Однако мы должны кое в чем упрекнуть историков нашей литературы. Институт истории грузинской литературы имени Руставели до сих пор не создал капитального труда по истории грузинской литературы, хотя этот институт существует более двадцати лет и непрерывно работает над таким трудом. Мы все еще не имеем углубленных действительно монографических работ о величайших классиках нашей литературы — Д. Гурамишвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели и других. До последнего времени мы не имели монографического труда даже о Шота Руставели. Теперь этот пробел заполнен: одновременно вышли две монографии, посвященные Руставели, — Ал. Барамидзе на грузинском и Ш. Нуцубидзе на русском языках.

К Декаде грузинского искусства и литературы были выпущены на грузинском языке антологии абхазской и осетинской поэзии и прозы.

Среди поэтических произведений, созданных в последние годы, следует отметить поэму Дм. Гулиа «Родной очаг». Эта поэма — значительное явление в нашей литературной жизни. Она переведена как на грузинский, так и на русский языки. Известный абхазский поэт Б. Шинкуба работает в настоящее время над произведением о герое абхазского народа Киахба Хаджарате.

И. Тарба создал ряд новых стихотворений и поэм, в которых отображены

высокие моральные черты характера советского человека.

Интересные лирические стихотворения и прозаические произведения опубликовали Ш. Цвижба, И. Папаскири, М. Лакербай, Ч. Джонуа, А. Джонуа, А. Ласуррия, К. Ломия и другие.

В области перевода абхазской поэзии на грузинский язык продуктивно работает одаренный поэт Ш. Акобия.

С определенными творческими успехами пришли к съезду писатели Юго-Осетии Гафез (Ф. Гаглоев), Д. Джюев, Р. Чочиев, Р. Асаев, А. Бекоев, Н. Джусоев, М. Габулов, Г. Джатиев и другие.

Продуктивную работу вели также грузинские писатели, живущие в Аджарии, П. Лория, Н. Малазония, И. Руруа, Ф. Халваши, Н. Гваришвили, Г. Салуквадзе и другие.

За последнее время несколько оживилась работа Кутаисского отделения Союза писателей Грузии. Здесь выявлен ряд молодых талантливых писателей, ведущих плодотворную работу.

* * *

Таково вкратце положение грузинской литературы в настоящее время и таковы задачи, стоящие перед ней на новом этапе развития нашей Родины. Как видите, за истекшие 4—5 лет грузинская литература создала немало значительных произведений. Как всегда, на протяжении этих лет наши литераторы были с народом и в неразрывной связи с ним трудились во славу нашей Родины, для укрепления ее мощи.

Однако, мы не вправе довольствоваться достигнутым, мы обязаны выявлять со всей остротой те серьезные недостатки, которые имеют место во всех жанрах нашей литературы. Преодоление этих недостатков — первейшая обязанность

каждого из нас, всего нашего коллектива, всей нашей писательской организации.

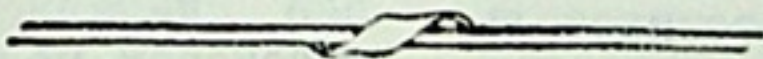
Центральный Комитет Коммунистической партии Грузии недавно указал нам на серьезные ошибки и недостатки в работе редакции журнала «Мнатоби». Ошибки допустила также редакция журнала «Цискари». Из этой справедливой партийной критики редакции наших печатных органов должны сделать соответствующие выводы, а правлению Союза писателей следует усилить руководство и помощь этим редакциям.

Мы должны серьезно улучшить дело издания художественной литературы.

Создание Союза писателей Российской Федерации вызовет серьезные изменения и улучшения в работе нашей всесоюзной писательской организации. Отныне вопросами литератур народов Советского Союза будет заниматься не какая-нибудь отдельная комиссия, а все правление Союза писателей СССР, все его руководящие органы.

Особенно большие надежды возлагаем мы на то, что «Литературная газета», «Дружба народов» и другие органы ССП, а также издательство «Советский писатель» отныне будут уделять больше внимания литературам братских народов и, в частности, грузинской литературе.

С трибуны настоящего, пятого съезда советских писателей Грузии мы твердо обещаем Родине, нашему народу, славной Коммунистической партии, творцу и организатору всех наших побед, трудиться и бороться, не жалея сил, за то, чтобы грузинская культура стояла на уровне задач современности, чтобы она стала достойной и созвучной нашей величественной эпохе, эпохе развернутого строительства коммунизма.

Лавросий Каландадзе

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ФОРМЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Рассуждая о художественном мастерстве, мало, очень мало, а то и почти ничего не говорят о национальной форме, тогда как, на мой взгляд, нет никакого мастерства вне национального языка, вне национального склада художественного мышления. Вообще-то, нужно сказать, что разработке проблем национальной формы искусства и литературы не уделяется должного внимания нашим литературоведением и нашей литературной критикой. Есть, конечно, у нас хорошие, значительные труды по этим вопросам, в частности, не могу не упомянуть интересную книгу Г. Ломидзе и его же вдумчивые, обстоятельные статьи. Но все это в сравнении со значимостью и актуальностью самих проблем крайне недостаточно. Тем более, что в некоторых теоретических суждениях о взаимосвязи социалистического содержания и национальной формы больше пафоса общих объяснений и логических прогнозов о будущих судьбах национальных форм и национальных языков, чем пафоса утверждения и практической созидательности. А главная задача, мне кажется, заключается в том, чтобы сделать национальные формы более яркими, красочными, жизненными, дабы дать проявляться во всем своем богатстве и многообразии социалистическому содержанию.

Именно в этом направлении хочется высказать некоторые общие мысли о национальной форме накануне III съезда писателей СССР, который, безусловно, займется самыми животрепещущими вопросами развития нашей многонациональной советской литературы.

Показать, как одинаковое или сходное идейное содержание по-разному вы-

ражается художниками разных национальностей, дело не такое трудное. Самое важное уяснить и твердо убедиться в том, что одним из основных условий развития и расцвета литературы и искусства является их органическая связь с плодотворной, насыщенной живительными соками национальной почвой или же, наоборот, что от утери национальных красок неминуемо хиреет, обедняется и падает художественное творчество. Разве нужно доказывать, что порождение серых, невыразительных и неволнующих произведений во многом обуславливается отрывом художника от национальной почвы, притуплением чувства национального языка — этого основного элемента национальной формы. Недавно кое-кто из молодых грузинских писателей в построении своих рассказов явно начал подражать некоторым современным западным писателям. И получился печальный факт. Художественные мотивы, безусловно, эстетически значимые в произведениях самих западных писателей, сделались ложными и пустыми в рассказах подражателей, так как они повисли в безвоздушном пространстве, вне национальной среды. Утеря национальной почвы неминуемо ведет к утере связи с жизнью, языком, и, значит, с мыслями и чувствами народа.

Между тем, нечего греха таить, что кое-где среди нас еще бытует тенденция недооценки значения национальных форм в деле создания культурных ценностей социалистического общества. Тенденция эта в той или иной степени нашла свое выражение и в некоторых литературно-теоретических трудах, в которых внешне как будто выдвигаются разные положения, но, в сущности, эти положения очень близки друг другу.

Есть, например, точка зрения, которая рассматривает национальную форму как

Статья публикуется в порядке обсуждения.

ничто внешнее и безразличное к содержанию, но сохраняемую как некий рудимент до поры до времени. Компонентами такой формы объявляются внешние и несущественные черты национального характера, некоторые традиции и бытовые особенности, колорит родной природы, национальные блюда, национальные костюмы, нередко отживающие свой век даже для данного народа, и т. д., и т. п. Но ведь все эти, да и подобные им элементы любой национальной формы свободно может воспроизвести в своем художественном творчестве талантливый художник любой другой национальности. Так, например, армянский писатель может очень правдиво и проникновенно изображать и национальный характер грузина, и пейзаж Грузии, обычаи и бытовые особенности грузинского народа, и вообще грузинскую тематику, но от этого его произведение не перестанет быть армянским национальным явлением и не станет грузинским.

Очевидно, национальную специфику искусства и литературы нужно искать не столько в их материале, в характерах и действующих лицах произведения, сколько, и главным образом, в самом отношении художника к материалу, то есть в той особенной эстетической оценке действительности, которая роднит разных художников одной национальности и различает их от художников других национальностей.

Горький и Шолохов, Маяковский и Твардовский — писатели совершенно разных творческих почерков, но, кроме общего мировоззрения и общего языка, сколько общего между ними и в смысле проявления русского вкуса, русской эстетической склонности, широкой русской натуры в изображении людей и их отношений, природы и вещей. Такое же родство национальных особенностей найдем мы у Г. Табидзе и Г. Леонидзе, К. Гамсахурдиа и Л. Киачели, К. Лордкипанидзе и Д. Шенгелая и у всех писателей любой национальности, единых по мировоззрению и совершенно различных по творческому облику. Все это можно проследить в любом виде искусства. Вспомните, например, в танцы народов, и вы легко поймете, какие ритмы, какие пластические формы, какие рисунки движения облюбовывает тот или иной народ.

Источником национальной формы является неповторимо своеобразная духовная биография народа, обуславливающая своеобразное ощущение и видение мира.

Конечно, ярче всего дух народа, особенности его характера, склад его психологии, его вкусы и склонности выражаются в его языке. Язык, как средство общения между людьми, является продуктом работы человеческой мысли, результатом отношения людей к окружаю-

щей действительности. В языке каждого народа отражена вся история духовной жизни его. Язык — это своеобразный мысленно-чувственный рисунок не только внешнего мира, но и души народа, создателя его. Народ всегда дополняет, дорабатывает и дописывает этот рисунок. Язык, его строй, его звучание, его ритм уже содержат в себе вечно живое зерно того своеобразного ощущения мира, которое свойственно данному народу. Не будь тех языков, на которых создавали свои произведения Гомер и Эсхил, Данте и Петрарка, Шекспир и Байрон, Гете и Шиллер, Бальзак и Гюго, Пушкин и Толстой, Руставели и Важа Пшавела, вероятно, мы лишились бы многих великих творений человеческого гения. Прав был классик грузинской литературы, поэт Григол Орбелиани, который писал:

«Коль сгинет язык, падет народ,
Мраком покроется храм святой».

Вообще-то без национальных средств выражения людских чувств и мыслей и не мыслится человеческая культура. Однако же, отождествление национальной формы искусства и литературы с их содержанием, как это подчас склонны делать некоторые наши теоретики, было бы грубой ошибкой, ведущей уже с другого конца к отрицанию национального фактора развития социалистической человеческой культуры.

В широком смысле слова ведь содержанием всякого искусства и литературы является человеческая жизнь, вся человеческая действительность, включающая в себя вечно развивающиеся взаимосвязи и взаимоотношения. И действительность эта бесконечно многообразна и многогранна именно тем, что имеет бесконечное множество конкретных форм проявления. А национальное есть одно из существенных конкретных форм проявления этой человеческой действительности.

И если верно положение, что литература и искусство есть познание и выражение жизни в форме самой жизни, то одной из существенных областей этой формы является национальная форма. Но форма эта совсем не безразлична к содержанию, как ее представляют некоторые теоретики. Представление это, на мой взгляд, связано, по существу, с наивным и глубоко ошибочным суждением о том, что раз имеется одно единое социалистическое содержание, то ему присуща только одна единственная, своя форма — одна необходимая внутренняя структура, а всякие другие формы могут быть внешними и безразличными к содержанию. Впрочем, подобного рода доводов в своих злостных вымыслах о мнимом однообразии советской литературы не чужды наши недруги на Западе, которые на-

меренно закрывают глаза на неоспоримый факт огромного богатства национальных форм, индивидуальных почерков, жанровых и стилевых разнообразий нашей советской литературы. Им это не по духу. Но горько сознавать факты отдельных заблуждений и в нашей среде.

Ведь богатство форм нашего искусства и литературы является внутренней потребностью и необходимостью самих социалистического содержания. Надо сказать, что из всего человеческого содержания всей мировой художественной культуры именно социалистическое человеческое содержание требует наибольшего разнообразия форм, в том числе и национальных форм, ибо оно — это социалистическое содержание — охватывает самые высшие прогрессивно-гуманистические идеи и широчайший простор человеческой свободы — и социальной, и национальной. Из этого вытекает, что социалистические национальные формы, как и другие социалистические формы, являются не внешними и безразличными одеяниями социалистического содержания, а организующей это содержание активной внутренней структурой. Формы эти переходят в содержание, так как они едины с ним и разрывать их невозможно. Для социалистического содержания так же органична, естественна и необходима национальная форма художественного творчества, скажем, творчества Г. Табидзе и Л. Киачели, Д. Шенгелая и И. Абашидзе, как и великая русская национальная форма творчества М. Горького и В. Маяковского, М. Шолохова и А. Твардовского, А. Фадеева и А. Суркова.

Национальные формы по-разному — многогранно и многокрасочно — организуют единое великое социалистическое содержание.

Национальная форма, как индивидуальный почерк народной, коллективной творческой личности, именуемой социалистической нацией, конечно, не есть нечто застывшее. Она изменяется и развивается соответственно развитию содержания. В своем развитии национальная форма порой и отстает от содержания. Нагляднее всего это отставание можно проследить в творчестве отдельных писателей. Так, например, язык некоторых современных грузинских писателей настолько архаичен, искусственен и неуклюж, что едва ли соответствует современному этапу общественно-литературного развития.

Почему мы должны стремиться к умножению и усилению индивидуальных почерков?

Нет сомнения, что рождение каждого нового человека, если уродливая общественная среда не формирует из него носителя социального зла, делает мир краше, ибо как бы он ни был похож на

всех других людей, что-то неповторимое свое, какую-то новую краску — пусть очень незначительную — он все же приносит с собой и тем самым в какой-то мере обогащает, увеличивает многообразие жизни. А многообразие ведь источник не только жизненных импульсов, необходимых для развития и прогресса, но и источник всего цельного и прекрасного как в жизни, так и в искусстве. Не бывать ни гармонии, ни волнующих мелодий без разных звуков и голосов, не бывать прекрасным сочетаниям цветов без разных красок. Прелесть жизни, как и прелесть творчества, в единстве многообразия.

И если каждый отдельный человек способен украшать жизнь, то тем более нация — этот исторически сложившийся коллектив народных масс — способна двигать горы, веками умножать и умножать красоту мира. Наглядный факт: разве не стал более содержательным и прекрасным наш социалистический Союз — да и наша планета в целом — от того, что благодаря Великой Октябрьской революции ранее вырождавшиеся народы и народности вновь обрели большую жизненную энергию, некоторые из них впервые получили свою письменность и твердо стали на путь национального развития. Они уже смело вносят свой вклад в общечеловеческую культуру, обогащая ее.

Нет сомнения, что одним из существенных факторов выявления и развития всех творческих возможностей народа является его национальное самосознание. Его могут глушить только враги человечества и прогресса.

Конечно, национальное своеобразие — явление историческое и его нельзя брать вне времени и пространства. Оно меняется и развивается в потоке исторического процесса. Да и законы развития национальных форм неодинаковы в разных социальных формациях.

В обществах, где самой эксплуататорской социальной системе присуще подавление более сильными национальными группами более слабых, разжигание национальной розни, ассимиляция и вырождение малых народов, распространение идеологии шовинизма, национальной и расовой дискриминации и поглощение культурой господствующей нации культур угнетенных народов, — в развитии национальных форм действуют свои законы. В силу стихийности общественных процессов в этих антагонистических обществах внутренние законы их наименее подвластны воле людей. Люди тут находятся в плену этих стихийных процессов.

И ясно, что разные буржуазные теории о нивелировке и стирании национальных форм, о космополитизации человеческой культуры или, наоборот, об отгораживании разных национальных

культур друг от друга непроходимой стеной, безусловно, имеют свои основания в самой буржуазной действительности.

Совершенно другие законы определяют развитие национальных форм в свободном социалистическом обществе, где навсегда уничтожен всякий национальный гнет и где господствует высшая гуманистическая идеология — идеология братской дружбы народов. Существенная качественная особенность законов развития национальных форм в нашем обществе заключается и в том, что они — эти законы — подвластны сознательной воле советских людей в том смысле, что люди могут направлять их в нужную, желаемую сторону, в сторону всемерного развития национальных форм, как одного из действительных средств организации социалистического содержания в художественном творчестве.

Владея этими законами, нам, нашей воле, нашим мышлением не приходится бродить во мраке слепой необходимости, в хаосе самотечных явлений. Отныне развитие национальных форм не самотек, ведущий к слиянию их в одну единообразную форму, а процесс, направляемый идейно-эстетической программой советского общества и ведущий через большое единство к большому разнообразию.

На основе этого все растущего и укрепляющегося социально-идеологического единства несомненен процесс сближения национальных форм, в частности и национальных языков. Но процесс этот должен быть направлен не в сторону обеднения и стирания этих форм, а в сторону всемерного обогащения и расширения их, так же, как сближение людей, укрепление их коммунистической взаимосвязи и рост их коллективистической сознательности ведет не к стиранию, а к безграничному обогащению личностей. Прекрасно лишь единство, вбирающее все богатства частей.

Многообразие социалистических национальных форм искусства и литературы — одно из основных требований эстетики социалистического реализма. Поэтому многообразие это должно быть рассмотрено не созерцательно — не только

с точки зрения объяснений его, как объективного явления, но и с точки зрения практического осуществления его, как эстетического и этического идеала социалистического общества.

Национальная форма, как и всякая другая форма, является активным началом художественного произведения, ибо она организует его содержание, делает его конкретным, определенным, зримым и наглядным.

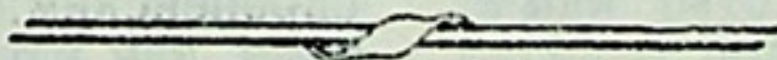
Для коммунистической идеологии, для марксистско-ленинского мировоззрения неприемлемо и чуждо всякое умаление значения национальной формы в деле выражения передовых идей современности и, значит, в деле воспитания людей в духе коммунизма.

Разные теоретические построения, которые, по существу, сводят на нет национальный фактор развития социалистической культуры, лишены всяких реальных основ в нашей действительности, и они сознательно или бессознательно могут питаться только дурными предрассудками прошлого. Все время развивать в людях тонкий слух к прелестной музыке национальных чувствований мира — в основе которой социально-идеологическая общность — дело нужное и великое.

Ни в одну эпоху истории человечества люди не имели такую возможность активно вмешиваться в объективные процессы общественной жизни и творить историю по своим лучшим идеалам, какую имеют в нашу социалистическую эпоху. А чтобы вмешиваться и направлять эти процессы, люди должны знать их природу, должны иметь ясные идеалы и ясную программу действия. Это полностью относится к советской литературе, к советским писателям.

Раскрытие глубоких корней национальной формы литературы и искусства, внесение большей ясности и четкости в этот вопрос безусловно явится значительным стимулом развития нашей многонациональной литературы.

Надо полагать, что проблемы национальной формы искусства и литературы, наряду с другими актуальными вопросами, окажутся в центре внимания предстоящего съезда писателей СССР.

МОНОГРАФИЯ О Н. НИКОЛАДЗЕ

Монография В. Н. Замбахидзе носит скромное название — «Педагогические идеи Н. Николадзе», но она дает довольно полное представление о той исторической роли, которая принадлежит Н. Я. Николадзе в развитии общественной мысли Грузии второй половины XIX века.

На основе глубокого анализа публицистического наследия Н. Николадзе, В. Замбахидзе показывает, что социально-политические и философские взгляды Н. Я. Николадзе складывались под влиянием идей русских революционных демократов и, в первую очередь, Н. Г. Чернышевского. Автор монографии показывает, что Н. Я. Николадзе одним из первых в Грузии во второй половине XIX в. глубоко понял смысл реформ 60-х годов и основные тенденции развития производственных отношений в России и Грузии в пореформенный период. Крестьянскую реформу 60-х годов Н. Николадзе считал по существу «комедией мнимого освобождения», новым «узаконением грабежей и разбоев, подлогов и преступлений».

В. Н. Замбахидзе. «Педагогические идеи Н. Николадзе» (на грузинском языке). Редактор Д. Лорткипанидзе. Издательство Научно-исследовательского института педагогических наук Грузинской ССР, Тбилиси, 1957 г.

Н. Николадзе был убежден, что народ — это первое действующее лицо истории, с великими жертвами, но все же добьется установления человеческих отношений, основанных на «общественной гармонии». Социально-политическая пропаганда Н. Николадзе сыграла прогрессивную роль в развитии общественной мысли в Грузии, так как в целом его взгляды имели демократический характер, отстаивали интересы трудовой части общества, будили и настраивали ее против царизма, вселяя в душу народа ненависть к поработителям и веру в торжество социальной справедливости.

Оставаясь на всем протяжении жизни пламенным патриотом своей родины, Н. Николадзе вместе с тем был горячим поборником идеи дружбы народов, в частности дружбы нашего народа с трудовым русским народом. «Связав свою судьбу с судьбой даже современной России, Грузия, — утверждал он, — скорее доберется до возможно лучшего устройства своего положения, чем находясь в союзе или под покровительством (мы не говорим уже о владычестве) какой бы то ни было европейской нации, не говоря уже о Турции или о Персии, о которых не думает ни один здравомыслящий человек в Грузии». Считая Россию «страной будущего», Н. Николадзе не допускал мысли о политическом союзе Грузии с европейскими буржуазными государствами, так как, по его мнению, «европейские государства принялись бы тотчас же цивилизовать Грузию на манер Алжира или же эксплуатировать ее на манер Индо-Китая».

Как показывает автор монографии, Н. Николадзе был представителем домарковского материализма. В материа-

тистическом аспекте решал он все философские проблемы, начиная от отношения сознания к бытию, кончая вопросом о роли личности в истории. Подчеркивая первичность материи, — пишет В. Замбахидзе, — и вторичность сознания, Н. Николадзе признавал объективное существование мира, природы, которая в своем развитии подчиняется объективным законам всеобщей связи и взаимодействия, закону причинности, постоянно действующему закону движения, из которого Н. Николадзе выводил закон развития жизни, природы и общества. В отдельных случаях у Н. Николадзе встречаются высказывания о законе «борьбы противоположностей», хотя в основном он все же оставался сторонником эволюционизма. Н. Николадзе считал, что народ является творцом, создателем истории. Не отрицая роли великих людей в истории, он подчеркивал, что эта роль «в жизни их отечества определяется далеко не одной лишь талантливостью данной личности, а условиями, в которые она поставлена, и той обстановкой, которую создает ей современное общество».

На основе правильного анализа публицистической деятельности Н. Николадзе, В. Замбахидзе указывает на то большое внимание, какое грузинский шестидесятник уделял вопросам воспитания подрастающего поколения в свете революционно-демократических педагогических идей. Заветной целью школы Н. Николадзе считал воспитание гражданина, готового к борьбе и труду, знакомого с законами природы и ее силами, умеющего пользоваться этими силами на благо общества, а самое главное — сознающего необходимость установления таких отношений между людьми, таких правил общежития, которые необходимы «для осуществления разумной и братской жизни».

В. Замбахидзе убедительно показывает, что, считая одной из основных задач умственного воспитания подготовку молодежи к лучшему служению народным интересам, борясь за тесную связь науки, образования с жизнью, с практической деятельностью общества, Н. Николадзе подвергал ожесточенной критике педагогические концепции, стремившиеся отгородить школу от жизни, замкнуть знание в кабинетах, «усилить рознь между представителями науки и труда» — и боролся за единение людей науки и труда — «этих величайших сил современного мира». Н. Николадзе подверг основательной критике т. н. официальный классицизм, вдохновляемый Катковым, Леонтьевым и другими адептами самодержавия, считавшими основой образования изучение древних классических языков, истории Греции и Рима, и вся-

чески ущемлявших изучение естественных наук, а также новой русской литературы, имевших громадное познавательное и воспитательное значение для молодежи. Н. Николадзе не впадал в крайность и вслед за Чернышевским и «Современником» требовал сочетания положительных черт классического образования с реальным.

В монографии много внимания уделено изложению того, с какой настойчивостью отстаивал Н. Николадзе вместе с И. Чавчавадзе, А. Церетели, Г. Церетели, Я. Гогешвили и другими право преподавания на родном языке в грузинских школах, боролся за развитие грузинской культуры. Но необходимо помнить, что эта любовь к своему народу, любовь к родному языку никогда не приводила Н. Николадзе ни к шовинизму, ни к космополитизму, — это особо подчеркивается в монографии. Исходя из своих общеполитических убеждений, Н. Николадзе считал необходимым изучение языков и других народов, в частности русского языка.

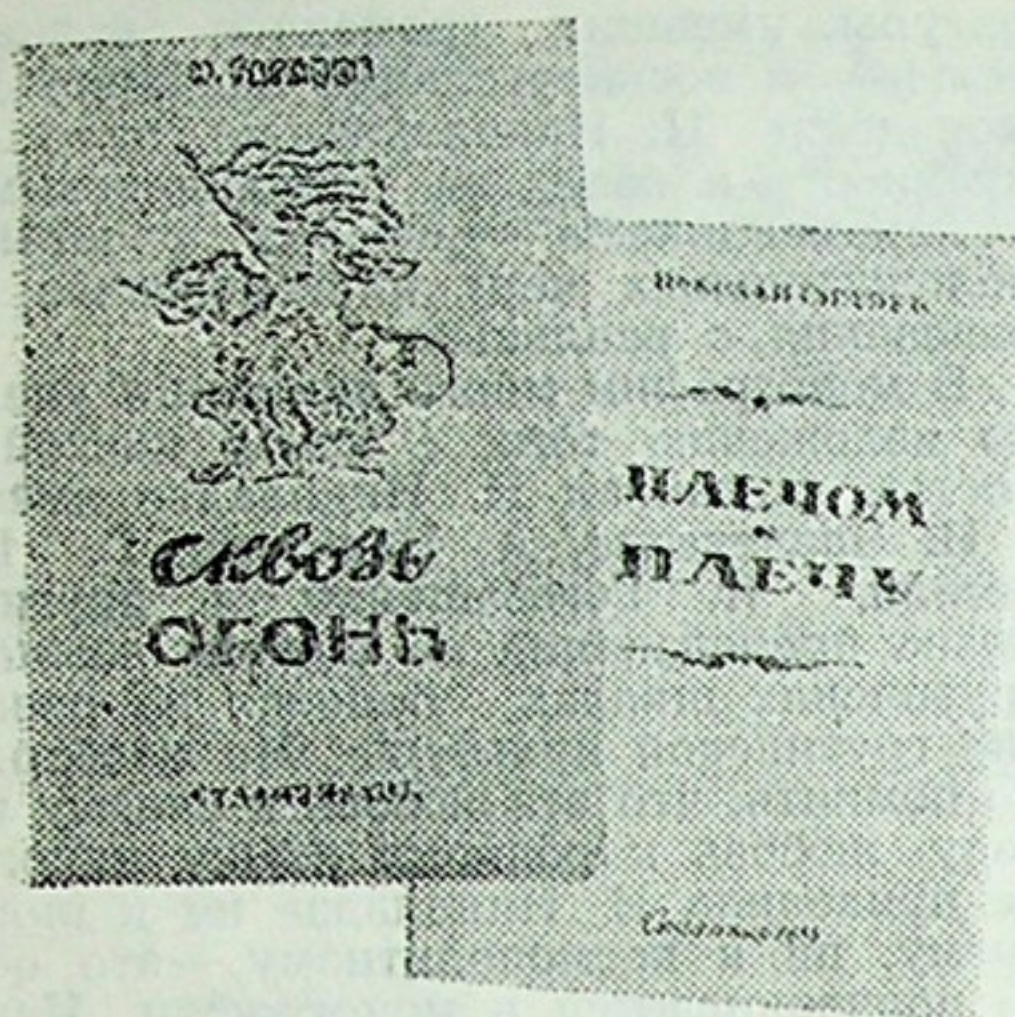
Н. Николадзе был широко образованным человеком, мыслителем с реальным складом ума, человеком глубокой наблюдательности, не лелеявшим себя пустыми иллюзиями. Он хорошо знал, что осуществление передовых общественных устремлений, в частности, в области педагогики, в условиях царизма невозможно, и поэтому, совместно со всеми передовыми представителями грузинской и русской общественной мысли второй половины XIX века, он считал необходимым «такое устройство общественных отношений, которое бы давало полное удовлетворение физическим и умственным потребностям отдельных членов общества и при котором бы их умственные способности находили себе полный простор, вместе с возможностью развиваться вволю».

Показывая, что Н. Николадзе являлся прогрессивным деятелем, крупным демократом, отстаивавшим интересы трудового народа, поборником его прав и неутомимым борцом против царизма, В. Замбахидзе не забывает и о том, что Н. Николадзе до конца своей жизни оставался демократом-просветителем и не мог подняться на уровень научного социализма.

Монография В. Замбахидзе «Педагогические идеи Н. Николадзе» является весьма полезным трудом. Книга эта по своему содержанию выходит за рамки истории педагогики. Она интересна и полезна не только для занимающихся изучением истории педагогических идей, — она может принести большую пользу и тем, кто интересуется вообще историей дореволюционной общественной мысли Грузии.

Уш. ОБОЛАДЗЕ.

ПРАВДИВАЯ ЛЕТОПИСЬ ГЕРОИЧЕСКИХ БУДНЕЙ

В 1954 и в 1957 гг. Госиздат Юго-Осетии издал на русском языке две книги Н. Гаглоева — «Плечом к плечу» и «Сквозь огонь».

Автор, кадровый советский офицер, сам подчеркивает документальную достоверность описываемых в книгах исторических событий. «Выполняя свой служебный долг, я в свободное время записывал то, что считал необходимым», — пишет он в предисловии к первой книге. Вторую книгу он назвал «романом-хроникой».

«Плечом к плечу» и «Сквозь огонь», хотя и повествуют о разных событиях (первая — о Великой Отечественной войне, вторая — о борьбе трудящихся Юго-Осетии за власть Советов), — объединены личностью главного героя Хетага Газановича Приева.

Книгу «Плечом к плечу» отличает, прежде всего, большая ее достоверность. Это правдивый и точный рассказ о том, как в борьбе с жестоким врагом советские люди добились величайшей в истории победы.

Сюжетная линия книги — это боевой путь танкового корпуса, которым командует генерал Громов, жизнь и воинские подвиги подполковника Хетага Приева, талантливого офицера, выдвинутого революцией из самой гущи народных масс.

В книге «Плечом к плечу» есть еще

Н. Гаглоев. «Плечом к плечу». Редактор К. Левин. Госиздат Юго-Осетии, Сталинири, 1954 г.

Н. Гаглоев. «Сквозь огонь». Редактор Л. Розин. Госиздат Юго-Осетии, Сталинири, 1957 г.

целый ряд привлекательных образов солдат, сержантов и офицеров Советской Армии. Мы знакомимся с целой галереей простых и скромных тружеников войны.

Плечом к плечу сражаются люди разных национальностей — русский лейтенант Гребенников и украинец майор Бойко, осетин Приев и грузин Котэ Заалишвили, узбек Мовлянов и молдаванин Чебан. Всех их связывает любовь к своей социалистической Родине и крепкая боевая дружба. В книге немало интересных страниц, раскрывающих руководящую и организаторскую роль партии в годы Великой Отечественной войны.

Волнующе и правдиво описывается сцена полкового партийного собрания, перед очередным большим наступлением.

Язык повести — простой, без претензии на «литературность» и искусственное украшательство.

Но не все в повести равно интересно и значительно. Некоторые описания кажутся излишне подробными, перегруженными деталями, не всегда важными для существа дела. Композиция книги несколько однообразна.

В романе «Сквозь огонь» дана картина борьбы за Советскую власть трудящихся Юго-Осетии, возглавляемых Коммунистической партией. Автор показал, как росло революционное сознание трудящихся масс, как зрели в народе те силы, которые привели рабочий класс и крестьянство нашей страны к Великой Октябрьской социалистической революции. Интересен процесс формирования главного героя Хетага Приева. Большевикский характер Приева складывался и закалялся в огне гражданской войны, в непрерывной упорной учебе. Шестнадцатилетним юношей в 1918 г., когда в Юго-Осетии бушевала гражданская война, Приев примкнул к партизанскому отряду. В рядах Советской Армии Приев служил со дня ее основания; тогда же вступил он в ряды Коммунистической партии.

Автор — в 1918 г. участник партизанской войны в Юго-Осетии — использовал для своей книги как личные записи и воспоминания, так и воспоминания старых революционеров и архивные материалы.

А. М. Горький говорил: «Наша молодежь должна знать, какой путь прошли люди старшего поколения, какую борьбу выдержали они, чтобы дети и внуки их могли жить счастливой жизнью». О нескольких страницах этой героической борьбы и рассказывают книги Н. Гаглоева.

Л. РАЗМАДЗЕ.

Коротко об авторах

ТАБИДЗЕ (Род. в 1892 г.) — Галактион Васильевич народный поэт Грузии, академик Академии наук Грузинской ССР. Учился в тифлисской семинарии. Начав литературную деятельность в ученические годы, с 1908 г. регулярно печатается в газетах и журналах. Первая книга его стихов вышла в 1914 г. В 1924 г. была издана поэма Г. Табидзе, посвященная Великой Октябрьской социалистической революции, а в 1929 г. — одно из лучших его произведений «Эпоха».

Г. Табидзе был делегатом Первого антифашистского конгресса в Париже в 1935 году. В результате поездки по странам Западной Европы, поэт создает большой цикл стихов. В дни Великой Отечественной войны Г. Табидзе издал несколько книг стихов, отображающих героическую борьбу советского народа с фашистскими захватчиками.

ГАМСАХУРДИА (Род. в 1891 г.) — Константинэ Семенович грузинский писатель, академик Академии наук Грузинской ССР.

Печататься К. Гамсахурдиа начал с 1921 года. Его перу принадлежат сборники новелл «Мир, который я вижу», «Левым глазом», романы «Улыбка Диониса», «Вождь», «Роман жизни Гете», «Десница великого мастера», «Похищение луны», «Цветение лозы» и «Давид Строитель», а также критические статьи о творчестве ряда классиков русской и западно-европейской литературы, серия очерков о крупнейших стройках республики (Колхида, Рустави, Самгори). Кроме того, К. Гамсахурдиа — переводчик на грузинский язык произведений Пушкина, Данте, Гете, Гейне.

СУЛЕЙМАН (Род. в 1906 г.) — Рустам азербайджанский поэт. Его стихи и переводы на азербайджанский язык классиков русской литературы начали печататься с 1923 года. Перу С. Рустама принадлежат сборники стихов: «От печали к радости», «Шаги», «Огонь», «Звезды», «Ча-

паев», «Романтика ночи», поэма «Хороший товарищ» и другие.

ГУЛИА (Род. в 1913 г.) — Георгий Дмитриевич абхазский писатель. Окончил Закавказский институт инженеров путей сообщения. В 1930 г. была опубликована первая повесть Г. Гулиа «На скате».

Г. Гулиа — автор трилогии «Друзья из Сакена», посвященной жизни Советской Абхазии. О прошлом абхазского народа рассказывает повесть Г. Гулиа «Черные гости» (1950 г.).

ВЫШЕСЛАВСКИЙ (Род. в 1914 г.) — Леонид Николаевич украинский поэт, кандидат филологических наук. Окончил Киевский государственный университет и аспирантуру. Первые стихотворения были опубликованы в 1936 г.

Л. Вышеславский — автор ряда сборников стихов и поэм: «Песня с Днепра», «Пионерская тайна», «Молодость мира» (1951 г.), «Путями правды» (1952 г.), «Простор» (1956 г.), «Лирика и героика» (1957 г.), «Единство земли» (1958 г.), Стихи Л. Вышеславского печатаются в ряде союзных и республиканских газет и журналов.

СТАЦЕНКО (Род. в 1932 г.) — Семен Сергеевич русский поэт. Живет и работает в Грузии. Был литейщиком на заводе. Первые стихи напечатаны в 1954 году. Летом 1956 года по комсомольской путевке работал на целинных землях Казахстана.

БЕЛИАШВИЛИ (Род. в 1903 г.) — Акакий Ионович грузинский писатель. Учился на горном факультете Грузинского политехнического института. Писать очерки и рассказы начал в 1920 году. Первую книгу издал в 1933 году. В 1943—1948 гг. печатается исторический роман А. Белиашвили «Бесики». В 1952 году был опубликован другой исторический роман писателя — «Золотой шатер». В 1953 году издана первая часть романа «Рустави».

КРЕЙТАН (1900 — 1951) —
(Попов) русский поэт. В
Георгий Владимирович 1918 году окончил
тифлисское реаль-
ное училище, а в 1948 году — Высшую
партийную школу при ЦК ВКП(б). С 1928
года до конца своей жизни Г. Крейтан ра-
ботал в тбилисских газетах и журналах.

В 1926 году вышла первая книга стихов
Г. Крейтана «Маршрут жизни», а затем
сборники «Человек на крыше» (1928),
«Земные звезды» и др. В годы Великой
Отечественной войны выходят две книги
антифашистских сатирических стихов.

ГАШЕК (1883 — 1923) —
Ярослав крупнейший чеш-
ский писатель-са-

тирик. Литературную деятельность на-
чал в качестве репортера и фельетониста
пражских газет, автора бытовых анекдотов
и мелких юмористических рассказов. Перу
Я. Гашека принадлежат острые сатириче-
ские рассказы «История поросенка Ксаври-
ка», «Коза и всемогущий бог», «Постный
день в исправительном доме» и др. В
1920—1923 гг. Гашек создает выдающееся
произведение национальной чешской лите-
ратуры — сатирический антиимпериалисти-
ческий роман «Похождение храброго солда-
та Швейка во время мировой войны».

Рассказ Я. Гашека «Кража людей», пу-
бликуемый в нашем журнале, на русском
языке печатается впервые.

АБАШИДЗЕ (Род. в 1909 г.) —
Ираклий грузинский поэт.
Виссарионович Окончил филоло-
гический факультет Тбилисского государ-
ственного университета. Первый сборник
стихов вышел в 1931 г., затем выходят цик-
лы его стихов «Цветет Гурия», «Ночь охот-
ников», «Песня жатвы» и др.

И. Абашидзе принадлежат многие пере-
воды стихов В. Маяковского и других со-
ветских поэтов на грузинский язык.

В результате поездок по Индии и Европе
И. Абашидзе были написаны стихи, очерки
и путевые записки.

И. Абашидзе — Первый секретарь Сою-
за писателей Грузии.

КАЛАНДАДЗЕ (Род. в 1903 г.) —
Лавросий Гигилоевич грузинский писа-
тель-критик. Учил-
ся в Институте Красной профессуры в г.
Москве.

Первые литературно-критические статьи
были опубликованы в 1925 г. в грузинских
и русских периодических изданиях.

В 1954 г. вышел сборник литературно-
критических статей на грузинском языке.

Технический редактор М. Соселля

Подписано к печати 10 февраля 1959 г. 6 печ. лист. Формат бумаги
70 × 108¹/₁₆. Заказ № 95 Тираж 4000. УЭ 00041 Цена 4 руб.

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ზარია ვოსტოკა“

Типография „Заря Востока“ им. А. Ф. Мясникова
Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.